

**Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт всеобщей истории Российской академии наук**

На правах рукописи

Шпак Георгий Владимирович

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗОВ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА
В ЕВРОПЕЙСКОМ ТРАВЕЛОГЕ XVII–XVIII ВВ.**

Специальность 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы
исторического исследования

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель
член-корр. РАН, д.и.н., профессор

Л.П. Репина

Москва 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Пространственно-темпоральные характеристики травелога	17
1.1 Травелог: трудности поиска универсальной дефиниции	17
1.2 Время и пространство как сюжетообразующие категории травелога...	23
Глава 2. Пути формирования репрезентационных стратегий XVII века. Становление жанра	37
2.1. Особенности мифопоэтического описания и тексты христианских па- ломников.....	37
2.2. Британский травелог в контексте новых репрезентационных практик.....	45
Глава 3. Пространственно-временные и когнитивно-риторические стратегии в травелогах XVIII века	72
3.1. Репрезентация времени и пространства в русском травелоге XVIII века.....	72
3.2 Описательные стратегии в травелогах последней трети XVIII века.....	91
Глава 4. Поиск новых форм или кризис описательных практик	102
4.1 Записки о душе. Когнитивные стратегии репрезентации реальности в сентиментальном травелоге	102
4.2 Подлинность и вымысел. Пути развития художественного травелога.....	113
Заключение	134
Источники и библиография	140
Приложения	151

ВВЕДЕНИЕ

Уже заголовок исследования «Репрезентация образов пространства и времени в европейском травелоге XVII-XVIII вв.» наводит на ряд вопросов. Какие значения скрыты в слове «репрезентация»? Что понимается под пространством и временем? Что такое травелог и почему автор пользуется этим термином, отказываясь от более традиционных?

Путешествие всегда происходит в определенном времени и пространстве, но, чтобы это утверждение обладало достаточной релевантностью, необходимо добавить, что категории пространства и времени – это ментальные конструкции, т.е. их восприятие зависит от целого ряда факторов. Под образами понимаются описательные стратегии, позволяющие автору репрезентировать пространство и время, перевести их с языка непосредственного эмпирического восприятия на язык письменной речи с присущей ей суммой правил и норм. Отсюда проистекает необходимость использования слова «репрезентация», подчеркивающего наличие определенного референта, воспринимаемого автором в границах, обусловленных его мировоззренческими, теоретическими и другими (часто неосознанными) установками.

Объект исследования: образы пространства и времени в европейских травелогах XVII – XVIII вв.

Под травелогом понимается вся совокупность текстов, описывающая передвижение героя, нацеленное на репрезентацию образов пространства и времени.

Предмет исследования: механизмы репрезентации образов пространства и времени в текстах путешественников

Актуальность темы исследования. Первый аспект актуальности касается переосмысления травелогов как особого типа исторического источника, дающего нам возможность взглянуть на изучение истории культуры, истории идей и истории коммуникаций в новом методологическом русле. Вместе с тем можно констатировать отсутствие ясного представления о природе и границах травелога как жанра. Очевидна размытость терминологической базы и отсутствие четких исследовательских стратегий и компетенций при их изучении. В этих обстоятель-

ства выстраивание новых исследовательских и методологических перспектив анализа травелогов является одной из первостепенных задач.

Второй аспект актуальности относится к самому предмету исследования, а именно способам репрезентации пространства и времени в травелогах. Обе категории (время и пространство) являются базовыми для исторической науки и в последнее время, благодаря различным познавательным поворотам, стали особенно актуальны. В работе в новом свете предстают вопросы, связанные с природой исторического времени и пространства и их местом в исследовательской практике историка и шире – в исследовательском процессе, в том числе на стадии репрезентации исторического материала; открывается их тесная связь со спецификой исторических объектов и их нахождением в определенной культурной и социальной ситуации; подчеркивается конструктивистский характер исторического времени и пространства.

Конкретных исследований, посвященных анализу травелога как текста, конструирующего пространство, практически не предпринималось, что позволяет констатировать как необходимость исследования этого поля, так и риск, связанный с отсутствием методологических наработок и устойчивых традиций изучения травелога. В связи с этим, третьим аспектом актуальности является необходимость выработки категорий, позволяющих структурировать материал, полученный в ходе исследования, то есть необходимость выстраивания методологических оснований для классификации стратегий репрезентации образов пространства и времени в травелоге. Примечательно, что многие исследователи до сих пор пользуются метафорикой травелога, его сюжетной канвой в целях верификации своих открытий и повышения эвристической ценности работ. Мишель де Серто пишет: «Я хотел бы представить здесь не столько замысел, сколько *ландшафт* одного исследования, чтобы, очертив *территорию*, указать те *ориентиры*, в которых развивается действие. *Продвижение* этого анализа оставляет свои *следы*, прямые или зигзагообразные, на *земле*, уже давно обитаемой...». Так

сказано во вступлении к работе «Изобретение повседневности»¹. Подобный ход мыслей не редок в историографической практике.

Основная **цель** исследования состояла в выявлении стратегий, позволяющих путешественникам XVII – XVIII вв. фиксировать или репрезентировать образы времени и пространства в тексте. Трудность подобного исследования заключалась в том, что оптика чаще всего имплицитна и только тщательный анализ теоретических работ и авторских текстов способен дать нам представление об особенностях тех или иных аналитических матриц, используемых путешественником для описания пространства. Таким образом одна из основных задач исследования состояла в конструировании сетки, позволяющей классифицировать травелог. Важно подчеркнуть, что в работе рассматривается та операциональная логика, которая позволяет тексту состояться, а пространство и время воспринимаются как главные сюжетобразующие факторы.

В соответствии с заявленной целью были сформулированы определенные задачи. Будет правильным раскрыть их сообразно сюжетной канве исследования, то есть в привязке к конкретным главам работы.

Первая глава исследования посвящена теоретическим установкам, характеристике современных представлений о репрезентациях пространства-времени. Проводится анализ роли травелога в современном научном мире.

Ставятся задачи:

– выявить и рассмотреть историографические корни термина «травелог». Доказать уместность и желательность использования именно этого термина в исследовании;

– определить, существует ли взаимосвязь между категориями пространства, времени и сюжетной канвой травелога. Выработать наиболее подходящие исследовательские инструменты для анализа образов пространства и времени в тексте.

¹ Серто Мишель де. Изобретение повседневности. Искусство делать / Пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной – СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. С. 37.

В рамках второй главы автор ставит перед собой следующие задачи:

- выявить формы пространственно-темпоральных репрезентаций, существовавшие до Нового времени, и причины их трансформаций в XVII–XVIII вв.;
- охарактеризовать феномен путешествия в Англии семнадцатого века и его влияние на литературу и бытовую реальность путешественника;
- выявить психологические особенности рецепции пространства-времени и его репрезентаций в травелоге;
- установить связь между репрезентациями и особенностями научных парадигм XVII века;
- найти закономерности в трансформации репрезентаций на протяжении XVII столетия.

Целью автора в третьей главе является выявление стратегий репрезентации пространства и времени в травелогах XVIII века.

Ставятся задачи:

- выявить особенности репрезентации пространства и времени в русских травелогах XVIII века;
- проанализировать когнитивно-риторические стратегии текстов С. Крашенинникова, И. Лепехина, И. Фалька и Г. Ф. Миллера в контексте эволюции европейской травелогографии.

В четвертой главе перед автором стоят задачи:

- выявить условия, способствовавшие формированию новой традиции травелогографии в конце XVIII в., и проанализировать эту традицию.
- провести анализ исследовательских категорий «сентиментального» травелога, остановившись на проблеме подлинности и вымысла художественного текста, созданного в традиции травелогографии.

Методология исследования. Одна из основных сложностей работы состояла в отсутствии теоретико-методологических наработок в области исследования травелога. В связи с этим для выполнения поставленной цели приходилось не только адаптировать к исследованию травелога традиционные методы исторического анализа, но и привлекать приемы и методы из смежных дисциплин, а также

использовать собственные теоретические наработки. Привлечение методов рецептивно-репрезентационного анализа из таких областей исторического знания как историческая лингвистика, история науки и естественнонаучного знания, историческая география и метагеография говорит о трансдисциплинарном характере работы. Из исторической лингвистики заимствуются приемы работы с текстом, принцип, говорящий о том, что любой текст есть продукт пересечения различных репрезентационных моделей. Сам концепт «репрезентация» служит своеобразным маркером, позволяющим причислить данное исследование к направлению «новой культурной истории». В то же время сосредоточенность на выявлении особенностей репрезентационных моделей позволяет говорить об анализе категорий ментального восприятия, разрабатываемого исторической антропологией. Традиционным поводом для критики данного направления служит недостаточное раскрытие причин трансформаций восприятия. В работе делается попытка преодоления статичности за счет заимствования наработок из сферы истории науки и естественнонаучного знания. Трансформации естественнонаучной картины мира выступают фреймом для когнитивно обусловленной рецепции пространства-времени, что позволяет, привлекая проблемно-хронологический метод, сформировать представление о ходе трансформаций и о существовании преемственности между мифопоэтической, механистической и органицистской моделями восприятия.

Задача выборки и структурирования стратегий репрезентации не могла быть решена без привлечения метода компаративного анализа. Необходимо подчеркнуть, что для наиболее эффективного выявления точек сближения и расхождения в травелогах требовалось сформировать схему, на которую в дальнейшем накладывались различные описания. В работе предложено две схемы – когнитивно-риторическая и телеологическая, что позволяет провести анализ репрезентационных схем в травелоге с высоким уровнем упорядоченности.

Основным объектом исследования является травелог, который рассматривается с двух сторон. В первом случае каждый текст воспринимается в качестве уникального и независимого от описательных схем источника, при этом активно

используются приемы текстологического и терминологического анализа; во втором случае травелог погружается в исторический контекст, и здесь стоит сказать о следующем ряде методов и приемов. Принцип историзма позволяет провести анализ генетических связей травелогов XVII – XVIII вв. с предшествующими и последующими текстами, что делает возможным цельное представление о характере источника и применяемых в нем стратегиях репрезентации. Анализ описательных схем не может обойтись без выявления особенностей авторского мировоззрения, в связи с чем активно применяется биографический метод. Его привлечение, помимо прочего, помогает выявить условия создания текста, объяснить взгляды автора, осмыслить особенности и характерные черты авторских травелогов.

Все более актуальными в историографической практике становятся исследования, имеющие целью раскрыть мыслительные стратегии субъектов исторического процесса. Из географических дисциплин выделяются имагинальная география, гуманитарная или метагеография. Как и другим культурологическим дисциплинам, им приходится балансировать на стыке наук, вырабатывая свою индивидуальную научную программу, формируя защитное поле дисциплины. Д. Н. Замятин так характеризует данное направление: «Имагинальная география развивается на стыке культурной географии, культурологии, культурной антропологии, культурного ландшафтоведения, *когнитивной географии*, *мифогеографии*, истории, философии, политологии, когнитивных наук, искусствоведения, языкознания и литературоведения, социологии, психологии. Синонимы названия “имагинальная география” – образная география, география воображения, имажинативная география, имагинальная спациология, философическая география²».

Похожий перенос акцентов наблюдается в лингвистических дисциплинах. Как пишет А. В. Прожилов: «В лингвистике сформировалось несколько когнитивно ориентированных направлений. Кроме собственно когнитивной лингвистики, это этнопсихолингвистика, этнолингвистика, прагмалингвистика и линг-

² Замятин Д. Н. Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук // Социологическое обозрение. – СПб.: 2010. Т. 9. № 3. С. 26-27.

вокультурология³». Одной из слабых сторон новых направлений является неразвитость методологии, что становится причиной проникновения в научную среду идеологически ангажированных элементов⁴.

Примененные в совокупности методы позволили установить наличие скрытых рецептивно-репрезентационных моделей, воспроизводимых в европейских травелогах XVII-XVIII вв., а выявление и фиксация описательных схем стала одним из ключевых результатов работы.

Что касается **историографической базы исследования**, то всю литературу, привлекаемую при написании диссертации, условно можно разделить на несколько больших групп:

Прежде всего следует отметить, что объект исследования, представленный в виде текста, потребовал обращения к наработкам в области исторической лингвистики. В этой области ключевыми для написания диссертации стали работы Н. Потаповой, А. В. Прожилова, Р. Барта⁵. Данные работы позволили перейти на мета-уровень прочтения источника, поставить вопросы, касающиеся практик репрезентации образов пространства и времени в травелоге и стратегий описания, используемых конкретными авторами.

Теоретическое осмысление травелога сделало необходимым обращение к работам, посвященным изучению травелога как жанра. Отметим, что внимание исследователей сегодня привлекают такие аспекты анализа как возникновение

³ Прожилов А. В. Лингвоконцептология, неогумбольдтианство и этностереотипы // От лингвистики к мифу: лингвистическая культурология в поисках "этнической ментальности": сборник статей / сост. А. В. Павлова. – СПб.: Антология, 2013. С. 263-278.

⁴ См. подробнее: От лингвистики к мифу: лингвистическая культурология в поисках "этнической ментальности": сборник статей / сост. А. В. Павлова. – СПб.: Антология, 2013.

⁵ Потапова Н. Д. Лингвистический поворот в историографии. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015; Прожилов А. В. Лингвоконцептология, неогумбольдтианство и этностереотипы // От лингвистики к мифу: лингвистическая культурология в поисках "этнической ментальности": сборник статей / сост. А. В. Павлова. – СПб.: Антология, 2013; Барт Р. Основы семиологии // Структурализм: «за» и «против» / Сб. статей под ред. Е. Я. Басина и М. Я. Полякова – М.: Прогресс, 1975.

жанра травелога и его специфика, в том числе дифференциация внутри жанра (А. А. Майга, Н. А. Тулякова и Н. А. Никитина, О. Балла, А. Бондарева и др.)⁶; познавательные возможности и особенности эволюции травелога (А. Сорочан, А. Эткин, К. Томпсон, Т. Янг, А. Шенле)⁷. На примере названных исследований стало возможным увидеть, какие приемы используют авторы при анализе травелогов и какие лакуны остались в изучении этого типа источников. Вопросы, оставшиеся нераскрытыми, позволили констатировать необходимость привлечения новых методологических оснований и приемов исследования.

Необходимо упомянуть авторов, сфокусировавших внимание на стратегии мифопоэтического восприятия. Спор о роли мифа как инструмента отображения реальности рассмотрен, например, в работе Е. М. Мелетинского «Поэтика мифа», в которой он приходит к выводу, что «в фантастических образах мифологии широко отражены реальные черты окружающего мира» и что «характер отражения действительности в мифах обусловлен тем, что всякая мифология представляет собой некую замкнутую символическую систему, в которой взаимозависимость обозначающих сильнее всего влияет на соотношение образа и денотата⁸». Работы Б. Малиновского, В. Н. Топорова, Т. В. Цивьяна, В. П. Даркевича, М. М. Бахтина,

⁶ Майга А. А. Литературный травелог: специфика жанра // Филология и культура Выпуск № 3 (37) 2014; Никитина Н. А., Тулякова Н. А. Жанр травелога: когнитивная модель // Homo Loquens: Актуальные вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков, 2013; Балла О. Нефотографизмы: преодоление травелога // Homo Legens – 2013. №4; Бондарева А. Литература скитаний. // Октябрь. 2012. № 7.

⁷ Сорочан А. Туда и обратно: Новые исследования литературы путешествий и методология гуманитарной науки // НЛЮ; №112, 2011; Эткин А. Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах – М.: Новое литературное обозрение, 2001; Demaray G. From Pilgrimage to History / The Renaissance and Global Historicism. John. New York: AMS Press, 2006; Thompson C. Travel writing. The new crucial idiom – Routledge, 2011; Youngs T. The Cambridge Introduction to Travel Writing – Cambridge University Press, 2013; Шенле А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий. 1790 – 1840 / перевод с англ. Д. Соловьева – СПб.: Академический проект, 2004.

⁸ Мелетинский Е. М. Поэтика мифа – М.: «Восточная литература» РАН, 2000. С. 170 - 171.

Е. М. Мелетинского⁹ легли в основу раздела, посвященного травелогам, созданным в мифопоэтической парадигме.

Раздел, посвященный британским травелогам XVII в., не мог быть написан без привлечения работ англоязычных исследователей, фокусирующих внимание на проблемах анализа репрезентаций Нового времени. Работы М. Сванн, Н. Крэйна, Э. Болз, Б. Шапиро, Дж. Демарея¹⁰ дают представление о том, в каком ключе может рассматриваться травелог в современной англоязычной историографии.

Отдельно следует выделить работы, посвященные анализу феномена академического путешествия (В. Ф. Гнучева, Б. Д. Греков, Н. И. Кузнецова, Н. Ф. Уткина)¹¹. Данные работы позволили выявить источниковедческие особенности возникновения «ученых путешествий», установить закономерности возникновения новых форм репрезентаций.

⁹ Топоров В. Н. Модель мира. Мифы народов мира: Энциклопедия. – М., 1980. Т. 2; Топоров В. Н. Первобытные представления о мире (общий взгляд). Очерки истории естественнонаучных знаний в древности. – М. 1982; Цивьян Т. В. Путешествие Одиссея – движение по лабиринту // Концепт движения в языке и культуре. Сб. статей / отв. ред. Агапкина Т. А. – М.: ИНДРИК, 1996; Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики – М.: Художественная литература, 1975; Малиновский Б. Магия, наука и религия. – М., 1998.

¹⁰ Swann M. *Curiosities and Texts: The Culture of Collecting in Early Modern England* / Marjorie Swann. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2001; Crane N. *Great British Journeys* / Nicholas Crane. – Phoenix, 2009; Bohls E. *Travel Writing 1700-1830* / Elizabeth A. Bohls. – Oxford University Press, 2005; Shapiro B. *A Culture of Fact. England 1550-1720* / Barbara Shapiro. – Cornell University Press, 2000; Demaray G. *From Pilgrimage to History: The Renaissance and Global Historicism*. – New York: AMS Press, 2006.

¹¹ Материалы для истории экспедиций Академии Наук в XVIII и XIX веках: Хронологические обзоры и описание архивных материалов / Сост. В. Ф. Гнучева; под общ. ред. В. Л. Комарова; редакторы Л. С. Берг, Б. Д. Греков, Г. А. Князев (отв. ред.), Л. Б. Модзалевский. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940; Греков В. И. Очерки по истории русских географических исследований в 1725–1765 гг. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1960; Кузнецова Н. И. Социокультурные проблемы формирования науки в России (XVIII – сер. XIX в.) – М.: ИИЕТ, 1998, Уткина Н. Ф. Естественнонаучный материализм в России XVIII века – М.: Наука, 1971.

Среди академических путешествий XVIII века особо выделяются тревелогии Г. Ф. Миллера, послужившие образцом для последующих авторов. Анализ работ Г. Ф. Миллера не мог обойтись без привлечения исследований, посвященных этой личности (С. С. Илизаров, Р. Б. Казаков)¹². В них приводится характеристика Г. Ф. Миллера как путешественника-исследователя, дается анализ его текстов в контексте жанра записок путешественников.

Задача анализа пространства и времени, как развивающихся ментальных конструктов потребовала привлечения работ из области философии и истории науки и естественнонаучного знания. (П. П. Гайденко, А. Койре, Д. Ло)¹³. Обращение к наработкам в области истории восприятия пространства-времени позволило установить связь между научной парадигмой, в которой находится автор, и стратегиями репрезентаций, используемых им. Отдельного упоминания заслуживают работы географической направленности (Д. И. Замятин, И. Г. Коновалова)¹⁴, давшие возможность расширить методологический аппарат исследования, включить в круг рассматриваемых проблем пространственно-географические вопросы. Нацеленность на выявление образов времени потребовала привлечения работ из

¹² Миллер Г. Ф. Путешествия по московской провинции // Академик Г. Ф. Миллер – первый исследователь Москвы и московской провинции / подготовка текста, статья С. С. Илизарова – М.: ИИЕТ, 1996; Казаков Р. Б. Приемы историописания в исторических сочинениях Н. М. Карамзина – Высшая шк. экономики Нац. исслед. ун-т, 2013.

¹³ Гайденко П. П. Эволюция понятия науки: Становление и развитие первых научных программ. М.: Наука, 1980; Гайденко П. П. Эволюция понятия науки (XVII – XVIII вв.): Формирование научных программ Нового времени. – М., 1987; Ло Дж. После метода: беспорядок и социальная наука – М.: Изд-во Института Гайдара, 2015; Койре А. Очерки истории философской мысли / Александр Койре. – М.: Прогресс, 1985.

¹⁴ Замятин Д. Н. Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук // Социологическое обозрение. – 2010. Т. 9. № 3; Замятин Д. Н. Метагеографические оси Евразии // Полис. Политические исследования. 2010. № 4; Замятин Д. Н. В поисках удаляющихся пространств: историческая география и онтологические модели воображения // Книга картины Земли. Сборник статей в честь Ирины Геннадиевны Коноваловой – М.: «Индрик», 2014; Коновалова И. Г. Историческая география на междисциплинарных перекрестках // Историческая География. Том 2 / Отв. ред. И.Г. Коновалова. – М.: Аквилон, 2014.

этой области. Ключевыми стали тексты И. М. Савельевой и А. В. Полетаева, З. А. Чеканцевой, Л. П. Репиной, В. Вжосека, А. Мегилла¹⁵, сформировавшие представление об историографических трансформациях, эволюции восприятия времени и его репрезентации в текстах.

В ходе исследования были задействованы **источники** различных типов. Первой группой стали британские травелоги конца XVI-XVII вв. Это тексты Р. Хаклюйта и У. Кемдена¹⁶, заложившие основы британской травелогографии. К этой же группе примыкают труды антикваров и хорографов, такие как «Прогулки по Кенту» Вильяма Ламбарда¹⁷ или «Обозрение Корнуолла» Ричарда Карью¹⁸, травелоги С. Файнес и Д. Тайлора¹⁹. Данные тексты позволили выявить характерные особенности репрезентаций пространства-времени в британском травелогике раннего Нового времени. Однако оставался открытым вопрос о причинах возникновения и распространения жанра именно в этот период.

С целью выявления ментальных и интеллектуальных сдвигов, спровоцировавших распространение травелогографии на территории Европы, задействована большая группа философских произведений Ф. Бэкона, О. Фелтхама, Р. Декарта,

¹⁵ Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время. В поисках утраченного. – М.: «Языки русской культуры», 1997. 800 с.; Чеканцева З. А. Время историческое. Теория и методология исторической науки // Терминологический словарь. / Отв. ред. А.О. Чубарьян. – М., 2014, С. 59-60; Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX – XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. 560 с.; Вжосек В. Культура и историческая истина – М.: Кругъ, 2012. 336 с.; Мегилл А. Историческая эпистемология. – М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2007. 480 с.

¹⁶ Hakluyt R. Voyages and Discoveries. The Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation / Richard Hakluyt. – London: Penguin Books, 1985; Camden W. Britain, or, a Chorographicall Description of the most flourishing Kingdomes, England, Scotland, and Ireland // A Vision of Britain through Time [Электронный ресурс] – Электрон. данные. – London: George Bishop and John Norton, 1610.

¹⁷ Lambarde W. A Preambulation of Kent, Containing The Description, Historie, and Customs of That Shire / William Lambarde. – London, 1826.

¹⁸ Carew R. The Survey of Cornwall / Richard Carew. – London. 1769.

¹⁹ Fiennes C., Through England on a Side Saddle in the Time of William and Mary – London: The Leadenhall Press, 1888; Tylor J. Wanderings to See the Wonders of the West / John Tylor. – Yerec, 1649.

И. Ньютона, Г. Лейбница, И. Канта, Л. Жако²⁰. В их трудах поднимаются вопросы, связанные с феноменом путешествия, указываются наиболее предпочтительные стратегии репрезентаций. Данные работы помогли выявить смещение в области рецепции к эмпирике и показали, что путешествие становится одним из общепринятых способов познания. Немаловажно, что данные тексты актуализируют вопросы о возможностях и границах познания, повлиявших на формирование механистической парадигмы восприятия и соответствующих стратегий репрезентации пространства-времени.

Анализ распространения репрезентационных стратегий на территории Российской империи потребовал привлечения следующей группы источников. В первую очередь это тексты, создание которых было санкционировано Академией наук. Это труды С. П. Крашенинникова, И. И. Лепехина, И. П. Фалька и Г. Ф. Миллера²¹, в которых не только раскрываются особенности описаний характерных для механистической парадигмы, но и происходит столкновение между позицией «ученого» и «дикаря», сравнительный анализ которых позволил выявить характерные черты мифопоэтического восприятия, встречающегося в языковых практиках XVII – XVIII вв.

Задача выявления специфики «ученых путешествий» XVIII в. обусловила необходимость их помещения в более широкий контекст травелогографии и тео-

²⁰ Бэкон Ф. Сочинения в двух томах / пер. с англ. Н. Федоровой, Я. Боровского – М.: Мысль, 1972; Faltham O. *Resolves, Divine Moral and Political* / Owen Feltham. – London: Pickering, 1840; Декарт Р. Сочинения в двух томах / пер. с фр. И. Вдовиной. – М.: Мысль, 1989; Jaucourt Louis. *Travel* // *The Encyclopedia of Diderot & d'Alembert Collaborative Translation Project* / Translated by Nelly S. Hoyt and Thomas Cassirer., Trans. of «Voyage» *Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers*, vol. 17. Paris, 1765 – Ann Arbor Michigan Publishing. 2003.

²¹ Крашенинников С. П. Описание Камчатки // Полное собрание ученых путешествий в восьми томах – СПб.: 1818; Лепехин И. Записки путешествия академика Лепехина // Полное собрание ученых путешествий в восьми томах – СПб.: 1821; Фальк И. П. Записки путешествия академика Фалька // Полное собрание ученых путешествий в восьми томах. – СПб.: 1824; Миллер Г. Ф. История Сибири. – М. Л.: 1937.

ретических работ XVII – XVIII вв. В качестве текста, стоящего вне сферы влияния академических инструкций, но также зависящего от репрезентационной традиции, взят травелог Г. Ф. Миллера «Путешествия по московской провинции»²². Как образец модели описания пространства-времени, распространенной до XVII века использовано «Хождение игумена Даниила в святую землю»²³. Выявлены не только различия в описательных практиках, но и черты сходства, что позволяет говорить о преемственности описательных стратегий в текстах христианских паломников и академических ученых. Травелоги Н. М. Карамзина²⁴ и Карла Морица²⁵ позволили выявить характерные различия, позволившие определить границы механистической и органицистской моделей восприятия.

Источником сведений о научных представлениях XVIII века в России служат энциклопедии и словари, в частности «Географический лексикон» В. Н. Татищева и «Географический лексикон Российского государства» Ф. А. Полунина (1773), а также документы и материалы, касающиеся содержания и организации российского образования XVII – XVIII вв.²⁶ Сдвиги в научных программах и образовательных практиках раннего Нового времени в России зафиксированы и в российских государственных документах, в частности, в «Регламенте или уставе духовной коллегии», составленном Феофаном Прокоповичем в 1721 г. В процессе анализа упо-

²² Миллер Г. Ф. Путешествия по московской провинции // Академик Г. Ф. Миллер - первый исследователь Москвы и московской провинции / подготовка текста, статья С. С. Илизарова – М.: ИИЕТ, 1996.

²³ «Хождение» игумена Даниила // Памятники литературы Древней Руси. XII век. – М. 1980.

²⁴ Карамзин Н. М. Исторические воспоминания, вместе с другими замечаниями, на пути к Троице и в самом монастыре // Вестник Европы – СПб., 1802. № XV-XVI; Записки путешествия академика Лепехина // Полное собрание ученых путешествий в восьми томах. – СПб., 1821.

²⁵ Karl Moritz, Travels in England in 1782. – London: Cassell and Company, 1886.

²⁶ Татищев В. Н. Лексикон российский, исторический, географический, политический и гражданский: в 3 ч. – репринтное издание 1793 г. – СПб.: Альфарет, 2008; Детское чтение для сердца и разума. – М.: Унив. тип. у Н. Новикова, 1785-1789. Ч. 2 № 14-26; История российского образования в документах и материалах (XI – XVIII вв.) / сост., авт. предисл., введ. ст. и примеч. Рыжов А. Н., Гончаров М. А. – М.: Интеллект-Центр, 2012.

мянутых источников XVIII в. были выявлены характерные черты травелогов, составленных в когнитивно-риторическом поле механистической парадигмы восприятия, а также обнаружены трансформации, произошедшие с жанром к началу XIX в., дальнейшее изучение которых потребовало привлечения пласта текстов, относимых нами к категории органицистских травелогов.

Травелогами, составленными в органицистской парадигме репрезентации, являются тексты Л. Стерна «Сентиментальное путешествие», Карла Морица «Путешествие в Англию в 1782 г.», Р. М. Цебрикова «Путешествие из Петербурга в Харьков», М. Н. Загоскина «Москва и москвичи». Проанализированы особенности новой субъективности травелога, выходящей за пределы традиции описания путешествия XVII – большей части XVIII в.

Еще одну группу источников составляют художественные тексты, восходящие к традиции травелогаграфии и содержащие немало характерных для травелога черт – «Тарантас» В. А. Соллогуба, «Молль Флендерс» Д. Дефо²⁷. Телеологическая модель путешествия героя художественного произведения состоит в преодолении, что во многом роднит описание пространства-времени фикшна-травелога с мифопоэтическими описаниями, что, в свою очередь, может быть связано с отсутствием выработанной системы метафор, позволяющей адекватно репрезентировать образы пространства-времени в текст.

Взятая в совокупности источниковая база позволила не только выявить характерные особенности репрезентации образов пространства и времени в европейских травелогах XVII – XVIII вв. и теоретические основания трансформаций репрезентационных моделей, но и предложить новые инструменты для анализа и систематизации как травелогов, так и иных произведений, ориентированных на фиксацию пространственно-временных образов.

Хронологические рамки исследования охватывают XVII – XVIII вв., однако некоторые аспекты исследования выходят за указанные пределы, что обусловлено применением проблемно-хронологического метода.

²⁷ Соллогуб В. А. Тарантас. Путевые впечатления. – Спб., 1845; Defoe D. Moll Flanders / Daniel Defoe. – Oxford University Press, 1998.

ГЛАВА 1

ПРОСТРАНСТВЕННО-ТЕМПОРАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ТРАВЕЛОГА

1.1. Травелог: трудности поиска универсальной дефиниции

Прежде чем переходить к непосредственному рассмотрению источников, необходимо очертить границы исследуемого объекта. В данной главе будет проанализирован анализ травелога, выявлено его место в историографии, обозначены возможные стратегии фиксации пространства и времени в структуре травелога, а также будет проанализирована научная литература по этому вопросу.

Травелог – понятие не так давно вошедшее в язык отечественной гуманитарной науки и пока не завоевавшее всеобщего расположения. Отечественные историки в большинстве своем с опаской смотрят на новые термины, в особенности иноязычные. Однако термин приживается, обрастает коннотациями, завоевывает симпатию исследователей.

Важно заметить, что данное понятие возникает в начале XX века. Об истории его возникновения можно узнать из письма путешественника Бертона Холмса, опубликованного в четвертом издании книги «Американский язык» Генри Льюиса Менкена²⁸. Полный перевод письма дается в приложении.

Бертон Холмс впервые использует термин «травелог» для обозначения выступлений, на которых рассказывается о проделанных путешествиях, демонстрируются фотографии и прочие визуальные свидетельства. В течение XX века термин распространился на прочие «нарративы», связанные с перемещением в пространстве: «Травелог – отчет о путешествии: книга, статья или фильм, описывающие места, которые люди посетили, и то, с чем они столкнулись. В литературе

²⁸ Mencken H. L. The American Language: An Inquiry into the Development of English in the United States / 4th Edition – Knopf, 1984. Pp. 171-172.

чаще используется более простой вариант – «книга о путешествии» (the travel book)»²⁹.

Среди изданных в последние годы российских исследований, проливающих свет на познавательные возможности травелога и путешествия, можно отметить работы Александра Сорочана и Александра Эткинда. В книге Эткинда «Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах» не дается определения травелогу. Он выступает как способ перейти к описанию «Другого», открывая путь для построения исторических параллелей. С научной точки зрения работа вызывает многочисленные нарекания у критиков (К. Богданов, А. Долинин³⁰).

Книга Александра Сорочана «Туда и обратно: Новые исследования литературы путешествий и методология гуманитарной науки» является работой в научном смысле более корректной. Автор сосредотачивает свое внимание на травелогах, созданных преимущественно в эпоху романтизма. Сорочан и Эткинд указывают на общую для всех травелогов черту – феномен дома. Сорочан пишет, что «мобильность предполагает движение откуда-то и куда-то, а значит, “где-то” должен неминуемо обнаружиться “дом”»³¹. О том же пишет А. Эткинд: «В любом травелоге место отправления и место назначения находятся в отношениях непрерывного, хоть и неравного риторического обмена. Этого, однако, недостаточно. Нужна еще третья сторона, общий фон, независимый стандарт. Если воспользоваться еще одной метафорой, путешественник следует из точки А в точку Б. Но две точки соединены слишком прямой линией. Чтобы придать ей движение, нужна третья точка, вроде опоры для качелей»³².

²⁹ Baldick C. The Oxford Dictionary of Literary Terms – OUP Oxford.: 2008. 340 p.

³⁰ Богданов К., Долинин А. - А. Эткинд Толкование путешествий // Новая Русская Книга – №1, 2002.

³¹ Сорочан А. Туда и обратно: Новые исследования литературы путешествий и методология гуманитарной науки – НЛО, №112. 2011.

³² Эткинд А. Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах / Александр Эткинд. – М.: Новое литературное обозрение, 2001 С. 16.

В 2000-х годах в Британии издаются работы, в которых травелог осмысливается как развивающаяся структура. Джон Демарей в 2006 году выпускает книгу «От паломничества к истории: ренессанс и глобальный историзм», в которой проводит связь между путешествиями и развитием исторического знания. Работа Джона Демарея проливает свет на борьбу двух идеологий, происходившую в травелогах, начиная с конца XVI века. Его основная цель показать, как преобразуются библейские начала под влиянием новейших философских концепций. Началом XVII века он датирует рождение нового историзма. Собрания Ричарда Хаклюйта приводятся им как пример смешения старого и нового историзма, то есть провиденциализма и эмпирики, работы Перчейса – как пример рационального осмысления библейского сюжета. Две главы в его работе посвящены Мильтону, его «Краткой истории Москвы» и «Потерянному раю». В работах Мильтона Демарей видит окончательное становление нового историзма³³.

В предисловии к сборнику научных статей «Дискурс травелога» 2008 года указывается, что «понятие это по существу еще только входит в серьезный научный оборот и пока еще не затвердело в границах строгих дефиниций. Это связано с разнообразием феноменов художественного и научного творчества, охватываемых общим термином “травелог”»³⁴.

А. А. Майга в статье «Литературный травелог: специфика жанра» объединяет в рамках травелога нарративы, герои которых совершают путешествие. Отказываясь от однозначного определения, Майга пишет: «Основной жанрообразующей чертой травелога, на наш взгляд, является стремление к достоверному изображению “чужого мира”, пропущенного через восприятие путешественника»³⁵.

³³ См. Demaray G. *From Pilgrimage to History / The Renaissance and Global Historicism*. – New York: AMS Press, 2006. 250 p.

³⁴ Русакова О. Ф., Русаков В. М. *Дискурс травелога. Сб. статей*. – Екатеринбург: Издательский дом «Дискурс-Пи», 2008. 184 с.

³⁵ Майга А. А. *Литературный травелог: специфика жанра*. // *Филология и культура* – № 3 (37), 2014. С. 254-259.

Чарльз Бэттен соглашается, что несмотря на разграничение травелогов по жанрам мы должны признать как общую черту наличие минимальной нарративности и автобиографичности, хотя и эти понятия подвержены трансформации в зависимости от места и времени их использования³⁶.

Анализ травелога с точки зрения когнитивной лингвистики дан в статье Н. А. Никитиной и Н. А. Туляковой «Жанр травелога: когнитивная модель». В качестве элементов жанрового «ядра» ими выделяются: наличие фигуры повествователя-путешественника и пространственно-временная дискретность. На примере «Путевых картин» Г. Гейне устанавливается вариативность жанра – наличие в нем художественного элемента, препятствующего строгой жанровой дифференциации³⁷.

А. Бондарева в статье «Литература скитаний» отмечает: Травелог — «журнал, диалог, дневник, в современном понимании еще и блог, посвященный описанию странствий». Она указывает, что «помимо физического перемещения тела в пространстве, этот жанр предполагает и метафизическое путешествие, в финале которого происходит если не взросление, то, как минимум, умудрение (как повествователя, так и читателя)». Причем одна из главных задач путешественника видится ей в фиксации новых знаний³⁸.

О. Балла, признавая недостаточную освоенность жанра, вводит новые формулировки для его понимания: «их совокупность (травелогов) и процесс их изготовления со всеми его особенностями для удобства обозрения будем именовать "травелография", а пишущих такие тексты, соответственно, "травелографами"». Основной функцией травелога она называет открытие, познание, однако замеча-

³⁶ Ch. Batten. Pleasurable Instruction: Form and Convention in Eighteen Century. Travel Literature. – Barkley and Los Angeles, 1978. P. 76.

³⁷ Никитина Н. А., Тулякова Н. А. Жанр травелога: когнитивная модель // Homo Loquens: Актуальные вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков – 2013. С. 132-138.

³⁸ Бондарева А. Литература скитаний. // Октябрь. – 2012. № 7.

ет, что «не в меньшей, а иной раз и в большей степени это оказывается познанием самого себя»³⁹.

О. Мамуркина не дает точного определения травелога, но предлагает схему дифференциации на художественный, документальный и художественно-документальный, основываясь на русских текстах XVIII–XIX вв.⁴⁰

Наиболее интересными в этой области представляются исследования Е. Г. Милюгиной и М. В. Строганова. В работе «Русская культура в зеркале путешествий» авторами ставится вопрос о характерных особенностях травелога и делается вывод о его обязательной документальности – «даже если автор склонен к вымыслу и перекомпоновке фактов, он перекомпоновывает реальные факты и вымышляет факты псевдореальные, непременно ориентированные на реальные»⁴¹. Отмечается эволюция жанра в восемнадцатом веке с закреплением его норм в веке девятнадцатом. «Под влиянием Карамзина литературное путешествие было привито к сухому, специальному статистико-географическому справочнику, в результате чего появился занимательный художественный ландшафтно-исторический экскурс, который мы и называем теперь травелогом»⁴². Из затронутых Е. Г. Милюгиной и М. В. Строгановым проблем, стоит отметить вопрос о функции автора в травелог⁴³ и проблему функциональности среды, то есть

³⁹ Балла О. Нефотографизмы: преодоление травелога // Homo Legens. – 2013. № 4.

⁴⁰ Мамуркина О. В. Травелог в русской литературе XVIII – нач. XIX в.: трансформация эстетической парадигмы // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: материалы XXV международной заочной научно-практической конференции. – Новосибирск: СибАК, 2013. С. 199-205.

⁴¹ Милюгина Е. Г., Строганов М. В. Русская культура в зеркале путешествий: монография / Твер. гос. ун-т, 2013 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rfh.ru/downloads/Books/134493002.pdf>. – (Дата обращения: 10.01.18). С. 12.

⁴² Там же. С. 27.

⁴³ Милюгина Е. Г., Строганов М. В. Личность автора-путешественника в травелог⁴³ нового времени // Культура и текст – 2014. № 3.

природо-ориентированного анализа, при котором предметом исследования становится окружающая путешественника природа⁴⁴.

Необходимо пояснить, что исследования, нацеленные на понимание травелога как некой типовой категории, актуальны как в отечественной, так и в западной историографической практике. В качестве примера можно привести такие работы последних лет как «The Cambridge Introduction to Travel Writing» Тима Янгса, в которой анализируются ключевые травелоги от эпохи средневековья вплоть до наших дней, и «Travel Writing. The New Critical Idiom» Карла Томпсона, в которой феномен травелогографии также подвергнут анализу⁴⁵. Основными поставленными проблемами являются: мотив гостя, внутреннее путешествие, травелог и постколониализм, гендер и сексуальность. Стоит сказать, что в данных работах термин «travelogue» синонимичен термину «travel writing» и используется с ним на равных.

Трудности с поиском универсальной дефиниции возникают, как представляется, в связи с нацеленностью исследователей на анализ определенного комплекса травелогов, что исключает из него тексты, не соответствующие заявленной проблематике. Можно сказать, что оптика исследователей откалибрована под узкую группу текстов и в этом, разумеется, есть свои плюсы. Однако, как мы видим, под определение травелогов в разное время попадали и документальные хроники, и хождения, и материалы академических экспедиций, и отчеты послов, и заметки туристов и, что не менее важно, литературные путешествия. Для более точного определения необходимо отвлечься от частной проблематики и взглянуть на всю совокупность травелогов, не делая акцента на контекстуальных особенностях возникновения отдельных текстов, хотя, разумеется, контекст представляет собой не менее важный фактор понимания текста, чем его содержание⁴⁶.

⁴⁴ Милюгина Е. Г., Строганов М. В. Путешествия по российским рекам: травелог нового времени // *Quaestio Rossica* – 2015. № 2. С. 106–116.

⁴⁵ См: Youngs T. *The Cambridge Introduction to Travel Writing* - Cambridge University Press, 2013. 256 p.; Thompson C. *Travel writing. The new crucial idiom* – Routledge, 2011. 240 p.

⁴⁶ См. напр.: Skinner Q. *Meaning and Understanding in the History of Ideas* // *History and Theory*. – 1969. Vol. 8, No.1. 53 p.

1.2. Время и пространство как сюжетобразующие категории травелога

Ключевой особенностью травелога является его нацеленность на фиксацию внешнего. Авторская речь вложена в уста героя, воспринимающего пространство и описывающего его. Именно описание пространства является главным сюжетобразующим фактором. Таким образом, автор изначально заключен в границах пространства, которое всегда в той или иной степени вымышлено. Как писал Умберто Эко в «Заметках на полях “Имени розы”», «в прозе ограничения диктуются сотворенным нами миром»⁴⁷. Автор изначально не свободен, даже если пространство полностью вымышлено, как, например, в научно-фантастических произведениях. Необходимы законы, по которым герой может действовать, а иначе сама сущность героя будет разрушена. Можно вспомнить М. М. Бахтина: «хроно-топ как формально-содержательная категория определяет (в значительной мере) и образ человека в литературе; этот образ всегда существенно хронотопичен»⁴⁸.

Особенность текста, фиксирующего пространство, как раз и заключена в том, что автор накладывает это пространство на определенную схему, шаблон, позволяющий осуществить иллюзию фиксации реальности. То есть необходим язык, на котором будет вестись повествование о пространстве. «Язык – систематизированная совокупность знаков и правил»⁴⁹. Или, говоря иначе, травелог является произвольной системой. «Система произвольна, если ее знаки основаны не на договоре, а являются продуктом одностороннего решения»⁵⁰. Здесь можно вспомнить о функциональности метафоры – «человек воспринимает неизвестное по аналогии с

⁴⁷ Эко У. Записки на полях имени Розы. – М.: Симпозиум, 2007. С. 30.

⁴⁸ Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики – М.: Худож. лит., 1975. С. 120-290.

⁴⁹ Барт Р. Основы семиологии // Структурализм: «за» и «против» / Сб. статей под ред. Е. Я. Басина и М. Я. Полякова – М.: Прогресс, 1975. С. 121.

⁵⁰ Там же. С. 135

известным, метафорически упорядочивая опыт»⁵¹. Сама суть языка обуславливает его метафоричность. «Не бывает такой вещи, как неметафорический язык»⁵².

Можно сказать, что пространство, как и время, не является универсалией. Необходимы определенные фреймы, позволяющие фиксировать его. То есть необходимо выявить характерные особенности отношения героя к пространству.

Географические исследования, сосредоточенные на изучении трансформации пространств, должны быть рассмотрены подробнее. Наиболее продуктивными в этой области являются работы Д. Н. Замятина, в которых дается обоснование таким направлениям географических исследований, как метагеография и гуманитарная география. «Метагеография – междисциплинарная область знания, находящаяся на стыке науки, философии и искусства (в широком смысле) и изучающая различные возможности, условия, способы и дискурсы географического мышления и воображения»⁵³. «Гуманитарная география – междисциплинарное научное направление, изучающее различные способы представления и интерпретации земных пространств в человеческой деятельности, включая мысленную (ментальную) деятельность»⁵⁴».

В работе Е. Г. Милюгиной и М. В. Строганова травелоги разделяются по принципу внутренний-внешний. Во внутреннем автор фиксирует пространство "своего" ареала, во внешнем – ставит себя в позицию иностранца. Подобное деление может быть с оговорками отнесено к травелогам Нового времени, и только касательно текстов где суть отношения к пространству выражается в его освоении. Авторы объясняют отсутствие подобных текстов до XVIII века тем, что «все

⁵¹ Потапова Н. Лингвистический поворот в историографии. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. С. 105.

⁵² Доманска Э. Философия истории после постмодернизма. – «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2010. С. 43.

⁵³ Замятин Д. Н. Метагеографические оси Евразии // Полис, 2010. № 4. С. 22-47.

⁵⁴ Замятин Д. Н. Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук // Социологическое обозрение. – Т. 9. № 3. 2010. С. 26.

казалось столь обыденным, что не подлежало фиксации⁵⁵». Однако отсутствие травелогов, нацеленных на фиксацию «территории», объясняется многими причинами, о которых будет сказано далее.

Особый интерес к изучению пространства в социальном измерении наблюдается в 70-80-е гг. XX века, что часто связывают с так называемым «пространственным поворотом». Пространство теряет независимость, предзаданность, определенность, приобретая свойства исследовательского конструкта, становится следствием, а не причиной. Позднее о подобном переносе напишет Д. Ло в работе «После метода»⁵⁶. И. Г. Коновалова также отмечает: «Привычный национально-государственный формат историко-географических исследований стал объектом острой критики, воспринимаемый как “территориальная ловушка” (territorial trap) для исследователя»⁵⁷. Становится очевидным, что «Территория – ментальный конструкт, само конструирование которого является в онтологическом смысле территориальным процессом. Воображение, моделирующее какую-либо территорию, обладающую конкретными физико-, культурно-, политико-, экономико-географическими параметрами, также занимает территорию»⁵⁸. Важной отличительной особенностью территории является наличие прошлого. Территория – пространство, включенное в историко-культурный контекст, наделяющий ее статусом владения.

Заметим, что физические или естественнонаучные модели имеют значение при формировании облика пространства, однако модели эти отличны от моделей

⁵⁵ Милюгина Е. Г., Строганов М.В. Русская культура в зеркале путешествий: монография / Твер. гос. ун-т, 2013 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rfh.ru/downloads/Books/134493002.pdf>. – (Дата обращения: 10.01.18). С. 12.

⁵⁶ См.: Ло Дж. После метода: беспорядок и социальная наука. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2015 – 352 с.

⁵⁷ Коновалова И. Г. Историческая география на междисциплинарных перекрестках // Историческая география. Том 2 / Отв. ред. И.Г. Коновалова. – М.: Аквилон, 2014. С.11.

⁵⁸ Замятин Д. Н. В поисках удаляющихся пространств: историческая география и онтологические модели воображения // Книга картины Земли. Сборник статей в честь Ирины Геннадиевны Коноваловой – М.: Индрик, 2014. С.102.

историко-географических и возникают позже. Одной из причин выделения подобных моделей в отдельную группу является деятельность академий наук и научных сообществ, задающих когнитивную схему описания пространства. Как пишет Замятин: «Территория изначально выделяется, ограничивается как кому-то принадлежащая. Можно сказать, что территориальность сама по себе связана, в первую очередь, с проблемой принадлежности». Другими словами, и в этой логике пространство не предшествует объектам, оно есть порядок их сосуществования, оно *делается* (у нас нет инструментов, оптики и языка описания для улавливания этого производства), хотя это и кажется абсурдным с точки зрения традиционной трактовки пространства как явления независимого от наблюдателя.

Необходимо учесть, что пространство есть концепт, подразумевающий под собой ряд характеристик. Он неустойчив, порой может вовсе отсутствовать. Если мы говорим о средневековых путешествиях, необходимо учитывать, что немало важную роль в познании мира играло воображение. «Можно сказать, что в случае сакральной географии акт восприятия и акт воображения пространства являются безусловным единым "гештальтом", обеспечивающим относительную общественную эффективность сочленения и соотнесения нарративов "видимых" (условная материальная деятельность) и "невидимых" (условная духовная, культурная, автономная ментальная деятельность)»⁵⁹.

Для того чтобы путешествие имело познавательную ценность, мир должен быть стабильным, независимым от внешних воздействий, способных в одночасье изменить его структуру. Идея стабильности мира, как целостной структуры приходит не сразу и проходит несколько этапов.

В XVII в. в Европе происходит трансформация познавательных практик. В Британии на первое место выходит традиция эмпирического описания. Это хорошо видно в работах Френсиса Бэкона. Во Франции, например, в работах Рене Декарта постулируется первичность рационального познания. Но ни та, ни другая программа не могла бы состояться без утверждения целостности и стабильности

⁵⁹ Там же. С. 100.

внешнего⁶⁰. Мыслительные эксперименты Галилея, в которых он старается обосновать физические явления на основе математики, приобретают статус реальности, хотя позже и критикуются, например, в работах Ньютона.

Тогда же поднимается вопрос о достоверности фиксации увиденного, что дает бурное развитие перспективистской живописи, когда художник стремится зафиксировать на полотне непосредственно увиденную реальность⁶¹. Полотно становится зеркалом реальности, его иллюзией. И совсем не случайно именно в XVII веке в тексте начинается активное освоение различных описательных стратегий, формируется новый дискурс. Иллюзия реальности становится текстом. Путешественник фиксирует мир, дает читателю ощущение непосредственного присутствия, даже если его путешествие есть фальсификация, компиляция из путеводителей, широко распространившихся в Британии к концу XVII века.

С изменением статуса человека по отношению к пространству изменяются и познавательные возможности. Эмпирика, непосредственное восприятие реальности становится к XVII в. авторитетным методом познания. О выдающейся роли зрения как инструмента познания написано немало работ. Одни из ранних работ восходят к XV в. У П. П. Гайденко мы читаем: «В эпоху Возрождения человек становится центром мироздания, а человеческое око – центром этого центра. В эту эпоху мир, как он открывается нашему глазу, претендует встать на место мира, как он открывался уму⁶²». В недавно вышедшей работе «Скальпель разума и крылья воображения» И. И. Лисович, ссылаясь на А. В. Койре, ключевой причиной подобной трансформации восприятия называет актуализацию философии Платона: «философия Платона в раннее Новое время стала фундаментом для обоснования видимо воспринимаемого мира как объекта познания, способного открыть путь к Истине, а основным инструментом и аргументом этого познания гуманистами была

⁶⁰ См.: Гайденко П. П. Эволюция понятия науки (XVII – XVIII): Формирование научных программ Нового времени – М., 1987.

⁶¹ Гайденко П. П. Эволюция понятия науки: Становление и развитие первых научных программ – М.: Наука, 1980. С.107.

⁶² Там же. С. 109.

признана геометрия, точное измерение, опыт и наблюдение над природой, где Творец запечатлел первообразы»⁶³. Однако сводить возникновение целого ряда научных программ Нового времени к философии Платона достаточно рискованно, учитывая путь, который прошла наука за две тысячи лет. К тому же Платон, хотя и использовал впервые понятие пространства, подразумевал под ним нечто отличное от того, что понимаем мы. Так в «Тимее» Платон пишет о пространстве: «Мы видим его как бы в грезах и утверждаем, что всякому бытию непременно должно где-то находиться, быть в каком-то месте и занимать какое-то пространство, а то, что не находится ни на земле, ни на небесах, будто бы и не существует»⁶⁴.

Не менее важно и то, что в XVII веке формируются программы, отвергающие возможность эмпирического познания божественного промысла, то есть постепенно выделяется естественнонаучное (механистическое) восприятие реальности, не связанное с теологическими целями и задачами. Ф. Бэкон пишет: «Пусть никто, стремясь к славе неверно понятым здравомыслия и умеренности, не считает, что можно весьма преуспеть в книгах как божественного, так и светского содержания с помощью теологии либо философии; напротив, пусть люди дерзают и смело стремятся в бесконечную даль и достигают успеха в той и другой областях, лишь бы это знание порождало благочестие, а не высокомерие, служило для пользы, а не для хвастовства; и еще: пусть неразумно не смешивают и не путают они два различных учения – теологию и философию и их источники»⁶⁵.

В Россию практики механистического описания пространства приходят в XVIII веке извне во время активной экспансии привнесенных из Германии научных практик в сферу культуры⁶⁶. В рамках новых категорий пространство мыс-

⁶³ Лисович И. Скальпель разума и крылья воображения. Научные дискурсы в английской культуре раннего Нового времени – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. С. 42.

⁶⁴ Цит. по: Гайденок П. П. Эволюция понятия науки: Становление и развитие первых научных программ. – М.: Наука, 1980. С.176.

⁶⁵ Ф. Бэкон. Сочинения: в 2 т. Т. 1 / пер. Н. А. Федорова, Я. М. Боровского – М.: Мысль, 1971. С. 93.

⁶⁶ Хотя предпосылки данной трансформации прослеживаются со второй половины XVII в. См. Киселева М. С. Интеллектуальный выбор России второй половины XVII - начала

лится исключительно как физический объект, т.е. как некоеместилище человеческого существования, определяющее его условия и, стало быть, предшествующее ему, как некий физический фундамент, над которым надстраивается мир социальных знаков и репрезентаций. Такое понимание пространства тесно связано с идеологическими проектами модерна, нуждающимися в аккумуляции отношений в определенных точках пространства. Именно тогда Академия создает модель для фиксации пространства как исследовательского объекта. Приживаясь не сразу и с многочисленными трудностями, эти представления, тем не менее, становятся причиной возникновения на русском языке работ, положивших начало трансформации восприятия пространства и времени⁶⁷.

Показательно, что в то же самое время государство требует разграничения и упорядочивания пространств Российской империи. Пространство теряет свою независимость и получает статус территории. Можно сделать вывод, что пространства являются идеологически нагруженными конструктами, и на их конструирование можно влиять. Пространства не могут существовать без мифов, вне определенных дискурсов, для производства которых географическое воображение начинает тесно взаимодействовать с историческим. Механизм этого взаимодействия описан Д. Н. Замятиным: сначала отбираются определенные полуосознанные знаки, символы, стереотипы и архетипы, посредством которых конструируются отдельные образы, затем происходит выстраивание этих образов в некие пространственные и временные последовательности и, наконец, – вытягивание этих цепочек на сознательный уровень и их репрезентация (создание истории, нарратива).

Из этого следует, что описание пространства всегда обусловлено имплицитными установками автора. Только вскрывая эти установки, мы можем добиться понимания авторского письма. В данном случае, только учитывая трансфор-

XVIII века: от древнерусской книжности к европейской учености – М.: Прогресс-Традиция, 2011. 472 с.

⁶⁷См. напр.: Кузнецова Н. И. Социокультурные проблемы формирования науки в России (XVIII – сер. XIX в.) – М.: ИИЕТ, 1998; Уткина Н. Ф. Естественнонаучный материализм в России XVIII века – М.: Наука, 1971.

мации, произошедшие с европейским восприятием реальности в XVII–XVIII вв., мы можем приступать к антропоуализму травелогов.

Необходимо подробнее остановиться на вопросе сочленения пространства и времени. Как уже было сказано, взятые нами категории относительны, в определенные периоды может иметь место их полное отсутствие. Это хорошо показала история науки, в рамках которой в восьмидесятые годы разрабатывался проект «Библиотеки истории естествознания и техники». Авторы данной серии являются сторонниками теории И. Лакатоса в смысле наделения научных программ ядром и защитным полем. Смена программы происходит вместе со сменой установок на восприятие реальности, в том числе времени и пространства. Это видно, в том числе, на примере художественных текстов. Достаточно вспомнить работу М. Фуко «Слова и вещи», где поднята эта проблема. Дискурсы Нового времени взаимосвязаны, вытекают один из другого и должны рассматриваться во взаимоотношающих контекстах. Попытку такого анализа проводит И. И. Лисович в работе «Скальпель разума», в которой автор прослеживает как генезис научного дискурса влиял на структуру художественных текстов. Заметное влияние он оказал и на структуру травелогов.

О том, как изменялось восприятие времени написано достаточно много работ, в том числе по исторической эпистемологии⁶⁸. Перечень обзоров работ по проблематике восприятия исторического времени дан, например, в книге И. М. Савельевой и А. М. Полетаева «История и время. В поисках утраченного»⁶⁹.

Некоторые исследователи сходятся на том, что к XVIII веку исторические исследования приобретают современные черты. Конечно, в методологическом смысле это, как правило, не так, но восприятие времени действительно начинает отличаться от средневекового. Некоторые ученые связывают подобный переход с развитием капитализма, когда чувство времени становится неперенным атрибу-

⁶⁸ См.: Мегилл А. Историческая эпистемология. – М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2007. 480 с.; Вжосек В. Культура и историческая истина / Войцех Вжосек. – М.: Кругъ, 2012. 336 с.

⁶⁹ Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время. В поисках утраченного. – М.: «Языки русской культуры», 1997. С. 73

том успешного дельца: «Переход от понятия “время – круг”, характерное для традиционного общества, к понятию “время – стрела”, присущему индустриальному обществу, происходит в Европе в XVI–XVIII веках, когда родившаяся в буржуазно-купеческих кругах формула “время – деньги” становится всеобщим достоянием и постепенно проникает в повседневную жизнь⁷⁰».

Следует различать время календарное и историческое. Историческое время нельзя воспринимать в отрыве от социального контекста. Это условный конструкт, формируемый в ходе философской, научной, творческой рефлексии. Как пишет З. А. Чеканцева: «Историческое время – это темпоральное воплощение социального. Время, конституирующее опыт: содержательное, качественное, прерывающееся, относительное. Оно неоднородно, гетерогенно, многомерно. Каждая историческая реальность – процесс, отношение, связь, явление – функционирует в русле только ей присущего исторического времени⁷¹».

Формирование новоевропейского ощущения времени также было связано с трансформацией восприятия пространства, которое начинается в XVI веке. На это указывает и М. М. Бахтин: «Нужен был новый хронотоп, позволяющий связать реальную жизнь (историю) с реальной землей. Надо было противопоставить эсхатологизму продуктивное творческое время, время, измеряемое созиданием, ростом, а не разрушением⁷²». Иными словами, прошлое должно было стать частью реальности, найти в настоящем свое место.

Если принадлежность есть одна из важных категорий, нацеленных на освоение пространства, то эта принадлежность не может быть вне времени. Территория несет на себе «отпечатки» действий владельца, являющиеся как бы неоспо-

⁷⁰ Старцев А. В. Грани повседневности // Города Сибири XVII – начала XX в. Выпуск 2. История повседневности: Сборник научных статей / Под ред. В. А. Скубневского, Ю. М. Гончарова. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. 230 с.

⁷¹ Чеканцева З. А. Время историческое // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. / Отв. ред. А.О. Чубарьян. – М., 2014. С. 59-60.

⁷² Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики – М.: Худож. лит., 1975. С.109.

римым доказательством его права на владение. Любопытно, что подобные сцепки пространства-времени существуют и до Нового времени. В «Хождении Игумена Даниила» мы увидим, что только наделенные метафизической силой места могут заслуживать описания. Чаще всего метафизика закладывается на уровне событий, которые когда-либо происходили в данном месте.

Сцепка времени и пространства хорошо видна, если мы взглянем на то, какую роль играли история и география в русских образовательных практиках XVIII века. Язык государственных документов порой выдает их тесную связь. Например, в документе 1721 года «Регламент или устав духовной коллегии», составленном Феофаном Прокоповичем, читаем: «И если посмотрим чрез истории аки чрез зрительные трубки на мимошедшие веки, увидим все худшее в темных, нежели в светлых учением временах»⁷³. Перед нами метафора, очень четко характеризующая тот поворот, который произошел в научных программах Нового времени. Возможность воочию увидеть, что *реальность распространяется и на прошлое*. То есть *прошлое становится частью настоящего, его также можно видеть*. Но вместе с тем остается место и для критики: «Мудрого человека есть свойство отменять мнения»⁷⁴. Так слова, присущие европейским ученым реформаторам XVII века, проникают на страницы российского официального документа. Посмотрим далее – в девятом пункте Феофан Прокопович пишет: «Историю честь без географии – как с завязанными глазами по улице ходить». И снова зрение выступает как пример объективного познания. История и география выступают, как две стороны медали или точнее линзы, через которую можно увидеть реальный мир. «В чине учения 1-е – грамматика купно с географиею и историею»⁷⁵.

Действительно, если взглянуть на специализацию российских историков XVIII века, можно заметить, что не меньшую долю их трудов занимают работы по географии и языкознанию. Пространство, время и язык как способ коммуникации

⁷³ История российского образования в документах и материалах (XI - XVIII вв.) / сост., авт. предисл., ввод. ст. и примеч.: Рыжов А. Н., Гончаров М. А. – М.: Интеллект-Центр, 2012. С. 26.

⁷⁴ Там же. С. 26.

⁷⁵ Там же. С. 29.

становятся тремя вершинами, на которые будет опираться официальная идеология Российской империи. Эта тройственность лучше всего видна на примере географических словарей. В «Географическом Лексиконе» В. Н. Татищева (1744–1746) дается описание географических объектов, историко-географические сведения, объяснения географических терминов и понятий. О географии Татищев пишет: «Что собственно до географии или землеописания пренадлежит, то она разделяется паки на общую и участную. В общей толкуется о всем шаре земном, которой состоит из земли и воды, окружен воздухом; в участной описуются собственно которое государство или предел, и такое описание заключает в себе 3 обстоятельства, яко физическое, гисторическое, или политическое, и мафематическое⁷⁶». Про историческую географию сказано, что она «описует пределы и положения, имя, границы, народы, преселение, строения или селения, правление, силу, довольство и недостатки. И она разделяется на древнюю, среднюю и новую, или настоящую». В предисловии к «Географическому лексикону Российского государства» Ф. А. Полупнина (1773), написанном Г. Ф. Миллером, география отнесена к историческим наукам, т.е. к наукам, в которых присутствуют разные измерения времени.

Не стоит, впрочем, думать, что идеалы Феофана Прокоповича вроде призыва «не имети сытости в учении своем» станут основополагающими в российском образовании XVIII века. О проблемах российской науки начального периода есть достаточно много работ⁷⁷. Скажем только, что «страх божий» по-прежнему остается одним из главных аспектов обучения, ибо «ученик не выше учителя, и слуга не выше господина своего: довольно для ученика, чтобы он был, как учитель его»⁷⁸. (Матф. 10.24-25).

⁷⁶ Татищев В. Н. Лексикон российский, исторический, географический, политический и гражданский: в 3 ч. – репринтное издание 1793 г. – СПб.: Альфарет, 2008. Ч. 2; С. 38-39

⁷⁷ См. напр.: Кузнецова Н. И. Социокультурные проблемы формирования науки в России (XVIII- сер. XIX вв.) – М.: ИИЕТ, 1998. С. 20.

⁷⁸ История российского образования в документах и материалах (XI - XVIII вв.) / сост., авт. предисл., введ. ст. и примеч.: Рыжов А. Н., Гончаров М. А. – М.: Интеллект-Центр, 2012. С. 20.

Уже в последней четверти XVIII века в журнале Н. Новикова «Детское чтение для разума и сердца» на титульном листе мы можем прочитать надпись – «Начало премудрости – страх господень». Однако и у Новикова в качестве метафоры познания встречается путешествие. В притче «Молодой путешественник» нам дается история путешественника, который везде спешил и ничего не запомнил. «Так и на уроке надо слушать внимательно»⁷⁹, – подытоживает Николай Иванович Новиков.

Вопрос о соотношении образов прошлого и пространственных категорий по-прежнему нуждается в изучении. Национальная история является только одним из вариантов организации памяти, но долгое время он считался основным, что и определяло взгляд на историю, а возможно, и на пространство как на сугубо социально-политический конструкт, призванный обозначить рамки развития государственности в тех или иных областях. Касательно национальной истории И. Г. Коновалова пишет: «Такой подход поддерживался и господствующей тогда ньютоновско-картезианской моделью пространства, рассматривавшего как гомогенное вместилище, пространственный “контейнер” для природных и культурных объектов, а также для событийной истории». Эта ремарка интересна еще и тем, что в ней постулируется зависимость восприятия пространства и времени от научной программы Декарта-Ньютона⁸⁰.

Событийная история (по И. Г. Коноваловой) вытекает из трансформаций научных программ. В случае с пространством мы говорили о целостном восприятии неизменного мира, в случае со временем – о возможности фиксации прошлого, включенного в это неизменное пространство. Вопрос об эпистемологической релевантности эмпирического познания прошлого не ставится, пока мир находится в состоянии константности. Однажды сотворенный, он остается в своем первоздан-

⁷⁹ Детское чтение для сердца и разума: [в 20 ч.]. – М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1785–1789. Ч. 2 [№ 14-26]. С. 15.

⁸⁰ Коновалова И. Г. Историческая география на междисциплинарных перекрестках // Историческая география. Том 2 / Отв. ред. И. Г. Коновалова. — М.: Аквилон, 2014. С. 9.

ном виде, сохраняя на себе следы человеческой деятельности. Восприятие субъектов истории неизменно, как неизменны и живые существа, населяющие мир.

Только во второй половине XIX века будет совершен пересмотр мифопоэтических и механистических представлений о природе и развитии живых существ. Как пишет Хейден Уайт: «Восемнадцатому веку недоставало адекватной психологической теории». Здесь он имеет в виду, что уход от средневекового восприятия мира как в первую очередь воображаемой сущности к рациональному осмыслению не оставил места для рефлексии субъективного начала в работах историков. Он признает необходимость «теории человеческого сознания, в которой разум, как основа истины, не противопоставлялся бы воображению, как основе ошибок», и той историографической практики, в которой «фантазия, либо воображение могли столь же служить открытию истины, сколь и сам разум»⁸¹. Так мифы, басни, сказки не осмыслились с точки зрения причин их бытования, но относились к общему иррациональному началу прошлого, которое необходимо было преодолеть. «История, – пишет он далее, – была прежде всего «о жизни» и только затем «об искусстве». Таким образом, отчетливо видно, что восприятие пространства тесно сопряжено с восприятием времени. Трансформации, произошедшие в XVII – XVIII вв., позволили фиксировать прошлое, как часть настоящего, обусловили фиксацию времени в условно «объективной» реальности. Настоящее становится многослойным конструктом, что хорошо видно при анализе травелогов этого периода.

Таким образом, можно отметить, что исследователи сосредотачивают свое внимание на двух значительных трансформациях репрезентационных моделей, первая из которых началась в XV – XVI вв. и продолжалась вплоть до XVIII в., когда ей на смену начали приходить новые описательные практики. Н. Ф. Уткина пишет: «Обращение естествоиспытателей в поисках субстанции физических и химических явлений к флюидам или силовым сферам, имеющим иные свойства и характеристики нежели материальная субстанция, принятая в системе механи-

⁸¹ Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. С. 73.

стического атомизма, вполне убедительно выглядело дополнительным аргументом в пользу идеалистической философии⁸²». В качестве примера философа опирающегося на подобную естественнонаучную схему, она приводит Шеллинга, считающего, что «современное ему естествознание «способно даровать» системе трансцендентального идеализма «полную теоретическую очевидность⁸³».

Одной из проблем является то, что с трансформацией познавательных практик возникает целый ряд философских программ и направлений, признающих первенство за интуитивным познанием. В работах исследователей можно встретить такие определения сформировавшихся программ как: трансцендентальный идеализм, субстанциальный объективизм, феноменологический материализм, имманентный телеологический эссенциализм и даже характерологическую креатологию⁸⁴. В исследовании совокупность сформировавшихся в XVIII в. представлений о мире, репрезентируемая в травелогах, названа органицизмом, поскольку ряд существенных характеристик текста попадает именно под это определение, в том виде как оно представлено у Аристотеля. Но нужно оговориться, что это своеобразная «идеальная модель» - исследовательский инструмент, позволяющий провести детальный анализ источника. Таким образом, в исследовании три основных модели обозначены как мифопоэтическая, механистическая и органицистская. В последующих главах задачей является нахождение сущностных характеристик репрезентации образов пространства и времени в травелогах на основе данных моделей.

⁸² Уткина Н. Ф. Естественнонаучный материализм в России XVIII века – М.: Наука, 1971 С.124

⁸³ Там же.

⁸⁴ См. Канарш Г. Ю. Идея органицизма в современных исследованиях человека и общества // Знание. Понимание. Умение. 2015. №2. С.50-60

ГЛАВА 2

ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИОННЫХ СТРАТЕГИЙ XVII ВЕКА. СТАНОВЛЕНИЕ ЖАНРА

2.1. Мифопоэтическое восприятие и тексты христианских паломников

Основным объектом исследования в работе выступают европейские травелоги XVII – XVIII вв. Именно в это время складываются формы репрезентаций, позволяющие фиксировать пространство и время в механистическом или органицистском ключе. Но остается открытым вопрос, как путешественники фиксировали пространство до этого. Ведь дальние плавания и походы совершались и прежде, следовательно, должна была происходить и фиксация передвижения. В этой главе мы разберемся какие формы репрезентации существовали до Нового времени, и что в конечном итоге послужило причиной их трансформаций в XVII–XVIII вв.

Тексты в дописьменной форме, описывающие перемещение героя в пространстве, возникают еще в первобытные времена. Герой сталкивается с чуждой ему средой, априорно враждебной в силу своей неоднозначности, а точнее в силу отсутствия устойчивых метафор, обуславливающих рецепцию реального. Основная цель путешествия в данном контексте - достижение конечной точки - дома, как в случае с Одиссеем или же Святой земли, как в некоторых паломничествах. Самой распространенной моделью описания пространства является мотив преодоления. Зачастую в текстах герой сталкивается с образом другого – неизвестного и, следовательно, опасного мира. Такая трактовка встречается уже в ранних мифах, где герою, чтобы пройти обряд инициации, приходится преодолевать неведомое пространство, населенное чудовищами, порожденными мифопоэтическим сознанием. Здесь уместна метафора лабиринта, пугающего своим однообразием и созданного будто специально, чтобы помешать путнику достичь цели⁸⁵.

⁸⁵ Цивьян Т. В. Путешествие Одиссея – движение по лабиринту // Концепт движения в языке и культуре. Сб. статей / отв. ред. Агапкина Т. А. – М.: ИНДРИК, 1996. С. 306-324.

Предполагаемая опасность не исключает наличия добрых сил, случайности, помощника, позволяющих в конечном итоге завершить путь. Д. Кэмпбелл ищет истоки подобного восприятия пространства в глубинах человеческого сознания и приводит как пример сон одной оперной актрисы. «Вначале на пути сновидца возникает открытая сточная канава, затем абсолютно чистая река, бегущая по траве, затем появление добровольного помощника в критический момент и высокий берег за последним потоком (Земной Рай, Земля за Иорданом) – вот вечно повторяющиеся темы чудесной песни возвышенного путешествия души. И каждый, кто отважился прислушаться и последовать тайному зову, познал опасности рискованного одинокого перехода: Остёр, как лезвие бритвы, неодолим, недоступен этот путь – говорят мудрецы»⁸⁶. Наличие героя как существа, наделенного памятью и, соответственно, делающего пространство протяженным, сопрягается с метафорой жизни. Преодоление пути не исторично, даже в некоторой степени статично, что позволяет перенести ощущение статичности на саму жизнь. Из примеров более поздних можно вспомнить «Путь паломника» Д. Беньяна, где аллегория жизни как тернистого пути становится сюжетообразующим фактором.

Данная работа далеко не первая, в которой дается характеристика подобного типа восприятия. В сборнике: «Очерки естественнонаучных знаний в древности» приведена схема В. Н. Топорова, разделяющего типы мышления на мифопоэтический, исторический и естественнонаучный⁸⁷. Категории мифа и исторических преданий актуализируются, согласно Топорову, в силу операционности определения объектов, необходимости дать ответ на вопросы «как это сделано?», «как это произошло?», «почему?». Прецеденты прошлого, сохранившиеся в коллективной памяти сообщества, служат инструментами метафоризации пространства, способом подчинить его, заключив в контекст привычных образов и описаний. В. Н. Топоров пишет: «Поэтому миф, как и мифологизированное “историческое” предание, совмещает в себе два аспекта – диахронический (рассказ о про-

⁸⁶ Кэмпбелл Д. Тысячеликий герой. АСТ, 1997. – 384 с.

⁸⁷ Топоров В. Н. Первобытные представления о мире (общий взгляд). Очерки истории естественно-научных знаний в древности М., 1982. С. 9.

шлом) и синхронический (средство объяснения настоящего, а иногда и будущего)⁸⁸».

Забегая вперед, нужно сказать, что мифопоэтические формы описания сохраняются и в XVIII в., в том числе в текстах академических путешественников, фиксирующих представление о пространстве и времени местного населения. В мифопоэтическом восприятии основа описания не задана априорной схемой, а исходит из опыта и языка. Власть дискурса является фактором, детерминирующим описание пространства. Примером может служить запись С. П. Крашенинникова в «Описании земли Камчатки» о том, что местные жители связали необычайно сильные холода с его приездом, «ибо они студента называют своим языком шакаиначь, то есть студеной, и по смешному своему разуму так рассуждают, что при студеных не можно быть теплой погоде⁸⁹». Природные явления в мифопоэтическом восприятии наделяются антропоморфными характеристиками. К примеру, горы могут переходить с места на место в поиске более комфортных условий, не желая соседствовать с досаждающими духами. Важно помнить, что одной из задач мифа является отличное от научного, то есть не обусловленное схемами, а, скорее, подчиненное дискурсу объяснение мира. Б. Малиновский наделял миф функцией ненаучного объяснения⁹⁰. Так, по С. Крашенинникову, камчадалы все места, представляющие опасность – "кипячие воды", "горелые сопки", населяют опасными духами, а "огнедышащие горы" – душами умерших. Важно, что он не наделяет «басни» характеристикой полностью вымышленного. Пытаясь найти причины столь странного описания природы, он приходит к своеобразному консенсусу между мифопоэтическим и механистическим взглядом, предполагая, что горы могут проваливаться или вырастать вновь, что является причиной басен, а искривленный рельеф служит тому подтверждением. Любопытно, что зачастую

⁸⁸ Топоров В. Н. Модель мира Мифы народов мира: Энциклопедия. – М., 1980. Т. 2. С. 161-166.

⁸⁹ Крашенинников С. Описание Камчатки // Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорскою Академією Наукъ, по предложению ея президента – СПб.: Императорская Академия Наук, 1818. Т. 1. С. 261.

⁹⁰ Малиновский Б. Магия, наука и религия. – М., 1998.

мифопоэтические описания, основой которых служит дискурсивное дописьменное описание реальности, требуют обозначения первоносителя, то есть того, кто впервые поведал повесть о сущности пространства и времени. С. Крашенинников приводит местную басню, согласно которой в подземном мире живет камчадал, сын бога Кутха, который, желая научить потомство, приходил в юрты и «о всем том, чему ныне камчадалы верят, рассказывал⁹¹». Сталкиваясь с мифопоэтическими описаниями С. П. Крашенинников находит для них рациональное место в структуре описательных стратегий. Для него характерным примером подобного восприятия служат древние греки – «камчадалы, которые на басни такие ж художники, как старинные греки⁹²». Также он находит общие черты в описаниях божеств, например, что «почитают их за родных братьев, так же как древние греки и римляне⁹³» или, что «бога вообще называют они дустехтичь, которое имя некоторым образом и почитают так, как афиняне неведомого бога⁹⁴».

Тем не менее мифопоэтическая описательная стратегия наделена С. Крашенинниковым коннотациями наивности, ошибочности, крайнего заблуждения. Он рассчитывает, что «тщанием всемилостивейшие нашей государыни императрицы Елисаветы Петровны и высококоматерним ее о всех подданных попечением» вместе с христианизацией будут устранены и заблуждения, и «сумневаться не можно, что христианская вера по всему Северному морю чрез несколько лет распространится⁹⁵». Однако распространение христианских рецептивных стратегий не

⁹¹ Крашенинников С. Описание Камчатки / Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорскою Академією Наукъ, по предложенію ея президента – СПб.: Императорская Академия Наук, 1819 Т.2 С.108

⁹² Крашенинников С. Описание Камчатки / Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорскою Академією Наукъ, по предложенію ея президента – СПб.: Императорская Академия Наук, 1818. Т. 1. С. 14.

⁹³ Крашенинников С. Описание Камчатки / Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорскою Академією Наукъ, по предложенію ея президента – СПб.: Императорская Академия Наук, 1819. Т. 2. С. 100.

⁹⁴ Там же. С. 103.

⁹⁵ Там же. С. 112.

означает полного устранения мифопоэтических черт. И сам Крашенинников признает, что «во всех народах довольно суеверий у простых людей, как тому, что они такое множество заповедей могут содержать всегда в памяти⁹⁶».

Далее рассмотрено, какие черты привносит в травелог христианизация и можно ли говорить о кардинальной смене рецептивно-репрезентационных практик.

Картина мира средневекового паломника вполне соотносима с мифопоэтическим сознанием, характеризуемым В. Н. Топоровым: «Для первобытного сознания все, что есть сейчас, – результат развертывания первоначального прецедента, экспликация исходной ситуации в новые условия оплотняющегося космологического бытия⁹⁷». Пространство не может быть цельным, гомогенным и не изменчивым, пока не выработаны метафоры обеспечивающие эту цельность. Измерение есть одна из возможностей стать причастным к основам мироздания, в некотором смысле подчинить себе мир, вычислив его значения. В этом качестве средневековые хождения имеют точку соприкосновения с естественнонаучными травелогами, написанными в механистическом ключе. Мы можем найти довольно большое количество совсем не обязательных замечаний об объемах и расстояниях в записках средневековых пилигримов.

Постепенно пространство приобретает законченную форму, возникает определенная система характеристик и языковых значений, позволяющая оперировать этим пространством. В средневековых хождениях пространство остается «другим», недоступным для человеческого ума, но одновременно с тем, возникает представление о возможности его освоения. Пространство пусть и не создано человеком, но существует для него. Приведем основные положения, характеризующие отношение к пространству и времени в Древней Руси. До и после времени расположена вечность, время есть выпадение из вечности, будущее наступит после страшного суда, до этого человек вынужден находиться в предбудущем пространстве-времени. Так автор Повести временных лет ведет отсчет от сотво-

⁹⁶ Там же. С. 114.

⁹⁷ Топоров В. Н. Первобытные представления о мире (общий взгляд). Очерки истории естественно-научных знаний в древности – М., 1982. С. 9.

рения мира и для него развитие событий имеет особое промыслительное значение. С концом времени соотносится оценка деятельности князей, ибо служение их дано богом. Соответственно восприятие времени средневекового книжника соотносится с его началом – сотворением определенной формы пространства и его концом – уничтожением этого пространства и Судным днем.

Пространство также не является постоянной категорией – мир распадается на два – мир горний, где нет ни времени, ни движения, и мир дольний – пусть ограниченный, но наделенный движением и временем. Миры эти не являются абсолютно обособленными, они соединены – действия, происходящие в горнем мире, обязательно отразятся на дольном.

Можно было бы избежать анализа текстов, находящихся на стыке мифа и поэтики, остановившись на анализе новоевропейских текстов, но задача исследования требует выхода за пределы отдельно взятой традиции и обозрения разнородных текстов, обладающих характеристиками травелога. Не будет странным в этом контексте обратиться к средневековым хождениям, в которых фиксируется продвижение героя в пространстве и в определенной темпоральности.

В работе «Аргонавты средневековья» В. П. Даркевич пишет: «человеку Средневековья было свойственно ощущение «жизни в пути». Пребывание в смирном мире представлялось постепенным приближением (восхождением) к Богу, который некогда воззвал: «Все, что имеешь, продай и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах, и приходи, следуй за мною» (Евангелие от Луки). Сам Христос подавал пример ищущим святости тысячам пеших и конных, убогий скарб которых умещался в дорожной суме. «Все странствующие, без разбору, принимаются, точно Христос, ибо сказал он: «Я был странником, и вы приняли меня...». С особым же тщанием принимать нищих и пилигримов, ибо в лице их более всего принимается Христос; ведь богатого чтут уже из боязни» (Монашеский устав Бенедикта). Путникам покровительствовали и светские власти, так в «Поучении» Владимира Мономаха было сказано: «...чтите гостя, откуда бы к вам ни пришел, простолюдин ли, или знатный, или посол; если не можете почтить его подарком, – то пищей и питьем: ибо они, проходя, прославят человека по всем

землям, или добрым, или злым»⁹⁸. Люди средневековья, несмотря на оседлый образ жизни в четко обозначенных пространственных границах, часто находились в движении, меняли привычные места обитания, порой даже выходя за пределы христианского мира, сталкиваясь с культурами, в которых приняты совершенно другие системы координат и, следовательно, бытуют иные репрезентации категорий пространства и времени.

Уже в ранних хождениях, например, в «Хождении» игумена Даниила происходит фиксация пройденного пространства с его описательной стороны⁹⁹. Травелог призван облегчить путь будущим читателям, что опосредует его включенность в исторический контекст. Память в данной категории выступает фактором, позволяющим придать пространству объем путем наложения на определенные исторические шаблоны. Как писал М. М. Бахтин: «Местность – это след события ее оформившего. Такова логика всех местных мифов и легенд, осмысливающих пространство историей»¹⁰⁰. В «Хождении» Игумена Даниила мы встречаем большое количество отсылок к библейским сюжетам: «прямо к востоку небольшая горка, и на ней круглый камень выше колена. С этого камня и вознесся Христос на небо». «Здесь же есть другая дивная пещера, где жил Илья-пророк со своим человеком Елисеем. Все это я видел очами своими грешными». Заметим, что и здесь присутствует необходимость доказательности увиденного. Свидетельство видения выступает как один из обязательных факторов соотнесения сказанного с реальностью, а также формой литературного этикета. Но здесь следует быть предельно осторожным, поскольку, говоря о хождениях, мы имеем в виду тексты, в которых как правило воображение играло основную роль в описании пространства и времени. Поскольку мир дольний не являлся единственно возможной формой реальности, описаний требовали и другие «измерения», а форма хождения отлично подходила для данной цели. Как мы увидим в четвертой главе, факт и

⁹⁸ Даркевич В. П. Аргонавты средневековья. – М.: Наука, 1976. С. 9.

⁹⁹ «Хождение» игумена Даниила // Памятники литературы Древней Руси. XII век. – М., 1980.

¹⁰⁰ Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики — М.: Худож. лит., 1975. С. 223.

вымысел в восприятии реципиента сливаются в один четко структурированный нарратив. Обращаясь к тексту Игумена Даниила, мы отметили, что его пространство тесно соприкасается с реальностью прошлого, а точнее – прошлого, репрезентированного в священных текстах и преданиях. Можно было бы отнести его к категории органицистских травелогов, если бы не ранний срок написания. В Европе подобные тексты возникают только в конце XVII века, в России – в конце XVIII века, о чем мы подробно скажем в следующей главе.

Как уже было сказано, важную роль в восприятии средневекового человека играло воображение. В таком случае нужно ответить на вопрос, насколько адекватно репрезентации отражали образы реальности. Обратимся к исследованию Дмитрия Антонова «Путеводитель по визуальной древнерусской демонологии». Он указывает, что форма хождения - одна из самых распространенных в числе средневековых текстов. «Визионер, будь то апостол Павел, греческая царица Феодора, английский крестьянин Туркиль или русский монах из Троице-Сергиева монастыря, возносится ввысь или спускается в подземное царство, странствует по отсекам ада и рая, поднимается по лестницам, ведущим на небеса, и переправляется через огненные реки и ледяные пропасти. Перед его взором шаг за шагом разворачивается вся «механика» загробного воздаяния: по пути он встречает различные группы праведников и грешников, узнает у своего провожатого, ангела или святого, кто перед ним и что означают их муки, <...> а затем возвращается назад, в этот мир, чтобы поведать о своем неисповедимом опыте¹⁰¹». Одна из задач подобного хождения – рассказать о внутренней механике загробного и мира, и в то же время подготовить читателя к возможным трудностям при вполне вероятном путешествии туда.

Говоря о древнерусских хождениях Андреас Шёнле пишет: «Монашеские обеты отречения от всего мирского и аскетизм не позволяли упоминать о мир-

¹⁰¹ Антонов Д. И., Майзульс М. Р. Анатомия ада: Путеводитель по визуальной древнерусской демонологии. - М.: ФОРУМ; НЕОЛИТ, 2014. С. 6.

ских делах, равно как и о своих личных впечатлениях¹⁰²». Согласно Шёнле первые бытовые подробности встречаются в тексте хождения Афанасия Никитина, хотя его взгляд оставался ортодоксально религиозным. Гайл Лейхоф Ворон описывает принципиально устойчивую «систему Птолемея», основанную на библии, в которой писатели подражают образцам и в то же время допускают некоторые отклонения, чтобы усилить авторитет модели и возвысить духовный опыт читателей¹⁰³. Для объяснения трансформации восприятия, произошедшей в травелог в XVII в., она использует метафору «точки излома», когда система уже не способна впитывать в себя разнообразные отклонения и трансформируется. В историографии нередко можно встретить схожие метафоры. По сути они являются упрощением, приводящим нас к принятию существования ряда статических систем, переход между которыми осуществляется вследствие прохождения некой абстрактной временной позиции, именуемой также точкой бифуркации, однако мы видим, что такая трактовка годится только в качестве признания произошедших трансформаций, но не для объяснения их причин. Чтобы избежать подобного упрощения, мы собираемся рассмотреть, как и вследствие чего происходит изменение отношения к феномену передвижения в пространстве, когда по сути и возникает понятие путешествия и различные его толкования.

2.2. Британский травелог в контексте новых репрезентационных практик

В данном разделе будут рассмотрены трансформации, произошедшие в европейском травелог XVII века на примере текстов британских путешественников, антиквариев и хорографов. В британской историографии тема путешествия рассматривается, начиная с 60-х годов XX века. В 1964 году выходит работа Эс-

¹⁰² Шёнле А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий .1790 – 1840 / Пер. с англ. Д. Соловьева – СПб.: Академический проект, 2004. С. 5

¹⁰³ См. Gail D. Lenhoff Vroon. The Making of the Medieval Russian Journey – Ph. D. diss., University of Michigan, 1978.

тер Моир «Открытие Британии: английские туристы. 1540–1840 гг.»¹⁰⁴. В работе исследуются путешествия, совершаемые с образовательными и развлекательными целями, но путешествие как явление и особенности травелога остаются нераскрытыми. Эстер Моир большую часть работы посвящает путешествию в значении туризма, особенностям географии и геологии регионов Британии, их освоённости в исследуемый период. В связи с широкими временными границами исследования путешественникам XVII века уделяется меньшее внимание. На Селию Файнес вкупе с Даниэлем Дефо отводится всего двенадцать страниц. Стоит отметить, что Моир начинает свое повествование со второй половины XVI века. Видя в деятельности первых антиквариев проявление нового взгляда на путешествие, она приводит в пример травелога Джона Леланда (John Leland, 1503–1552) как провозвестника новой эпохи. Но если в шестнадцатом веке и появлялись отдельные травелоги, то осмысление их происходило уже в веке семнадцатом, вместе с формированием законов этого жанра и складыванием представлений о нем в обществе. В исследовании уделено значительное внимание проблеме осмысления путешествия, формированию единого поля понимания травелога как жанра и путешествия как процесса.

В 2000 году выходит книга Барбары Шапиро «Культура "факта" в Англии 1550–1720 гг.»¹⁰⁵, проливающая свет на путешествие как источник свободного, независимого познания. Работа Барбары Шапиро напрямую к исследованию путешествий не относится. Она сосредотачивает внимание на понятии факта, выясняет, как трансформировался этот термин на протяжении раннего нового времени, являясь изначально сугубо юридическим термином, указывающим на противоправное действие, которое нужно доказать. Шапиро предполагает, что вовлеченность многих англичан в юридическую сферу, привела к распространению понятия «факт» на другие области. Так, показания очевидцев и аутентичные до-

¹⁰⁴ Moir E. The Discovery of Britain: The English Tourists 1540 – 1840 / Esther Moir. – Routledge, 2013 (1964). – 152 p.

¹⁰⁵ Shapiro B. A Culture of Fact. England 1550 – 1720 / Barbara Shapiro. – Cornell University Press, 2000 – 296 p.

кументы являлись главным аргументом на суде, и эта особенность вскоре распространилась повсеместно. Отчеты хорографов и путешественников, включающие описания чудес природы и древностей, являются только одним из примеров расширения границ фактологического знания. Работа Б. Шапиро приближает нас к пониманию причин становления стандартов эмпирического восприятия, что несколько проясняет вопрос об особенностях репрезентаций семнадцатого века.

Нельзя обойти вниманием работу Маргарет Свен «Диковины и тексты в Англии раннего нового времени»¹⁰⁶, изданную в 2001 году. В ней анализируются причины популярности коллекционирования в XVI – XVII веках. М. Свен выясняет, почему предметы материального мира так прочно вошли в английскую культуру. Путешествие в данном случае выступает как инструмент, но факт того, что без путешествий собирательство было бы невозможно, неоспорим.

Работ, сосредоточенных на конкретных травелогах, значительно больше. В 2009 г. выходят «Великие британские путешествия» Николаса Крейна¹⁰⁷, в 2005 г. «Травелоги 1700–1830 гг.» Элизабет Болс¹⁰⁸. Книга Николаса Крейна имеет скорее публицистический, чем научный характер. Н. Крейн повторяет путешествия Леланда, Файнес, Дефо, Пеннанта, Корбата и Моргана, сравнивая их описания с собственными. Эта работа полезна для понимания того, как трансформировались отдельные образы пространства. Работа Э. Болс прямого отношения к нашему исследованию не имеет, но она дает представление о трансформации образа путешествия в XVIII веке. Появление большого количества литературных произведений, подражающих по стилю травелогу, она связывает с бытующей убежденностью в достоверности описанного в них, верой в искренность путешественника, рассказывающего о происходящих с ним событиях. Это дает ключ к пониманию эволюции путешествия и травелога.

¹⁰⁶ Swann M. *Curiosities and Texts: The Culture of Collecting in Early Modern England* / Marjorie Swann. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2001. – 280 p.

¹⁰⁷ Crane N. *Great British Journeys* / Nicholas Crane. – Phoenix, 2009. – 307 p.

¹⁰⁸ Bohls E. *Travel Writing 1700-1830* / Elizabeth A. Bohls. – Oxford Un-ty Press, 2005. – 562 p.

Отдельной группой привлекаемых текстов являются научные статьи по тематике путешествий из таких журналов как «Journal of the History of Ideas» («Журнал истории идей»), «The Geographical Journal» («Географический журнал Королевского общества»), «Journal of the American Geographical Society of New York» («Журнал американского географического общества Нью-Йорка»).

Работ, рассматривающих научную революцию XVI–XVII веков с точки зрения изменения психологических установок и создания новых философских концепций, сравнительно мало. Французский философ и историк науки русского происхождения Александр Койре в монографии «Галилей и законы инерции» отмечает, что с пересмотром места Земли во вселенной и пониманием космоса как единого однородного пространства связаны «глубокие изменения в прежних представлениях о пространстве и движении¹⁰⁹». Научная революция XVII века привела к ломке не только сугубо научных, но и мировоззренческих установок, к созданию новой философии. Один из тезисов Койре состоит в том, что «научная мысль развивалась не в вакууме; это развитие всегда происходило в рамках определенных идей, фундаментальных принципов, наделенных аксиоматической очевидностью, которые, как правило, считались принадлежащими собственно философии»¹¹⁰.

Как уже было сказано, в англоязычном мире любой нарратив, фиксирующий впечатления путешественника, традиционно называется травелогом. В отечественной историографии исследование этого жанра все еще занимает периферийное положение. Основные работы в этой области представляют собой case study, то есть травелогом рассматриваются единично без выявления причин возникновения жанра, закономерностей развития и т.д. Здесь мы остановимся на отдельной разновидности этого жанра, а именно на травелогe, нацеленном на научное изучение пространства. В русской традиции понятие ученого путешествия встречается в восьмитомном «Полном собрании ученых путешествий по России»,

¹⁰⁹ Койре А. Очерки истории философской мысли / Александр Койре. – М.: Прогресс, 1985. С. 7.

¹¹⁰ Там же С. 271.

издававшемся с 1818 года в Санкт-Петербурге, где под «учеными» понимаются путешествия, организованные Академией наук, в целях исследования российских земель. Подобные путешествия мы также называем экспедициями. Резонно предположить, что и в Британии были свои ученые путешествия. Обратившись к журналу Королевского общества «Philosophical transactions» (издается с 1665 года), мы обнаружим, что научный характер статей требовал от путешественников особого формата описания увиденного. Роберт Бойль в статье «General heads for a natural history of a country» 1666 года предлагает разделить все наблюдаемые явления на четыре группы – небесные, воздушные, земные и водные¹¹¹. И действительно, мы не встретим в журнале путешествий, охватывающих всю совокупность природных явлений – каждое будет сосредоточено на своем узком поле. Травелоги, не соответствующие критериям «научности», можно будет вынести за скобки, отнеся их скорее к сфере художественной литературы. Для лучшего понимания жанра необходимо взглянуть на ход его становления. Посмотрим, как изменялся критерий «научности» травелога на протяжении XVII века.

Уже из семантики слова «путешествие» (travel) можно выявить, в каком контексте воспринималось оно англичанами в начале XVII века. К примеру, в издании «Британии» 1610 г. Уильяма Кемдена используется слово *travaile*, которое имеет старое значение – тяжелый труд, мучительные усилия¹¹². На данное значение слова «travel» указывает британский исследователь Эстер Моир в работе «Открытие Британии: английские туристы. 1540–1840 гг.». Со второй половины XVII века вместо слова «travel» часто использовалось слово «progress», которое можно перевести и как странствие, и как движение вперед. Такое написание встречается у Джона Тайлора, который пишет: «11 июля я проделал путь до Труро» (I progressed to Truro)¹¹³ и у Бэньана в заглавии «Путешествия пилигрима» (The Pilgrim's Pro-

¹¹¹ Boyle R. General Heads for a Natural History of a Countrey, Great or Small, Imparted Likewise by Mr. Boyle // Philosophical Transactions. 1665. Vol. 1. P. 186–189.

¹¹² Camden W. Britain, or, a Chorographicall Description of the most flourishing Kingdomes, England, Scotland, and Ireland / William Camden – London: George Bishop and John Norton, 1610.

¹¹³ Tylor J Wanderings to See The Wonders of The West / John Tylor. – Yereе. 1649. P. 11.

gress). Уже из семантики слова путешествие можно сделать выводы касательно его восприятия в общественном сознании.

Путешествие воспринималось в разных контекстах и совершалось с разными целями. Джон Тайлор начал свое путешествие ради заработка, Кемден и плеяда антиквариетов – с целью исследования древностей и естественнонаучных открытий, Селия Файнес – чтобы улучшить здоровье. В «Молль Флендерс» мы находим целую серию путешествий, совершаемых с различными целями. Эстер Моир вспоминает швейцарского протестанта Томаса Платтера, посетившего Британию в 1599 году и описавшего цель своего путешествия как обозрение нового, поиск любопытного¹¹⁴.

В книге «От паломничества к истории...» Джон Демарей доказывает, что глобальный историзм как стремление утвердить объективное знание, полученное эмпирическим путем, то есть принцип рациональности, берет начало не в семнадцатом веке в связи с антиклерикальной деятельностью Вольтера, Канта и французских энциклопедистов, а на полтора века раньше. Он связывает его появление с деятельностью религиозных космографов, натурфилософов, поэтов Европы и Англии, заявляя, что в трудах, сборниках и картах Уолтера Рэли, Ричарда Хаклюйта, Френсиса Бэкона мы видим рождение «нового историзма»¹¹⁵.

Нам важен его тезис, что «за считанные десятилетия происходит поразительный переход от духовного паломничества, основанного на библейской упорядоченности космоса, к путешествиям, опорой которым служит нестабильный, изменчивый, открытый мир».

Так или иначе, многие мыслители семнадцатого века писали о путешествии, о его роли в познании мира, рациональном постижении природы, оторванном от религиозных, патриотических или каких-либо иных предрассудков.

¹¹⁴ Moir E. *The Discovery of Britain: The English Tourists 1540 – 1840* / Esther Moir. – Routledge, 2013. P. 11.

¹¹⁵ Hodgkins C. *Reviewed work: From Pilgrimage to History: The Renaissance and Global Historicism*. John G. Demaray. New York: AMS Press, 2006 // *Modern Philology*. – 2010. Vol. 108, No. 1. P. 21-24.

Одним из главных достижений таких философов как Бэкон и Декарт стало введение критического подхода, в том числе к своим собственным идеям. Но для Бэкона, как и для Декарта, сомнение – не самоцель, а средство выработать плодотворный метод познания¹¹⁶.

У каждого из них был свой путь к истине, но одно было общим. И тот и другой считали, что немаловажную роль в их судьбах сыграло путешествие. Бэкон пишет о путешествиях, раскрывших для него границы материального мира, видя в дальних плаваниях источник новой, только зарождающейся философии.

Декарт говорит еще более конкретно. Он на своем опыте познал, чего стоит одно путешествие в сравнении с годами кабинетной работы. «Как только возраст позволил мне выйти из подчинения моим наставникам, я совсем оставил книжные занятия и решил искать только ту науку, которую мог обрести в самом себе или же в великой книге мира, и употребил остаток моей юности на то, чтобы путешествовать, видеть дворы и армии, встречаться с людьми разных нравов и положений и собрать разнообразный опыт, испытав себя во встречах, которые пошлет судьба, и всюду размышлять над встречающимися предметами так, чтобы извлечь какую-нибудь пользу из таких занятий»¹¹⁷.

Стоит привести еще один отрывок из «Рассуждения о методе», чтобы показать значение путешествия в становлении Декарта как философа, свободного от традиционных установок и стереотипных моделей поведения: «Самая большая польза, полученная мною, состояла в том, что я научился не особенно верить тому, что мне было внушено только посредством примера и обычая, так как видел, как многое из того, что представляется нам смешным и странным, оказывается общепринятым и одобряемым у других великих народов. Так я мало-помалу освободился от многих ошибок, которые могут заслонить естественный свет и сделать нас менее способными внимать голосу разума»¹¹⁸.

¹¹⁶ Бэкон Ф. Сочинения в двух томах / Предисловие А. Л. Субботина – М.: Мысль, 1972. С. 27.

¹¹⁷ Декарт Р. Сочинения в двух томах / Рене Декарт; пер. с фр. И. Вдовиной – М.: Мысль, 1989. т.1 С. 255.

¹¹⁸ Там же, С. 255-256.

Но для того, чтобы путешествие стало общепринятым познавательным инструментом, этому понятию, как и травелогу в целом, необходимо было проделать значительный путь. Согласно У. Дэвису, первая книга о путешествии была издана в Англии еще в пятнадцатом веке – «Путешествие на гору Сион и в город Иерусалим» (*Peregrinatioin Montem Syonet Civitatem Hierusalem*) Брейденбаха. Согласно Уильяму Дэвису, это издание 1486 года – первый травелог, изданный в Англии, который к тому же содержит примечательные карты и рисунки – «вид Венеции более пяти футов в длину и карту святой земли более чем в три фута»¹¹⁹.

За два года до гибели Великой армады в Лондоне издается книга, во многом повлиявшая на трансформацию восприятия британского пространства. Первое издание «Британии» Уильяма Кемдена вышло на латыни и не содержало карт, зато издание 1610 года изменило восприятие британских островов. В дальнейшем будет отмечено, что отсылки на работу Кемдена встречаются в травелогах на протяжении всего семнадцатого века.

Кемден акцентирует внимание на климатических особенностях графств, обращает внимание на Гольфстрим, смягчающий английский климат (“The sea which composeth it with moderate warm doth comfort the land”)¹²⁰. «Говоря о качестве воздуха и почв, отмечу, что Англия расположена в плодородном и мягком месте. Воздух здесь так хорош, что не только лето не бывает чересчур жарким из-за ветров, но и зимы проходят легко»¹²¹.

Во время Елизаветы в науке были сделаны значительные успехи. Новые открытия происходят в астрономии, ботанике, зоологии, географии, анатомии. Кемден вполне в духе механистической парадигмы обращает внимание на единичные элементы пространства, которые должны в идеале дать представление о работе «механизма» в целом. Так, достигнув Глостершира, он озадачен найден-

¹¹⁹ Davis W. *A Journey Round the Library of a Bibliomaniac: Or, Cento of Notes and Reminiscences Concerning Rare, Curious, and Valuable Books* / William Davis. – London, 1821. P. 8.

¹²⁰ С моря дует теплый воздух, делающий климат Британии комфортнее.

¹²¹ Camden W. *Britain, or, a Chorographically Description of the most flourishing Kingdomes, England, Scotland, and Ireland* / William Camden – London: George Bishop and John Norton, 1610.

ными им вдали от моря останками устриц. В своих исканиях он объединил собственные наблюдения с тем, что ему удалось почерпнуть из книг. Основное достижение Кемдена – критический подход. В обращении к читателю (перевод дан в приложении) сказано: «Возможно, я был обманут моим доверием к авторам книг и тем, кому я верил более всего. Другие могут быть более опытны и более сведущи в особенностях определенных мест. Если они сообщат мне о неточностях, я буду благодарен и исправлю все ошибки. Если же они сообщат о фактах, которые я невольно упустил, я добавлю их. Если я не полностью изложил какой-нибудь аспект, я углублю его, если это кому будет угодно, по доброй воле, а не из желания поспорить, которое затеняет истину». Его травелог, как и произведения многих британских путешественников этого времени сосредоточен вокруг понятия истины. Кемден понимает, что познать все человек не в силах, и напоминает читателю, что он является единственным судьей его труда. Работа, проделанная Кемденом, впечатляет. «Я не пренебрегал ничем, что помогает находить и просеивать истину. Я достиг некоторого успеха в древних британских и англосаксонских языках, я путешествовал по основным частям Англии, я общался с самыми опытными наблюдателями в различных графствах, я усердно читал наших собственных авторов - старых и новых, всех греческих и латинских авторов, упоминавших о Британии».

Кемден амбициозно называет Британию самым известным островом на планете, детально описывает ее графство за графством. Описание каждого из графств начинается с толкования его названия. Так Корнуэлл происходит от «horns» – мысов, раскиданных по побережью. Корнуэльцы – выносливы и вежливы, они удобряют бедные почвы и выращивают зерновые, добывают олово, которое экспортируется по всей Европе, и вылавливают более десятка видов рыб. Он уделяет внимание экономическим изменениям на территориях графств. Говоря об Эксетере, он пишет, что враги не смогли нанести ему такой урон, какой нанесло строительство плотин. В дальнейшем нам будут встречаться схожие описательные стратегии в текстах. Основная телеологическая составляющая в подобных травелогах – освоение. Заинтересованный в открытии новых источников ресур-

сов, автор «Британии» описывает то, к чему королева Елизавета проявляла страсть – местное золото, которое в отличие от испанского можно не отвоевывать, а самостоятельно добывать.

У. Кемден не был ревностным протестантом. Он часто сожалеет о разрушении монастырей и соглашается с тем, что вера может принимать различные формы. Он был подмастерьем в Вестминстерской школе, когда начал «Британию». Нужно было потратить огромное количество времени на путешествия, чтобы собрать такой материал по локальной истории, какой собрал он. Кемден пишет: «Во введении я должен отметить, что выполнение этой работы заняло у меня многие годы, годы упорного поиска истины с искренней верностью Богу и государству». Хотя он и пользовался помощью информаторов, о чем будет сказано далее.

Издание печатной версии «Британии» говорит о том, какое значение имела эта книга. Печатное дело в эпоху Елизаветы сделало большой шаг вперед, но все же на издание подобного труда требовалось колоссальное количество времени, и такие книги издавались. На них был спрос.

В первом издании Британии нет карт, и Кемден сожалеет об этом. Только в 1610 году Кемден смог издать книгу в том виде, в котором он хотел. Издание с красочными картами и, что самое главное, переведенное на английский язык. В этом издании Кемден описывает Уэльс. Его цель доказать, что Уэльс такая же часть Британии. Он исследует его с целью найти общие места, факторы, влияющие на развитие региона. Как и многие его современники, основным таким фактором Кемден называет наследие Римской империи. Он восхваляет римлян, проливших свет культуры и христианства на варварские земли. Описание Уэльса имело важное научное и политическое значение. Он был присоединен к Британии только в 1536 году, но Кемден говорит о нем как об исконно английской земле.

Во время Елизаветы знать относилась к идее публичного путешествия весьма негативно. Это связано с резким ростом бродяжничества. Считалось большой удачей, если тебе предоставили ночлег без разрешения местного судебного пристава. Путешественниками, которых Кемден встречал на своем пути, были цыгане, или египтяне, как их тогда называли. Несмотря на травлю, устро-

енную им Тюдорами, к 1570-му их проживало в Британии около 10000. Многие из них были обречены на смерть. За сто лет отношение к ним не сильно изменится, о чем будет сказано позже.

Кемден был первым, кто описал страну целиком в мельчайших подробностях. «Британия» дала возможность узнать об отдаленных частях страны, о которых прежде мало кто слышал. Таким образом, он своим примером показал, что путешествие один из надежных познавательных инструментов, а его репрезентации, сделанные в механистическом ключе, стали основой для дальнейшей тревелогографии, и вдохновили просветителей семнадцатого века (Мартин Мартин, Джон Эвелин, Эдвард Чамберлейн) совершить свои путешествия.

Интерес к путешествиям провоцировал спрос на соответствующую литературу. Годом 1607-м датируется работа «Удивительный вояж и путешествие Уильяма Буша, джентльмена, собственными руками без чьей-либо помощи построившего полубаркас, в котором воздухом, водой и землей он проделал путь от Ламбурна в Баркшире до Лондонской таможни» (*Admirable Voyage and Travell of William Bush...*¹²²). В 1615 году издается «Путешествие по Турции, Египту, Святой земле, Греции и т.д.» Джорджа Сэндиса¹²³. Но эти частные работы меркнут в сравнении с компендиумами путешествий, первым из которых становится труд Ричарда Хаклюйта (1552–1616).

В 1589 году Ричард Хаклюйт публикует «Путешествия и открытия»¹²⁴. Издание знакомит англичан с путешественниками преимущественно XVI столетия, совершившими путешествия с торговыми и политическими целями. Слово *Traffiques* в заглавии как раз намекает, что путешествия совершались с деловыми целями. Возникает вопрос, почему подобных собраний не издавалось прежде? И лучше всего, хотя и косвенно, на него отвечает сам Хаклюйт, говоря о целях сво-

¹²² Davis W. A Journey Round the Library of a Bibliomaniac: Or, Cento of Notes and Reminiscences Concerning Rare, Curious, and Valuable Books / William Davis. – London, 1821. P. 30.

¹²³ Ibid. P. 39.

¹²⁴ Hakluyt R. Voyages and Discoveries. The Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation / Richard Hakluyt. – London: Penguin Books. 1985.

ей работы. Впервые он решил собрать все документы вместе, после того как «услышал и прочитал, как превозносят другие страны свои открытия и выдающиеся морские достижения, а англичане из-за их вялости и продолжающегося пренебрежения к подобным вещам, особенно в столь долгий и счастливый период мирной жизни, либо всеми оболганы, либо повсеместно прокляты. Таким образом, услышав и прочитав, какое мнение бытует о нашей нации, и не найдя почти никого из соотечественников способного ответить, я решил сам, несмотря на все трудности, взвалить на себя бремя этой работы, пока все остальные прикидываются невежами, ссылаясь на отсутствие времени и подходящего повода...»¹²⁵. Судя по признанию Хаклюйта, для создания собрания путешествий не хватало подходящих людей. Хаклюйту в составлении его сборника помогали не одно увлечение географией и картами, но и Библия, из которой он черпал вдохновение. Он исследовал мир как чудо божественного творения, прославляя своим трудом имя Божье.

Известен своими собраниями знакомый с Хаклюйтом Самуэль Перчейс. В 1613 году он издает «Паломничество, или Связи мира и религий, наблюдаемые во все времена, на всех открытых землях, от сотворения до наших дней». Он приводит несколько сокращенных травелогов, рассказывающих о многообразии божественных творений, известных англичанам. Книга моментально становится популярной и при жизни Перчейса переиздается четыре раза.

В 1625 году выходит книга «По следам Хаклюйта, или Пилигримы». Работа продолжает труд Хаклюйта и частично основывается на его рукописях. Уильям Дэвис упоминает пять томов, содержащих путешествия англичан по различным частям света (Африке, Америке, Ближнему Востоку, России) с картами и таблицами¹²⁶. Это самое объемное издание, выпущенное в Англии на то время¹²⁷.

¹²⁵Цит. по: Helfers J. The Explorer or the Pilgrim? Modern Critical Opinion and the Editorial Methods of Richard Hakluyt and Samuel Purchas // Studies in Philology. – 1997. Vol. 94, No. 2. P. 169.

¹²⁶ Ibid. P. 40.

¹²⁷ Wood J. Hakluytus Posthumus, or Purchas his Pilgrimes, Contayning a History of the World, in Sea Voyages, & Lande Travels, by Englishmen and others / Dr. James Robert Wood //

Перчейс являет нам пример путешественника, который, как он пишет, никогда не отдалялся дальше чем на 200 миль от Такстэда в Эссексе – города, где он родился. Сравнивая этот компендиум путешествий со своим первым собранием, он говорит: «Это братья, имеющие больше сходства в имени, происхождении, и внешности, чем в объекте и субъекте. Если «Паломничество» было моим по факту, хотя я и заимствовал форму слов и метод, «Пилигримы» – это сами авторы, самостоятельно действующие и говорящие, только оформленные мной и расположенные согласно моим правилам»¹²⁸.

Хотя, согласно Джеймсу Вуду, Перчейс получил за свою работу 100 фунтов от Ост-Индской компании, сам он пишет, что главным плодом его труда стало развитие знания *методом наблюдения*. Путешествие позволяло расширить границы познаваемого. В идее познания через непосредственное наблюдение за миром Перчейс был не одинок. Здесь следует обратиться к работе Френсиса Бэкона, опубликованной в том же году, что и «Пилигримы». Это не случайное совпадение, что столь важные для формирования новой рецептивной парадигмы произведения появляются примерно в одно и то же время. Френсис Бэкон уже призывал рассечь и анатомировать мир, отказаться от суждений разума и заново взглянуть на мир своими глазами. Он писал: «Разве можно не считаться с тем, что дальние плаванья и путешествия, которые так участились в наше время, открыли и показали в природе множество вещей, могущих пролить новый свет на философию. И конечно, было бы стыдно, если бы, в то время как границы материального мира – земли, моря и звезд – так широко раздвинулись, разум продолжал оставаться в тесных пределах того, что было открыто древними»¹²⁹.

Джон Демарей заметил общую для Самюэля Перчейса и Френсиса Бэкона нацеленность на эмпирику. Он пишет, что в то время как Перчейс собирает мате-

Reading East [электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Trinity College Dublin. – Режим доступа: <http://www.ucd.ie/readingeast/essay3.html>.

¹²⁸ Цит. по: Wood J. Указ. Соч.

¹²⁹ Цит. по: Бэкон Ф. Сочинения в двух томах / Френсис Бэкон; пер. с англ. Н. Федоровой, Я. Боровского. – М.: Мысль, 1972. Т. 1. С. 20.

риал, в котором очевидцы являются главными информаторами, включая и неевропейские травелоги, Бэкон бросает вызов средневековой космографии через выделение различных «идолов»¹³⁰.

В его сборнике «Эссе» есть часть, озаглавленная «О путешествиях». Бэкон называет травелог важным источником нового знания, которое должно заменить устаревшую систему взглядов на мир. Он включает этот очерк в третье издание «Эссе» от 1625 года. Основной смысл путешествия он видит в образовании. Нужно тщательно ознакомиться с языком страны, собрать необходимые карты и информацию о достопримечательностях. Бэкон перечисляет то, что необходимо увидеть каждому путешественнику: «королевский двор, особенно во время приема послов; суд, когда там разбирается дело, а также церковные консистории; храмы и монастыри с находящимися там памятниками; стены и укрепления городов, а также гавани и пристани; памятники старины; библиотеки; колледжи, происходящие в них диспуты и лекции; корабли и верфи; дворцы и общественные сады вблизи больших городов; арсеналы, склады боеприпасов; биржи; торговые склады; конные ристалища; состязания в фехтовании; места обучения войск и тому подобное; комедию, какую посещает порядочное общество; сокровищницы драгоценностей; кунсткамеры и антикварные лавки»¹³¹.

Фрэнсис Бэкон советует путешественнику вести дневник, посмеиваясь над тем, как часто в плавании молодые люди ведут дневники в отсутствие всяких событий, а оказавшись в местах полных нового, напрочь забывают о них. И еще одной целью путешествия являются для него знакомства. Уже на новом месте в новом городе он рекомендует продолжать переезжать с квартиры на квартиру, заводя связи с местными жителями. А по возвращении домой, поддерживать с ними переписку.

¹³⁰ Hodgkins C. Reviewed work: From Pilgrimage to History: The Renaissance and Global Historicism. John G. Demaray. New York: AMS Press, 2006 // Modern Philology. – 2010. Vol. 108, No. 1. P. 21-24.

¹³¹ Бэкон Ф. Сочинения в двух томах / Френсис Бэкон; пер. с англ. Н. Федоровой, Я. Боровского. – М.: Мысль, 1972. Т. 2 С. 390-391.

Здесь стоит вспомнить английского эссеиста Оуэна Фелтхама (Owen Feltham), который за пять лет до Бэкона включает в свой сборник эссе раздел, озаглавленный «О путешествии»¹³². (См. приложение № 3)

Сходство данных работ сразу бросается в глаза. Выделим главные общие темы, упоминаемые авторами. И Бэкон, и Фелтхам видят главный смысл путешествия в образовании, в получении новых навыков. Если, согласно Бэкону, «в юности путешествия служат пополнению образования, в зрелые годы – пополнению опыта», то Фелтхам пишет: «нет карты подобной личному осмотру страны. Опыт лучший советчик, и одно путешествие может дать человеку больше, чем любые описания. Часто что-то не дает людям вырваться из укрытия своей страны. Клавдий упоминает, что счастье – это родиться, жить и умереть в одном приходе. Но, я уверен, путешествие наполняет человека. Тот прожил жизнь запертым в сундуке, кто видел только одну землю. Королевство мира – это объединение королевств – любой может жить в нем, оставаясь плохо воспитанным человеком. Тот же, кто откроет другие нации, станет джентльменом мира. Учение, честь и путешествие – составляющие человека, позволяющие дополнить мудрость одной страны добродетелями другой».

Фелтхам в данном случае гораздо многословнее. Бэкон не делает такого акцента на необходимости путешествия, он больше говорит о необходимости тщательной подготовки к нему. Бэкон и Фэлтхам приводят перечень обязательных для осмотра объектов. Если Бэкон советует заводить связи преимущественно с местными жителями, не делая разделения между ними, Фелтхам говорит об особенно достойных людях. «Но, главное, ищите редких людей. Нет памятника бесценнее, чем достойный живой человек. Мы обязательно найдем в нем что-то, что зажжет наш дух и разум почтением и стремлением сравняться с ним в добродетели».

Важно, как настойчиво оба автора требуют вести дневники. Но Фелтхам снова превосходит Бэкона в многословии: «Чтобы человек проявил себя в путешествии, он должен запомнить: отмечай плохое так же, как хорошее, чтобы впо-

¹³² Faltham O. Resolves, Divine Moral and Political / Owen Feltham. – London: Pickering, 1840. P. 194-196.

следствии избегать этого. Если не записывать такие вещи, они не принесут пользы. Человек не представляет, как прочно закрепляется мысль на бумаге. Недаром говорят – *Littera scripta manet* (Написанное слово остается). Тот, кто сделал это, может при желании вновь совершать свое путешествие, сидя в своем кабинете».

И все же Фэлтхам более критичен по отношению к людям. Бэкон советует изначально подготовиться к путешествию, изучить язык, выяснить все тонкости выбранной для путешествия страны. Фелтхам считает, что дураку лучше остаться дома: «Глупец не получает ничего кроме веселых пейзажей, пороков, экзотической мимики и деревенского кривляния. Дурак, который путешествует – позор для всех наций. Он позорит свою нацию слабостями и другие нации, - привозя домой их пороки. Он разбалтывает домашние грехи и провозит их через моря».

Его волнует, что путешествия могут быть вредны для такого человека и для государства: «Но человек, оценивающий достоверность, по возвращении и наедине с собой – впустую тратит время. Некоторых людей путешествие не меняет никак, а некоторых меняет чрезвычайно. Действительно, порядки вне дома, где бы мы ни были, могут показаться лучше, чем закрепленные у нации, к которой мы причастны. Но куда бы я ни отправился, где бы ни остался, я никогда не изменю своему Богу и своим друзьям. Тот путешествует напрасно, кто меняет свою веру, свой язык, свои одежды».

В 1620 году на слуху был пример такого незадачливого путешественника – Уолтера Рэли. Век спустя Давид Юм, характеризуя отчеты Рэли о его путешествиях, говорит о нем как о легковверном человеке или попросту обманщике¹³³.

Неудачное плавание Рэли, а точнее просто грабительский набег на испанскую колонию, осложнивший отношения с этим государством, стало последним шагом, приведшим Рэли на эшафот в 1618 году. И вполне вероятно, что Оуэн Фелтхам был в курсе недавних событий, составляя свой сборник. Это может быть одной из причин его размышлений о пользе и вреде путешествия для политики государства.

¹³³ Юм Д. Англия под властью дома Стюартов / Давид Юм; пер. с англ. А. Васильева. – СПб.: Алетейа, 2001. Т. 1 С. 467.

Так происходило осмысление феномена путешествия и возможностей, которые оно дает для осознания окружающей реальности. Мы рассмотрели работы, имеющие к путешествию преимущественно теоретическое отношение. Бросается в глаза, что в теоретическом поле путешествие выступает в первую очередь как способ познания, идущий на благо Англии. Это отличает путешествие начала XVII века от паломничеств предшествующей эпохи и от сентиментальных травелогов XVIII – XIX веков.

История путешествий и путешественников раннего нового времени не может обойтись без упоминания других первопроходцев, составителей карт и маршрутных листов XVII века.

В XVII веке в Англии все больше людей начинает увлекаться изучением местных достопримечательностей, артефактов, различных следов истории. А лучше всего об их популярности можно судить по сатире, делающей их своими героями. Так в «Микрокосмографии» Джона Эрла, впервые изданной в 1628 году, дается неподражаемая галерея типов личности, под стать перу Чосера или Бранта. К сожалению, в России его работа известна разве что узкому кругу специалистов.

В этой небольшой энциклопедии нашлось место и для антиквариетов. Кто же такой, согласно Джону Эрлу, антикварий? Приведем текст полностью (перевод наш): «Это человек, до странности бережно относящийся к прошлому, враг своего желудка, хватающий пищу уже сгнившую и смердящую. Он один из тех, кто имеет противоестественную болезнь – влюбленность в старость и в морщины, и любит все (как немцы – сыр), что хорошенько покрылось плесенью и изъедено червями. Он человек нашего вероисповедания, потому что мы зовем его самым древним, а разбитая статуя делает его чуть ли не идолопоклонником. Огромное восхищение вызывает в нем налет на старых монументах. Читает же он только те письма, в которых время успело уничтожить буквы. Он протащит вас за 40 миль, чтобы показать святой источник или разрушенное аббатство, а там окажется лишь крест или каменное основание. Он будет рассуждать об этом до тех пор, пока совсем не забудет о своем путешествии. Его финансы состоят в основном из шекелей и римских монет, а изображений Цезаря у него гораздо больше, чем

Якова или Елизаветы. Нищие надувают его с затхлыми вещами, которые они выгребли из навозных куч, а он хранит их тряпье как бесценную реликвию. Он любитель не столько библиотек, сколько мест, где пауков больше чем авторов, и смотрит с нескрываемым восторгом на паутину древних лет. Печатные книги он презирает как новшество последних лет, но манускрипты он готов изучать вечно, особенно если обложку хорошенько изъели мыши, а начало каждого слова скрыто пылью. Он готов отдать все изучаемые им книги (в том числе редкие) за один из старых римских переплетов или шесть строк Туллия, написанных его собственной рукой. Его комната обычно завешана странными звериными шкурами, наподобие склепа из необычных костей. А его рассказ о них, если вам однажды доведется его услышать, будет длиться очень долго. Каждый его наряд – это что-то давным-давно вышедшее из моды, а его шляпа – ровесница вавилонской башни. Он никогда не взглянет на себя, пока его волосы не поседеют, а после будет любоваться собственной древностью. Смерть не пугает его, ведь он будет покоиться в земле, а это роднит его с предками»¹³⁴.

Культурный феномен антикваризма можно охарактеризовать как тягу к материальному наследию прошлого, исследованию повседневности минувших дней. Словом, цель антиквариетов заключалась в воссоздании реальности прошлого по уцелевшим останкам. Как пишет Питер Бёрк, изначальная заинтересованность в текстовой информации – надписях на статуях, монетах, мраморе и металле, унаследованная ими от первых гуманистов, постепенно уходит на второй план. Происходит своеобразный «визуальный поворот». Все большее число антиквариетов стало отдавать предпочтение зрительным образам, материальным предметам, картинам¹³⁵. В сознании свершилась революция. Письменный памятник уже не является истиной в первой инстанции. Отныне истинным может быть только то, что ты увидел собственными глазами, конечно, с определенными оговорками.

¹³⁴ Earle J. *Microcosmography or, A Piece of the World Discovered*, in *Essays and Characters* / John Earle. – Albany Joel Munsell, 1867. P. 18-19.

¹³⁵ Burke P. *Images as Evidence in Seventeenth-Century Europe* // *Journal of the History of Ideas*. – 2003. Vol. 64, No. 2. P. 273.

Этим объясняется интерес к нелитературным памятникам. Именно в XVII веке в Англии происходит ряд важных археологических открытий. Например, в 1693 году в Сомерсете обнаружено, так называемое, украшение Альфреда (Alfred Jewel) – одно из величайших произведений англо-саксонского искусства. Известно, что многие открытия напрямую связаны с путешествиями. Так, Джон Обри (1626–1697), сделавший большое количество археологических открытий, первым открыл многочисленные мегалиты в южной Англии и стал открывателем мегалитических колец в Эйвбери.

В 1707 году Эдвард Ллуйд публикует первый том «Британской археологии». Во вступительном слове к королеве он говорит, как стойко перенес пять лет утомительных странствий по отдаленным частям королевства Ее Величества¹³⁶. Приводит объемный Ирландо-Английский словарь и список Ирландских манускриптов. Здесь же дается краткое введение в Ирландский язык и грамматика Корнуэльского¹³⁷. Наличие подобных справочных материалов значительно облегчало интеграцию регионов Великобритании. Исследование иноязычных территорий становилось доступнее, облегчая труд путешественника.

Итак, монеты, медали, статуи постепенно вытесняли текст из числа исторических первоисточников. Джон Эвелин писал в 1697 году, что медали – наиболее аутентичный и надежный источник¹³⁸. Путешествие выступает здесь как одна из ключевых ступеней к постижению мировых законов. Верить можно только тому, что видишь собственными глазами. Изобретение микроскопов и телескопов дало этому тезису дальнейшее развитие. Границы познаваемого стали стремительно расходиться во всех направлениях. Открытие следует за открытием. Вспомним,

¹³⁶ Lhuyd E. *Archaeologia Britannica: an Account of the Languages, Histories and Customs of Great Britain, from Travels through Wales, Cornwall, Bas-Bretagne, Ireland and Scotland* / Edward Lhuyd. – Oxford. 1707. P. b.

¹³⁷ *Ibid.* Vol. 1, Glossography, P. 299.

¹³⁸ Цит. по: Burke P. Images as Evidence in Seventeenth-Century Europe // *Journal of the History of Ideas*. – 2003. Vol. 64, No. 2. P. 277.

как Кемден размышляет о найденных им вдали от моря ракушках. Эта мелочь дает нам еще один ключ к пониманию особенности восприятия в XVII веке.

Интересы антиквариетов распространялись не только на лингвистику и археологию. Джон Лиланд проложил тропу для всех последующих английских топографов, знаменитейшим из которых был упомянутый нами Уильям Кемден. Поставив перед собой грандиозную цель – исследовать всю страну, включая ближайшие острова, он был вынужден пользоваться поддержкой широкого числа информаторов. Эти люди собирали для него сведения о тех уголках Британии, которые он не мог посетить сам. Однако в умении использовать вспомогательные источники, последующие авторы превзошли его. Книги о путешествиях набирали популярность, и встал вполне резонный, хотя и не совсем этичный вопрос – зачем путешествовать по стране самому, если можно использовать сведения из книг предшественников? Появлялись записки путешественников, являвшиеся компиляциями путеводителей. К XVIII веку такого рода издания были распространены повсеместно. Растущий интерес к древностям обещал высокий спрос на рынке на соответствующую литературу. Точно можно сказать, что в XVII веке у англичан появляются карты. Осуществляется метафорическая фиксация реальности, пространство начинает воспроизводиться в виде символа. Англия обретает физический облик. Теперь это не размытый остров Альбион, а единое физическое целое доступное любому. Каждый при желании и наличии средств мог взглянуть на земли своего графства или страны в целом. Это единичное изменение в одном государстве схоже с изменением сознания во всей Европе. Мир обретает целостность, открывая свои границы для познания. В Англии провозвестником этого движения стали антиквариетов.

В XVII веке отношение к религии значительно влияло на работы исследователей. Но такие авторы как Ральф Торесби (Thoresby) или братья Эдвард и Томас Браун (Browne) были последователями более ограниченного стремления антиквариетов к каталогизации, расшифровке надписей, измерения высоты алтарей,

подсчета статуй¹³⁹. Барбара Шапиро говорит о появлении в травелогах, описывающих определенные топосы географического пространства, понятия факт. Хорографы чаще имели дело с локальными объектами, иные путешественники – с удаленными, но у них было столь много общего, что часто провести разделительную линию невозможно¹⁴⁰. Хорография еще Птолемеем определялась, как наука описания отличительных особенностей различных территорий. Она совмещала в себе историю, географию, топографию, генеалогию с социоэкономикой, изучением политических и социокультурных черт отдельных регионов. В частности, хорографы занимались исследованием почв, климата, агрикультуры, промышленности, архитектуры. Включали в свои отчеты информацию об известных семействах, торговле, религии, манерах и прочих культурных феноменах. Для них не было границ между прошлым и настоящим. Они рассматривали процессы в их развитии, искали причины современных им явления в глубинах истории. Самой распространенной формой хорографии в Англии была история графств с опорой на рост национального и провинциального патриотизма. В их деятельности можно увидеть родство с деятельностью общества антиквариев и Королевского общества. Такие работы как «Прогулки по Кенту» Вильяма Ламбарда¹⁴¹ или «Обозрение Корнуолла» Ричарда Карью¹⁴² типичны для конца XVI – начала XVII века. Мегалиты Стоунхенджа и Эйвбери привлекали внимание и антиквариев, и хорографов.

Ричард Карью в «Обозрении...» описывает как оловянные шахты и прочие месторождения Корнуолла, так и мосты, дороги, рынки, приводит социальные характеристики. Такие описания могли включать в себя достаточно большой спектр практически полезной информации.

¹³⁹ Moir E. *The Discovery of Britain: The English Tourists 1540-1840* / Esther Moir. – Routledge, 2013. (1964). P. 27.

¹⁴⁰ Shapiro B. *A Culture of Fact. England 1550-1720* / Barbara Shapiro. – Cornell University Press, 2000. P. 63.

¹⁴¹ Lambarde W. *A Preambulation of Kent, Containing The Description, Historie, and Customs of That Shire* / William Lambarde. - London, 1826.

¹⁴² Carew R. *The Survey of Cornwall* / Richard Carew. – London. 1769.

Исследовав деятельность английских антиквариев, В.В. Зверева отмечает расширение круга источников в их исследованиях. К примеру, Уильям Дагдейл и Уильям Седжвик во время своих путешествий записали и сохранили большое количество визуальных данных – гербы, надгробия, различные надписи на стенах. «Авторов описаний земель интересовала современность, но увиденная с точки зрения славных древностей, долгой традиции, истории и, одновременно, природных богатств и диковин¹⁴³».

Путешествию по собственной стране начинает уделяться внимание равное поездкам по Европе. Джошуа Чилдрей (1623–1670) пишет: «Я бы хотел, чтобы те, кто так хорошо знает чужие страны, не были бы чужеземцами в своей собственной, которая представляет собой компендиум всех остальных стран»¹⁴⁴.

Стоит вспомнить еще одного известного путешественника – Джона Традесканта (1570-е – 1638). Основная цель его путешествий – собирание редких и необычных вещей. К тому же, будучи опытным садовником, он собрал большую коллекцию семян и луковиц. Но главным его достижением было другое. Традескант первым организовал в своем доме музей собранных им вещей «Ковчег» и сделал его доступным для публики. Путешественник Питер Мунди (Peter Mundy) посетил этот музей в 1634 году и оставил перечень увиденных им редкостей: «звери, птицы, рыбы, змеи, черви (настоящие, хотя мертвые и высушенные), красивые камни, оружие, монеты, щиты, оковы, принадлежащие разным нациям и странам, различных форм и цветов...¹⁴⁵». Мунди делает важное замечание: «За один день я увидел столько необычного, сколько иной человек может увидеть,

¹⁴³ Зверева В. В. Представление прошлого в трудах английских антикваров XVII в. // *Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени* / Под ред. Л.П. Репиной. – М. 2003. С. 230

¹⁴⁴ Цит. по: Зверева В. В. Представление прошлого в трудах английских антикваров XVII в. // *Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени* / Под ред. Л.П. Репиной. – М. 2003. С. 231.

¹⁴⁵ Цит. по: Swann M. *Curiosities and Texts: The Culture of Collecting in Early Modern England* / Marjorie Swann. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2001 P. 1.

только потратив всю свою жизнь на путешествия»¹⁴⁶. Подобный музей стал местом, в котором виден еще один смысл путешествия того времени – поиск нового, собирание необычного.

Слово «Собиратель» (Collector) приобрело новые коннотации. До эпохи Стюартов оно использовалось для обозначения собирателя различных текстов. Теперь к этому добавилась вся палитра физических тел, предметов искусства, необычных вещей.

Марджори Свэн в книге «Curiosities and Texts» пишет об исследовании Сьюзан Пирс, которая опиралась на предположение антрополога Джеймса Клиффорда о ключевом значении собирательства в формировании «западной идентичности». Пирс характеризует коллекционирование как гибкую динамичную технологию идентичности, которая функционирует в приграничной полосе между общими культурными ценностями и глубокими индивидуальными предпочтениями. Личность может использовать коллекцию для презентации собственного образа, общество может развивать стратегии, позволяющие аккумулировать представления о семье, прибыли, престиже, религиозных практиках и транслировать их потомкам. Собирание несет также функцию сохранения культурного наследия и предполагает возможность развития представления о собственной идентичности¹⁴⁷.

Таким образом, путешественник, выступающий в роли собирателя, не только усваивает новые модели восприятия, но и знакомит с ними своих соотечественников. Карл I был одним из собирателей редкостей, картин и драгоценностей, привозимых ему в дар дипломатами и путешественниками. В его коллекцию входили работы Ван Эйка и Рубенса. Дворец Уайтхолла содержал в себе одну из лучших коллекций живописи, когда-либо собираемых в Британии: она включала работы, приписываемые Тициану, Корреджо, Караваджо, Рафаэлю, Джулио Романо¹⁴⁸. Часто владение крупной коллекцией говорило о богатстве и знатности ее владельца. Однако в такой популярности собирательства был не только практический

¹⁴⁶ Ibid. P. 1-2.

¹⁴⁷ Ibid. P. 8.

¹⁴⁸ Ibid. P. 17.

смысл. Марджори Свэн отмечает, что в этом стремлении к коллекционированию объектов физического мира читается глубокий божественный смысл. В традиционной космологии мир, созданный Богом (макрокосм), мог быть репрезентирован в миниатюре определенно выстроенной группой объектов. Как символическое зеркало мира коллекция-микрокосм выражала божественное могущество, власть, способную сотворить невероятные предметы, составляющие коллекцию.

Историк Лоррейн Дагстон признавала важность путешествия при создании коллекций редкостей: «Путешествие было альфой и омегой коллекционирования, являясь одновременно источником большей части предметов (открытие новых земель и торговля с ними создали устойчивый поток экзотических вещей) и возможностью увидеть их в Амстердаме, Оксфорде, Венеции, Париже, Аугсбурге, Упсале, куда любознательный турист мог добраться»¹⁴⁹.

Таким образом, антикваризм и собирательство стали практиками, расширившими знания о границах средневекового мира и обусловившими появление новых форм репрезентаций. Собирательство способствовало закреплению опыта, полученного во время странствий, а деятельность антиквариетов закрепила традицию механистического описания образов пространства. Травелогги антиквариетов, хорографов и собирателей в своей телеологической основе относятся к разряду травелогов освоения. Одновременно с распространением карт, представляющих из себя схему, призванную зафиксировать непосредственную реальность, встал вопрос о достоверности отображения и описания увиденного. Вопрос состоял не в том, верно ли видит автор, а в том, не вообразил и не додумал ли он отдельные места в своем описании. В последующую эпоху ключевыми задачами путешественника станут познание себя и наделение материи духом, вспомним, что для средневекового паломника это было преодолением мирского на пути к божественному. В XVII веке на первый план выходит задача освоения непосредственно обозримого пространства и фиксация своего наблюдения в травелогге. В этом прослеживается своеобразный дуализм. Вместе с накоплением материалов для

¹⁴⁹ Smith P., Findlen P. Merchants and Marvels. Commerce, Science, and Art in Early Modern Europe / Pamela H. Smith, Paula Findlen. – London: Routledge, 2002. P. 184

коллекций, составлением травелога и карт, необходимость самостоятельного путешествия уходила на второй план. Возникновение музеев и частных коллекций способствовало локализации в одном месте предметов, чтобы увидеть которые, раньше приходилось преодолевать значительные расстояния.

На протяжении XVII века совершались многочисленные путешествия, имеющие как торговые – экономические, так и исследовательские – географические цели. Купцы и первопроходцы оставили большое количество описаний, как опубликованных, так и не опубликованных.

В 1660 году Королевское общество опубликовало инструкцию для исследователей, призывавшую к детальному описанию увиденного и научному стилю повествования¹⁵⁰. Регламентация научного стиля предполагала минимальное количество художественных отступлений, что усложняло понимание текста и делало его труднодоступным для обывателя. С этого времени мы встречаемся с новым типом произведений, представленным на страницах журнала Королевского общества «*Philosophical transactions*». Предмет наблюдения становился гораздо уже и рассматривался детальнее, будь то ловля китов у берегов Шотландии или случаи с ударами молний в Оксфорде. Отныне только подобные тексты могли претендовать на звание «научных». «Пространные» же травелоги начала и середины века, воспринимавшиеся мыслителями как источник научного знания, не могли приравниваться к научным трудам. То есть к концу XVII века происходит четкое разделение видов травелога на «научный» и «пространный». В научном травелоге представлена новая категория отношения к пространству – от освоения исследователем перешел к изучению. Однако мир по-прежнему предстает в виде цельной конструкции-механизма, статичного и, в силу своей статичности, познаваемого.

Обратимся к статье о путешествии в Энциклопедии Дидро и Д'Аламбера и посмотрим, как изменилось восприятие этого феномена в сравнении с рефлексией Фрэнсиса Бэкона и Уильяма Фэлтхама. Про автора статьи Шевалье де Жакура писал Гримм: «Огромное число всевозможных статей, включая и самые важнейшие, были предоставлены заботам шевалье де Жакура, человека крайнего усер-

¹⁵⁰ Bohls E. *Travel Writing 1700 – 1830* / Elizabeth A. Bohls. – Oxford University Press, 2005. P. 23

дия и неистребимого трудолюбия, но безжалостного компилятора, который лишь собирал фрагменты из книг, как самых известных, так и весьма посредственных»¹⁵¹. Несмотря на обвинение в плагиате, мы, вслед за Ларри Вульфом, можем быть уверены, что Жакур давал не более чем расхожие представления о явлениях своего времени.

Что характерно для механистической парадигмы, Жакур отсылает нас к текстам древних авторов, что в его глазах увеличивает цену феномена путешествия. «Великие люди древности считали, что путешествие является лучшей школой жизни. Оно знакомит нас с огромным количеством живых существ, открывая все новые и новые страницы великой книги мироздания». Он приводит в пример известных мужей античности, усовершенствовавших во время путешествий свои знания и навыки: «Выдающиеся умы Греции и Рима, отдавали годы жизни на изучение этой книги. Гомер, Ликург, Солон, Пифагор, Демокрит, Евдоксий, Платон и, конечно, Диодор Сицилийский. <...> Цицерон называет Ксенократа, Крантора, Аркесилавса, Карнеада, Панеция, Клитомаха, Фила, Посейдония и прочих среди выдающихся людей, обогативших свои страны знаниями, почерпнутыми во время путешествий». Образы античности являются в данном случае мерилom истинности, своеобразным верифицирующим фактором, позволяющим читателю воспринимать путешествие как один из ключевых инструментов в деле просвещения. Далее следует характерное для механистической программы утверждение, что путешествие отдельного гражданина способно принести пользу всей нации: «При прочих равных, хорошо управляемая нация, где дворяне и успешные люди путешествуют, имеет преимущество над нацией, где такой вид образования отсутствует». Обратим внимание на гносеологический момент, характерный в том числе и для текстов Бэкона и Фэлтхама. «Путешественники развивают свой ум, обогащают его знаниями, избавляются от национальных предрассудков. Это знание не может быть заменено книжками или сведениями, полученными другими людьми. Люди, места и вещи должны оцениваться самостоя-

¹⁵¹ Цит. по Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. – М.: Новое литературное обозрение, 2003. С. 69.

тельно». Здесь проводится идея, ставшая контрапунктом, обусловившим естественнонаучный прогресс XVII – XVIII вв. – только увиденное собственными глазами можно принять за истину в первой инстанции. Можно было бы возразить, что прошлое не может быть непосредственно созерцаемо, но у де Жакура есть характерный ответ: «Как мне известно, современная Италия предлагает для обозрения лишь руины, остатки былой роскоши. Но и эти руины все еще важны для нас. Здесь по-прежнему встречаются древности разных типов, фрагменты произведений изящных искусств, принадлежащих мудрой нации». Однако путешествие все еще не может не иметь практической цели. Измерение и описание способствуют накоплению знаний, но не совершенствованию ума. Ссылаясь на Монтеня, де Жакур пишет, что суть путешествия состоит не в том, чтобы «измерять как много футов в Санта Ротонде или насколько больше лицо Нерона на руине, чем на медали; важно освежать и заострять один ум против других». В качестве примера он предлагает сравнивать нации и людей прошлого с современниками, обращая внимание на изменение как в бытовых и культурных, так и в социальных и политических вопросах. Как уже было подчеркнуто, обращения к явлениям и событиям прошлого в качестве верифицирующего фактора характерно для травелогов, написанных в механистической парадигме. «Уделяй внимание произошедшим переменам и наблюдай города прекрасной страны, некогда переполненные людьми, а теперь пустынные и оттого захватывающие, кажущиеся всего лишь точками на фоне великих городов, о которых так много говорит история». Описание пространства как места, в котором происходит человеческая деятельность, и следов прошлого в настоящем – основная задача путешественника в механистической парадигме. Наблюдение и эмпирика – главные инструменты познания, сохраняющие свои позиции на протяжении XVII – XVIII веков. Далее будет рассмотрено, как были отражены эти научные тенденции в травелогах, написанных на территории Российской империи.

ГЛАВА 3

ПРОСТРАСТВЕННО-ВРЕМЕННЫЕ И КОГНИТИВНО-РИТОРИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ В ТРАВЕЛОГЕ XVIII В

3.1. Репрезентация времени и пространства в русском травелоге XVIII в.

К XVIII веку в Европе травелог становится широко распространенным жанром. Путешественник мог неплохо заработать на издании книг своих странствий. В XVII веке одним из первых таких путешественников стал Джон Тайлор (1578–1653). Он решил не только самостоятельно совершить путешествие по Англии, но и оплачивать его за счет будущей книги. Тайлор отправлял друзьям счета (их в итоге накопилось, по его словам, до трех тысяч), обещая подробный отчет по возвращении. Тайлор пишет:

This long walke (first and last) I undertook
On purpose to get money by my Booke:
My friends (I know) will pay me for my paine,
And I will never trouble them againe¹⁵².

Сей долгий путь предпринял я не зря
На книгу раскошелятся друзья:
Оплатят труд скитаний непростых,
И боле я не потревожу их.

На территорию российской империи тенденции травелографии приходят только в XVIII столетии вместе с репрезентационными практиками, внедряемыми Академией наук. О русских путешественниках допетровской эпохи К. Сивков пишет: «они смотрят широко раскрытыми глазами, но горизонт их зрения узок. Они мало интересуются бытом, политическими порядками и экономическими отношениями, они совсем не интересуются западноевропейской наукой, потому что не имеют о ней никакого понятия, но зато они много интересуются западноевропейскими святынями; для многих из них это почти единственный предмет

¹⁵² Tylor J. Wanderings to See The Wonders of The West / John Tylor. – Yeree. 1649. P. 3.

наблюдения¹⁵³». Связано это во многом с тем, что оптика русских путешественников до XVIII в. настроена на фиксацию только того пространства, значение которого обусловлено сакральными смыслами. Одна из причин распространения новых репрезентационных практик, помимо смены парадигмы восприятия пространства-времени, – появление и распространение географических карт. Как пишет В. Кивельсон, исследовавший российскую картографию XVII в. с позиций новой культурной истории, большинство карт XVII были грубыми набросками, не имевшими ни масштаба, ни ориентации: «Иногда в верхней части карты окажется улыбающееся солнце (или два!) <...> Здания и деревья обращены вверх, вниз или поперек, в зависимости от положения или точки зрения художника в данный момент¹⁵⁴». Путешествовать по таким картам не представлялось возможным.

В России в течение XVIII века, вплоть до последней его трети, мы не встречаем травелогов, написанных вне гражданско-политического или научного дискурса. Да и само путешествие едва ли могло быть совершено без весомых на то оснований в силу отсутствия надежных карт, что, в числе прочего, вынуждало путешественника оплачивать дорогостоящие услуги проводника. Травелоги большей части XVIII века, если и составлялись, то представляли собой документальные отчеты о проделанном путешествии и были адресованы организации, снарядившей путешественника. Больше всего таких текстов было составлено во время академических экспедиций.

Академические или «ученые» путешествия в XVIII в. занимают в числе травелогов особое место как по их числу, так и по влиянию на последующих авторов, то есть по выстраиванию критериев того, что и как должно быть зафиксировано и репрезентировано в тексте.

Путешественники, отправляющиеся в экспедиции, санкционированные академическими учреждениями, были ограничены определенными границами и схемами академического письма, а также выдаваемыми им инструкциями. В ин-

¹⁵³ Сивков К. В. Путешествия русских людей за границу в XVIII веке. – СПб., 1914.

¹⁵⁴ Кивельсон В. Картографии царства: Земля и ее значения в России XVII века – М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 20.

струкциях давались рекомендации, на что именно следует обращать внимание, что зафиксировать в тексте, какие расчёты произвести в первую очередь. Академические путешественники XVIII в. находились в границах предзаданных описательных стратегий, но в силу необходимости анализа и фиксации пространства, в том числе путем получения информации от местных жителей, неизбежно сталкивались с иными описательными практиками. Механистическая парадигма подразумевает упорядочивание и означение мира, то есть создание бесчисленных нитей между образами и денотатами, природными объектами и их вербальными значениями. Схемы становятся основой для фиксации внешних явлений, будь то представление Карла Линнея о делении мира живой природы или картографические практики. Но задача авторов, не только состояла в создании новых знаковых форм, но и в фиксации реальности за счет уже существующих знаковых схем.

В качестве примера, рассмотрим путешествия, изданные в первой трети XIX века в «Полном собрании ученых путешествий по России». Для начала остановимся на тексте С. П. Крашенинникова «Описание Камчатки¹⁵⁵». Автор пробыл на полуострове с 1737 по 1741 год, когда и были составлены его заметки.

Текст этот вполне соответствует тем, которые мы встречали у британских авторов XVII века. Описание пространства нацелено на его дальнейшее освоение. Этой задаче служат как перечни поселений с подвластными народами, так и описания наблюдаемых животных и растений, географических объектов. Приводятся любопытные замечания по части быта и мировоззрения местных народов.

Одна из особенностей механистического описания пространства, целью которого является не просто освоение мира, но и его изучение – выведение общих законов на основе наблюдения частных феноменов.

Так, обнаружив зависимость взаиморасположения одного берега горной реки от другого «во всех между горами простирающихся долинах, особливо же узких, где оное весьма ясно видимо», С. Крашенинников предполагает, что «сие может несколько служить к подтверждению мнения господина Бургета, которой

¹⁵⁵ Крашенинников С. Описание Камчатки // Полное собрание ученых путешествий в восьми томах. Т. 1. – СПб., 1818. С.529; Т. 2. – 1819. С. 498.

подобное сему приметя на горах Альпийских не усумнился заключить, что такому расположению гор, долинами разделенных, во всем свете быть должно¹⁵⁶». Похожая оптика встречается и в травелогe И. Лепехина: «имея в руках нитку, хотели по ней добраться до клубка, но труд и ижедение были тщетны¹⁵⁷», пишет он о попытках установить происхождение обнаруженной кости.

Детальная фиксация и структурирование животного мира становятся возможны только с появлением описательных схем и таксономий, позволяющих наносить окружающий мир на уже очерченную карту. У Крашенинникова мы читаем: «под именем водяных зверей заключаются здесь те животные, которые на латинском языке амфибия называются, для того, что оные хотя по большей части и в воде живут, однако и плодятся около земли, и не редко на берега выходят. Чего ради киты, свинки морские и подобные им, которые никогда не выходят на берег, а от многих причисляются к зверям, не принадлежат к сей главе, но к следующей, в которой о рыбах писано будет: ибо все нынешние писатели о рыбах в том согласны, что кит не зверь, но сущая рыба¹⁵⁸».

Задача освоения требует не только описания отдельных территорий, но и исторического обоснования присутствия Российской империи на этих землях. Поэтому образы времени представлены в механистической парадигме в основном либо перечислением сражений, имевших место на этой земле, либо описанием проникновения образовательных или духовных практик.

В одном из комментариев опыты, производимые Стеллером и описанные Крашенинниковым, названы «бесчеловечными забавами». Так, например, команда Стеллера проводит эксперименты, отрезая животным конечности или, например, выколыв глаза морскому коту: «слепой кот на всех других нападал без разбору, не выключая и тех, кои защищали его сторону, за что и все на него устремились как

¹⁵⁶ Там же т.1, с.14.

¹⁵⁷ Лепехин И. Записки путешествия академика Лепехина // Полное собрание ученых путешествий в восьми томах. Т. 3. – СПб., 1821. С. 303.

¹⁵⁸ Крашенинников С. Описание Камчатки // Полное собрание ученых путешествий в восьми томах. Т. 1. – СПб., 1818. С. 367.

на общего неприятеля, и он не мог получить спасения ни на земле, ни на море¹⁵⁹». Но похожие опыты встречаются и в тексте И. Лепехина. Здесь скорее играет роль парадигма, в которой находятся авторы. Животный мир является частью общего мирового устройства, живые существа воспринимаются как шестеренки этого механизма, а их изучение проливает свет на мировое устройство в целом.

Травелог И. Лепехина, совершившего путешествие по «провинциям российского государства» в 1768-69 году, стоит в одном ряду с текстами академических путешественников. Основная задача И. Лепехина – характеристика местности и населения с точки зрения будущей пользы для государства.

Мир по-прежнему воспринимается как единый механизм. Увидев среди колосьев множество полевых пчел, участники экспедиции стали искать причину их появления и заметили «тму малых червячков, снедающих внутренняя колоса». После описания того, как спасаясь от пчел червячки «далеко род плеввы хоронилися», И. Лепехин отмечает: «сие зрелище показывает во всех вещах равномерное устройство природы»¹⁶⁰.

Интерес путешественника пробуждают материальные останки прошлого – развалины камней и надгробий, случайные окаменелости. Рассуждая о россыпи огромных костей, И. Лепехин замечает, что нет однозначного толкования их происхождения. Одни видят причину во всемирном потопе, есть же и те, кто называет их просто «игрушками природы», но на это Лепехин говорит, что «исчислять их доказательства как не нужно, так и скучно бы было¹⁶¹». Сам Лепехин высказывает идею о том, что это слоновые кости. Любопытно, что, как и в случае с антикварами, отсылки к древности могут восприниматься в ироническом ключе: «Если бы судьба определила нам прожить по крайней мере столетие, и, если бы в оное время случай открыл погребенныя в самом Петербурге издохших слонов ко-

¹⁵⁹ Там же с.402

¹⁶⁰ Лепехин И. Записки путешествия академика Лепехина // Полное собрание ученых путешествий в восьми томах – СПб. т.3 1821 с.14

¹⁶¹ Там же с.303

сти, без сомнения ни с малым бы нашим удивлением услышали многих умников рассуждения, проникающая в самую глубочайшую древность земного шара¹⁶²».

Как было сказано выше, путешественнику XVIII века приходилось сталкиваться с описательными практиками, отстоящими далеко от его собственных. Описания «простолюдинов», которые могут быть отнесены к мифопоэтической рецептивно-репрезентационной модели, И. Лепехин чаще всего, если и фиксирует, то в значении рассказней. «Сколько он унижал наше трудами и порядочным учением приобретенное искусство врачевания, столь много выхвалял покойной бабушки своей лечебник и неудобопонятную его пользу»¹⁶³. Говорит он об одном лекаре – Лепехин называет его Арзамасский Ипократ. Здесь вновь, как и у С. Крашенинникова, видны античные аллегории, и, как и в случае, когда И. Лепехин жалел, что не имеет дедаловых крыльев, проявляется набор отсылающих к античности метафор.

Тексты академических путешественников содержат минимальное количество отступлений – описаний быта, мыслей, чувств самого автора. Основной объект описания – пространство, воспринимаемое в механистическом ключе. Не является исключением текст И. П. Фалька, участника академической экспедиции 1768–1774 гг. Текст И. Фалька представляет из себя механистическое описание пространства, в котором математический учет является одним из способов фиксации. Приводится опись населения, фиксация географических объектов, описание ресурсов, производств и предприятий, торговли и цен.

Одна из задач, которую ставят перед собой некоторые путешественники этого периода – объяснение местных мифологем на основе уже накопленных знаний. Предание о месте при Сызрани, где расщепляется земля и из нее выходят огненные языки, объясняется им тем что горный берег содержит много горючего

¹⁶² Там же с.305

¹⁶³ Лепехин И. Записки путешествия академика Лепехина // Полное собрание ученых путешествий в восьми томах. Т. 3. – СПб., 1821. С. 78.

шифера и смолы, а глинистые пласты – много колчедана. И этим «оное явление весьма удобоизъяснимо¹⁶⁴».

А касательно легенды об основании города на берегу Ахтубы из-за ревности супруги Хана Вохани, бросившей в озеро столько сахара, «что на оный слетелись все птицы из окрестных мест», что сделало это место излюбленным местом охоты и ханской резиденцией, Фальк сухо замечает: «Странное происхождение города¹⁶⁵».

Гораздо больше его интересуют материальные останки прошлого. Он изучает остатки камней, статуй и переписывает надписи с надгробий. Все это является лишним подтверждением того, что тексты И. Фалька, С. Крашенинникова, И. Лепехина имеют много общего с текстами британских антиквариетов и хорографов, что позволяет отнести их к группе, определяемой как травелоги, составленные в механистической модели описания. Далее будут разобраны тексты еще одного представителя академической школы XVIII в. – Герхарда Фридриха Миллера.

Г. Ф. Миллер оставил достаточно большой комплекс произведений различной тематики, но мы остановимся только на травелогах, или, как он сам их называет, «путевых примечаниях» или «описаниях путешествий».

Травелоги, написанные Миллером во время академических экспедиций, едины по своему плану и составлены в соответствии с академическими инструкциями. В инструкции «Об истории народов»¹⁶⁶, данной Миллеру перед экспедицией 1733–1743 гг., указывается, какие явления следует учесть в первую очередь, что описать, какие находки отправить в Санкт-Петербург. Посмотрим на одиннадцатый пункт: «А особливо рассматривать надобно начала, нравы, обычаи и прочее тех народов, кои живут на северной стороне реки Амура, потому что слух носится, что и российский народ имел там древние свои жилища». История, а точнее, *слух о прошлом* выступает здесь как исследовательский фильтр, указываю-

¹⁶⁴ Фальк И. П. Записки путешествия академика Фалька // Полное собрание ученых путешествий в восьми томах. Т. 6. – СПб., 1824. С. 106.

¹⁶⁵ Там же. С. 126.

¹⁶⁶ Миллер Г. Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. I. С. 460-461.

щий на пространство, которое нужно подвергнуть изучению. Подобную связь времени и пространства мы встретим и в поздних травелогах Миллера. Ближе всего к травелогу можно отнести «описания путешествий», как их называет сам Миллер. Они представляют собой подневные отчеты о проделанном пути с описанием географических объектов и некоторых черт местных народов. В текстах фиксируются стороны жизни, рекомендованные к наблюдению академической инструкцией. Сами травелоги предельно схематичны. Мы не найдем в них ничего, имеющего отношение к персональному восприятию автора. Образы пространства даются непосредственно, то есть приводимые сведения получены эмпирически, что характерно для механистической научной парадигмы.

Далее мы сосредоточим внимание на поздних травелогах Г. Ф. Миллера. Перед нами книга, изданная в 1996 году, в которой опубликованы путешествия Г. Ф. Миллера по Москве и Московской провинции в 1778–1779 году, а также описания, составленные за время путешествий и по собранным в них материалам. Эти тексты, хотя и несут черты, присущие ранним травелогам Миллера, имеют ряд важных особенностей. Здесь мы сталкиваемся с автором-путешественником, который помимо привычной фиксации деталей пространства и времени высказывает свое персональное отношение к увиденному. Во многом именно из-за этого московские травелоги Миллера нельзя однозначно отнести к описаниям, составленным строго по инструкции. С. С. Илизаров утверждает, что «путевые описания, которые вел ученый во время маршрута, и подготовленные на их основе для публикации все четыре очерка не соответствуют полностью ни одной научной программе или инструкции, которые во множестве известны в XVIII столетии, и среди которых, кстати говоря, немало принадлежит перу самого Г. Ф. Миллера»¹⁶⁷.

Выходит, что та модель фиксации пространства, которую избрал Г. Ф. Миллер в московских поездках, не являлась традиционной. В ходе путешествия Миллер составил четыре путевых очерка-травелога, а также ряд описаний и

¹⁶⁷ Миллер Г. Ф. Путешествия по московской провинции // Академик Г. Ф. Миллер – первый исследователь Москвы и московской провинции / подготовка текста, статья С. С. Илизарова – М.: ИИЕТ, 1996. С. 24.

обзоров. Характерно, что стили этих произведений весьма различны. Описания и обзоры представляют собой скорее энциклопедические статьи, в которых сухим наукообразным языком, приводятся географические, исторические, экономические характеристики посещенных мест. Травелоги же больше похожи на дневниковые заметки, в которых автор фиксирует свое эмоциональное и физическое состояние, описывает свои впечатления в свободной форме.

Как уже сказано, за время путешествий по окрестностям Москвы было составлено четыре травелога: «Езда в Коломну в 1778 году», «Поездка к Святотроицкому Сергиеву монастырю, в Александрову слободу и Переславль Залесской», «Путешествие в Можайск, Рузу, Звенигород», «Поездка в Дмитров». В отличие от описаний, травелоги, за исключением поездки в Дмитров, публиковались ранее на русском языке в журнале «Новые ежемесячные сочинения»¹⁶⁸.

Путешествие в России XVIII века – дело затратное и достаточно опасное. Генеральные ландкарты содержат ошибки, на что сетует Г. Ф. Миллер. Однако уже учитывается, что путешествие может иметь и оздоровительную цель. Так, Миллер пишет, что отправился в путь «для поправления здоровья», но, как уже было сказано, праздная поездка не соотносится с идеалами эпохи Просвещения, то есть травелог должен содержать сведения, применимые на практике.

Веком ранее британская путешественница Селия Файнес также совершала путешествие с оздоровительной целью. Однако индивидуальное начало в ее тексте прослеживается гораздо четче, чем в травелоге Миллера. В предисловии она пишет: «Мои странствия были начаты, чтобы восстановить здоровье разнообразием занятий и переменой воздуха. <...> Необходимо заметить, что здоровье моего тела не позволяло моему сознанию быть полностью свободным, и после бесе-

¹⁶⁸См.: Статского Совет. Миллера описание езды из Москвы в Коломну 1778 года // Новые ежемесячные сочинения. 1789. Ч. XXXV. Май. С. 69-93; Путешествие г. Д. С. советника Миллера к Святотроицкому Сергиеву Монастырю // Новые ежемесячные сочинения. 1789. Ч. XLI. Ноябрь. С. 3-52; Путешествие в Можайск, Рузу, Звенигород покойного действительного статского советника и Кавалера Миллера // Новые ежемесячные сочинения. 1790. Ч. XLVI. Апрель. С. 41-91.

ды я обдумывала полученные сведения. Если в основном я беседовала свободно и просто, говорила и писала я соответственно моей болезни, так что не ждите изящности в этой книге, хотя какие-то украшения могут встречаться в описаниях, соответствующих изящному вкусу»¹⁶⁹.

Текст Миллера, напротив, и не имел цели быть изящным. Миллер – практик. Описания его кратки и точны. По пути он предельно лаконично описывает проезжаемые деревни, отмечая в первую очередь их принадлежность, населенность, особенность устройства, наличие церквей и все, что, по его мнению, может послужить благу Российского государства. Проезжая деревню Кусково, он отмечает, что летнее жилище Шереметьевых весьма любопытно «для преизрядных там строений и во оных уборов, для саду, оранжереи, пруда, зверинца и проч., что все изчислить нынешнее мое намерение не дозволяет»¹⁷⁰. До детального описания Миллер не доходит в случае, если оно не может, на его взгляд, служить делу общего преуспевания.

Мы ничего не узнаем о быте Миллера в путешествии. Максимум, он скупо сообщает, где отобедал и где переменял лошадей, не вдаваясь в дальнейшие подробности.

Одним из важных методов работы Миллера является установление происхождения названия места. *Имя служит ключом к прошлому*, то есть современное ему название выступает как инструмент, содержащий в себе информацию об ушедшем времени. Проезжая деревню Островцы, он пишет: «Имя Островцов отчего, никто изтолковать не мог. Островов на реке в Москве в близости не сказывают»¹⁷¹. Интересно, что иногда он выказывает сомнение относительно принятых трактовок. Так, о происхождении названия речки Коломенки он говорит, что «до-

¹⁶⁹ Fiennes C., *Through England on a Side Saddle in the Time of William and Mary* / Celia Fiennes. – London. The Leadenhall Press, 1888.

¹⁷⁰ Миллер Г. Ф. Путешествия по московской провинции // Академик Г. Ф. Миллер – первый исследователь Москвы и московской провинции / подготовка текста, статья С. С. Илизарова – М.: ИИЕТ, 1996. С. 57.

¹⁷¹ Там же. С. 58.

гадка некоторых, якобы от приезжих италианцов фамилии Колонны, ни на чем не утверждается». Этот метод характерен для механистической программы. Вспомним, что подобный семантический анализ мы встречали и в травелогах британских хорографов и антиквариетов XVII века.

Иногда он показывает свои естественнонаучные знания, которые на общем фоне смотрятся довольно неуместно. Так, указывая на принадлежность церкви в селе Марково, он вдруг сообщает, что «на здешнем берегу Москвы реки находились иногда окаменелые мадрепоры, но ныне оных не видно». Это практически единственное естественнонаучное замечание в московских травелогах Миллера. Как уже сказано, описания его сугубо практичны. Он не дает нам никаких зарисовок местности, но сообщает, что «от Москвы до Коломны везде ровные хлебородные поля, но местами лесом скудно»¹⁷².

В связи с четкой структурированностью текста некоторые сообщения кажутся весьма необязательными и от этого еще важнее обратить на них внимание. Так, посещая Голутвин монастырь, Миллер, описав его церкви, указывает, что «к приближающемуся вечеру преосвященный епископ проводил меня в город до моей квартиры и, посидев немного у меня, возвратился в свой загородный дом». Посещая церковь, название которой не указывается, несмотря на подробные описания прочих церквей, Миллер скупно описывает святыню: «в одной церкви показал (архимандрит Арсений) посох святого Сергия чудотворца, первого основателя сего монастыря. Посох оной из простаго дерева, с деревянным же прямым поперешиком и весь черной». В данном случае Миллер не сомневается в возможности существования такого посоха, что характерно для травелогов, написанных в механистической парадигме, но и, судя по описанию, не придает ему метафизического значения.

Здесь стоит подробнее остановиться на вопросе вхождения локальных мифов в общегосударственный нарратив. Д. Н. Замятин пишет: «В эпоху модерна происходит переход от собственно локальных мифов к мифам транслокальным, или панлокальным, то есть к таким устойчивым нарративам и образам, которые

¹⁷² Там же С. 59.

как бы заранее воспринимаются и воображаются в качестве необходимой, неотъемлемой и неотменимой онтологии пространства, “фиксируемого” не только и не столько конкретными мифологическими и легендарными местами, сколько интенсивными коммуникативными стратегиями проникновения, выхода в пространства смежные, пограничные или метагеографические»¹⁷³.

Наименования мест играют значительную роль в формировании локальных мифов. Иван Лепехин рассказывает легенду об озере Плавучем под Владимиром, услышанную от местных жителей. Якобы князь Михаил, войдя в город, приказал казнить Кучковича и княгиню, зашить их тела в гробы и бросить в озеро. Далее И. Лепехин пишет: «Не мое дело испытывать справедливость сей повести. Для меня довольно сказать, что сия повесть во Владимире за истину почитается, и люди думают, что сих утопленников, за их безпримерной знак неблагодарности и злобы, земля не принимает; и так они до сих пор по оному озеру плавают»¹⁷⁴.

Описание пространства у Миллера непременно сопряжено с категориями времени. Говоря о постройке в селе Дединове Петром Первым ботика «Деда Российского флота», он пишет: «Толь достопамятные обстоятельства несумненно могут прославить место, которое и, кроме того, по разным причинам внимание заслуживает»¹⁷⁵. Пространство в восприятии Миллера может иметь значение только при имени «славы». Места, не несущие на себе следов значительных, по мнению Миллера, событий, ограничиваются скудным описанием. В то же время прошедшие события воспринимаются в контексте настоящего, нет четкой границы между понятиями «есть» и «было», то есть образы прошлого накладываются

¹⁷³ Замятин Д. Н. В поисках удаляющихся пространств: историческая география и онтологические модели воображения // Книга картины Земли. Сборник статей в честь Ирины Геннадиевны Коноваловой – М.: «Индрик», 2014. – С. 106.

¹⁷⁴ Записки путешествия академика Лепехина // Полное собрание ученых путешествий в восьми томах. Т. 3. – СПб., 1821. С. 19.

¹⁷⁵ Миллер Г. Ф. Путешествия по московской провинции // Академик Г. Ф. Миллер – первый исследователь Москвы и московской провинции / подготовка текста, статья С. С. Илизарова – М.: ИИЕТ, 1996. С. 61.

на образы настоящего или, можно сказать, образы времени накладываются на образы пространства, создавая единый монолитный пласт восприятия.

Не совсем ясна выборка, с которой Миллер описывает отдельные места. Посетив Брусенский девичий и Спасский мужской монастырь, он пишет, что «ничего особенного не заметил и о построении их известия не получил». В то же время про Бобринев монастырь он пишет довольно подробно, указывая, что тот лежит «в приятной равнине между пахотными полями, со всех сторон ввиду на много верст».

Он детально описывает «разные фабрики местных жителей», информацию о которых удалось получить. Иногда – давая рекомендации по их улучшению или восхваляя их владельцев.

Как уже сказано, о быте путешественника речи не идет. Разве что замечания касательно питания. Например, он указывает что «7 числа обедали у преосвященного архиерея Феодосия в Подлипках, угощены будучи весьма приятно». Подневная запись путешествия характерна тем, что, даже если никаких значимых для путешественника событий более не произошло, дата все равно будет зафиксирована. Основное событие седьмого дня – обед у архиерея, о котором кроме приведенной выше цитаты информации нет.

Стоит еще раз обратить внимание на то, что травелог содержит и естественнонаучные замечания. Миллером приводится наблюдение о добыче белого камня, где говорится, что «верхняго слоя камень крепче нижняго, но разщепляется от воздуха и затем в дело не годен. Он же желтоват и известных частиц в нем мало. <...> Фигурованных и окаменелых вещей в камне не сказывают». Другими словами, несмотря на то, что по большей части текст описательный, сосредоточенный на фиксации подробностей сугубо историко-государственного характера, в нем встречаются замечания касательно устройства природы, что опять же характерно для травелога, написанного в механистической парадигме. Мир – механизм, в котором от работы каждой детали зависит работа целого, отсюда и отсутствие интереса к бытовым деталям, описанию нравов местных жителей, культурных особенностей.

Все подчинено общей цели – благополучию государства, которое воспринимается как механизм, а путешествие как описание деталей этого механизма.

За время путешествий Миллером был составлен ряд описаний, которые не вошли в основные путевые заметки. Подобное разделение «путевых заметок» или травелогов, с одной стороны, и описаний, с другой, характерно и для ранних работ Миллера. Похожая структура встречается и в его описаниях Сибири, где соседствуют путевые очерки и детальныe разборы отдельных местностей. То же самое можно сказать и о «Путешествии по Сибири» И. Г. Гмелина¹⁷⁶, у которого повествование строится в виде путевых записей, где вслед за описанием пути следует описание населенных мест и различных земель.

Несмотря на то, что описание не предполагает наличия героя, иногда авторское «Я» прорывается и дополняет текст важными для автора замечаниями. В описании Коломны наряду с исторической справкой, перечнем различных строений и описанием местного производства и торговли приводится небольшое воспоминание о путешествии: «Когда я был в Коломне, познакомился с одним дюжым, видным мясником, человеком вместе с тем разумным, который носил одежду вполне впору бургомистру». Несмотря на положительное впечатление от мясника, Миллер не может умолчать об одном его недостатке: «Вот только кулинарное искусство между здешними мясниками не практикуется, в то время как в Германии мясники часто бывают и поварами»¹⁷⁷. Гастрономическая тема то и дело проникает на страницы Миллера, хотя никаких конкретных указаний на то, чем он питался, мы не найдем.

Второго июля 1778 года Миллер отправляется в путешествие, о котором составит травелог «Поездка к Святотроицкому Сергиеву монастырю, в Александрову слободу и Переславль Залесской».

¹⁷⁶ Гмелин И. Г. Путешествие по Сибири: 1733-1743 – репринтное издание 1751-1752 гг. – СПб.: Альфарет, 2009. В 4 т.

¹⁷⁷ Миллер Г. Ф. Путешествия по московской провинции // Академик Г. Ф. Миллер – первый исследователь Москвы и московской провинции / подготовка текста, статья С. С. Илизарова – М.: ИИЕТ, 1996. С. 71.

Начинается он с весьма необычной для Миллера фиксации точного времени пути: «Почти час времени прошло, как я от моего дома до конца города ехал»¹⁷⁸. Далее следует описание сел и деревень по устоявшейся схеме – расстояние от предыдущего места, происхождение названия, принадлежность, приносимый доход, наличие церквей.

Подробнее он останавливается на селе Воздвиженском, где царевной Софьей был казнен «старый и, как кажется, невинный князь Хованский» и его сын. Далее следует очень важное замечание, которое следует проанализировать отдельно: «Сие привожу я затем, что места, в коих подобныя сей достопамятности случались, заслуживают, чтобы упоминаемы были в землеописании, когда ничего особливаго об них сказать не можно. Таковыми сказаниями землеописание может много способствовать истории и читателям быть приятным. По сей причине упоминаю я при всяком случае о таких происшествиях»¹⁷⁹. Какие выводы можно сделать, прочитав этот отрывок? Во-первых, Миллер считает, что *места, прошлое которых неизвестно, заслуживают только поверхностного описания*. Во-вторых, исторические вставки обогащают текст, делают его многомерным, что идет на пользу и истории и читателю. В-третьих, читатель будет только рад, если автор добавит в текст больше исторических образов.

В отличие от описаний, формат травелога дает автору куда большую свободу для выражения, что позволяет Миллеру вставлять критические замечания относительно новой разметки верст или же положения крестьян: «могут ли они остаться при владении поправленных ими земель без возвышения оброка, то для сего нужно высочайшее императорское повеление, которым бы обнадежить и обеспечить можно было крестьян...»¹⁸⁰.

Побывав в Святотроицком Сергиевом монастыре и посетив семинарию, Миллер оставил положительные отзывы и об устройстве образовательной части, и о наместнике монастыря: «Сей весьма достойный кроткий и ученый муж может

¹⁷⁸ Там же С. 84.

¹⁷⁹ Там же С. 86.

¹⁸⁰ Там же С. 88.

со временем быть украшением высокога российского духовенства». Миллер выделяет привлечших его внимание высокопоставленных лиц и фабрикантов, дает им рекомендацию. Ни одного отрицательного отзыва о ком бы то ни было мы не найдем. Оптика Миллера настроена на улучшение ведения государственных дел, для чего он и выделяет отдельных лиц, хотя и не забывает несколько раз отметить «хороший обеденный стол» наместника.

Как ни странно, описания самого монастыря мы не встретим. Если посмотреть текст Карамзина «Исторические воспоминания, вместе с другими замечаниями, на пути к Троице и в сем монастыре», опубликованный в «Вестнике Европы» за 1802 год, можно увидеть, как изменяется практика описания пространства. Насколько подробнее Карамзин описывает каждый свой шаг: «Я взъехал на гору Волкушу... Русские Патриоты! это место должно быть вам известно»; «Я стал на вершине горы – и воображение представило глазам моим ряды многочисленного войска под сению распушенных знамен»; «Я обошел сперва вокруг стены монастырской и готических башен ея»¹⁸¹. Уже по этим строчкам можно увидеть основное отличие травелога Карамзина от текста Миллера. Образы времени накладываются в воображении Карамзина на образы пространства, сливаются, становясь доказательством прошедших событий. Миллер вдохновляет читателя на разыскания, *пространство для него есть резервуар, содержащий источники о прошлом*. Для Карамзина время и пространство сведены в одно за счет чувства и воображения. Чувствование или трансцендентальный метод познания встречается у Лейбница и позднее у Канта, то есть Карамзин в травелоге уходит от механистического описания мира к органицистскому. В заключение Карамзин пишет: «Таким образом, два дни прошли для меня в исторических воспоминаниях, делающих места и предметы любопытными». То есть, если *эмпирически воспринимающий пространство Миллер останавливается на наиболее любопытных для него явлениях прошлого и настоящего*, те же фабрики и заводы, Карамзин отмечает их, как не наделенные особым метафизическим значением.

¹⁸¹ Карамзин Н. И. Исторические воспоминания, вместе с другими замечаниями, на пути к Троице и в самом монастыре // Вестник Европы. 1802 год, № XV-XVI. Август. С. 290.

Выше отмечалось, что формат травелога позволяет Миллеру делать самые разнообразные замечания: «Удивительно, что на новой генеральной карте Российского государства ни Александровской слободы, ни Святотроицкаго монастыря не означено. Сколь много исправлять должно изданныя до сего времени ландкарты!»¹⁸².

Важно, что эмпирическое познание для Миллера является первостепенным. Миллер приводит надпись с усыпальницы при Больничной церкви Александровского монастыря и, анализируя указанные в ней даты, признается, что «надпись не сам списал и, следовательно, числа точно не знаю». То есть *только личный контакт исследователя с источником может служить достаточным основанием для утверждения истинности сделанных выводов*. Подобный подход характерен для британских путешественников первой половины XVII века, когда механистическая парадигма только начинала формироваться в трудах Бекона, Декарта. К ним можно отнести хорографов и антикварию, собиравших редкие материалы о различных регионах Британии. В их травелогах соседствовали географические, естественнонаучные, исторические и лингвистические замечания.

Любовь Миллера к слову, а точнее к фиксации его значения также довольно показательна. К примеру, он анализирует значение слова «посадский», указывая, что «всегда были посадские и не в городе живущие»¹⁸³. Иногда он уходит от дальнейших рассуждений с помощью фразы: «но сие изыскать в точности предоставляю другому времени».

«Путешествие в Можайск, Рузу, Звенигород» составлено по той же схеме. Дается трактовка названия проезжаемых местечек и деревень, указание на наличие ручьев («где я не упоминаю о ручьях, там подразумевать должно, что оных нет, и что жители имеют колодези, содержащие по большей части хорошую во-

¹⁸² Миллер Г. Ф. Путешествия по московской провинции // Академик Г. Ф. Миллер – первый исследователь Москвы и московской провинции / подготовка текста, статья С. С. Илизарова – М.: ИИЕТ, 1996. С. 93.

¹⁸³ Там же С. 98.

ду»¹⁸⁴), принадлежность места, историческая справка о владельце или достопамятном событии, если таковое было, описание монастырей и церквей. В Можайске он выделяет воеводу, указывая, «что он достоин бы был лучшаго звания, ибо здесь не может он в пользу употребить того, чему учился»¹⁸⁵.

Происхождение названия города Борисова он относит к Годунову, указывая: «неизвестно только, когда строение онаго заложено. Но поелику царствования его только 7 лет было, то сие и не важно». Миллер здесь допускает историческую погрешность в семь лет, которая не меняет общего положения дел. Однако в «Опыте новой российской истории», как Миллер пишет, «ничего об нем не упомянул».

Пейзажных зарисовок в тексте Миллера нет, эмоции выражены спокойно и кратко: «вид с горы к реке весьма хорош»¹⁸⁶. *Роль наблюдателя практически нивелируется. Пространство существует отдельно от наблюдателя, находящегося как бы вне описываемой реальности.* На этом фоне совершенно иначе смотрятся описания Карамзина: «Сев на гнилой церковной паперти, я с удовольствием смотрел вокруг себя и на сельские ландшафты вдали, думая, что не только люди, образ их жизни и творения, но и самый вид Натуры переменяется со временем». Здесь мы видим обратную картину – пейзажа в отрывке нет, зато личность автора и его авторское отношение становятся частью описываемого пространства.

Если Миллеру попадаются на пути бедные городки, вину за это он возлагает на их жителей: «Когда я во время своего пребывания в Можайске удивился худому виду онаго, то говорили мне, что Руза еще хуже. Сие было справедливо. Ружане оправдывают себя тем, что они в разсуждении себя то же самое о Звенигороде утверждают»¹⁸⁷.

Одна из важных особенностей его травелога – фиксация процесса создания текста. Часто путешественники указывают, где и при каких обстоятельствах им

¹⁸⁴ Там же С. 113.

¹⁸⁵ Там же С. 118.

¹⁸⁶ Там же С. 123.

¹⁸⁷ Там же. С. 124.

удается найти время для редактирования текста. «Восьмого числа июня остался я дома для записки путевых моих примечаний»¹⁸⁸, «употребил то время, в которое княгиня еще покоилась, на приведение в порядок примечаний, сделанных мною в моем путешествии»¹⁸⁹.

Миллер не только фиксирует в тексте путевые примечания, но и разбавляет его историческими источниками, например, он приводит милостивую грамоту, данную Михаилом Федоровичем жителям Рузы, объясняя это тем, что «обыкновенно таковыя милостивыя грамоты, хотя и ничего важного в себе не заключающия, охотно читают»¹⁹⁰. То есть, несмотря на сугубо практическую нацеленность травелога, реципиент также играет свою роль в структуре текста.

Скорое начало поста заставляет автора поскорее вернуться в Москву. «Я еще в Коломне слышал, что в пост ездить нехорошо». Не ясно насколько распространено это правило, если Миллер отдельно указывает, где он с ним сталкивается.

Следующий травелог посвящен поездке в Дмитров, которая начинается 11 мая 1779 года. Опять же, как цель поездки, Миллером указывается желание «подкрепить некоторым образом чрез то свое здоровье». Но и практический аспект при этом не отбрасывается: «Охота моя полезным быть в землеописании при том не отставала»¹⁹¹.

Описание путешествия ведется точно по той же схеме, что и предыдущие поездки по московским окрестностям. Особое внимание Миллер уделяет фарфоровой фабрике англичанина Франца Гарнера, которой «наипаче любопытство путешественника возбуждено быть может»¹⁹². Он подробно описывает устройство фабрики, акцентируя ее значение для российского государства. Здесь же снова

¹⁸⁸ Там же. С. 62.

¹⁸⁹ Там же. С. 127.

¹⁹⁰ Там же. С. 124.

¹⁹¹ Там же. С. 153.

¹⁹² Там же. С. 160.

встречаются естественнонаучные примечания: «Желтоватый мулм, в коем сей кварц лежит, помешал бы белизне фарфора»¹⁹³.

Миллер снова вставляет в текст исторический источник – царскую грамоту 1686 года. Подобные вставки делают травелог более энциклопедичным, пространство приобретает через них дополнительный уровень, но не сливается с ним, как в травелогах Карамзина.

Из-за проблем со здоровьем 18 мая Миллеру пришлось вернуться в Москву. На этом его поездки и описания заканчиваются.

Таким образом, как академические травелоги, так и более поздние тексты Г. Ф. Миллера содержат ряд общих черт. Основным инструментом познания выступает наблюдение и математическое исчисление, позволяющее осуществить фиксацию как количественных характеристик пространства, так и схематическую детализацию отдельных его элементов. Образы времени описаны с точки зрения присутствия в настоящем – материальные останки, надписи. Предания могут быть зафиксированы в качестве примера отсталого или наивного взгляда на прошлое. Значительную роль играет выявление языковых значений объектов пространства, а также выяснение их этимологии. Схожие рецептивно-репрезентационные практики встречались в текстах британских путешественников, антиквариев и хорографов, что позволяет отнести их к одной группе травелогов, написанных в рамках механистической научной парадигмы.

3.2. Описательные стратегии в травелогах последней трети XVIII в.

В данном разделе мы рассмотрим, как соотносятся когнитивно-риторические стратегии «ученых путешествий» и текстов Г. Ф. Миллера со сложившимися к концу XVIII в. традициями травелографии.

Существует несколько теоретических подходов, очерчивающих границы травелогов. Рассмотрим схему Ю. Л. Троицкого. Он выделяет три уровня компаративного исследования: 1. «Наивная» компаративистика, манифестируемая пол-

¹⁹³ Там же. С. 167.

нее всего в текстах иностранцев о чужих землях, когда коды чужой культуры считываются с помощью кодов собственной. В качестве одной из возможных опасностей подобного языка Ю. Л. Троицкий указывает на то, что: «Неточность или неполнота перевода “с культуры на культуру” приводят к фактическим искажениям и ценностным абберрациям: своя культура, зачастую, выступает как “правильная”, а наблюдаемая – как отклонение от нормы и более низкая в развитии»¹⁹⁴. 2. Исследование, берущее за основу принцип выявления общего/особенного, однако критерии могут выводиться на основе одного из сравниваемых объектов, что ведет к искажению результатов исследования. 3. Сравнение, берущее за эпистемологическое основание теоретическую модель.

Теоретическая модель так или иначе будет присутствовать в любом акте фиксации путешествия, вопрос не в том, насколько она искажает реальные факты, вопрос в другом – сознательно избирает ее автор или пользуется ею имплицитно, в силу ментальных установок своего времени. Только при выявленной теоретической платформе травелога можно переходить на следующий этап анализа. Здесь мы не будем рассматривать, как проявляется вторжение путешественника в область Другого, то есть в чужеземные места, поскольку здесь играет роль политический фактор. Мы рассматриваем отношение путешественника к пространству как таковому, не наделяя его притяжательным наклоном.

Выделим четыре телеологические позиции героя относительно фиксируемого пространства:

1. Преодоление (метафора жизни)
2. Освоение (метафора истории)
3. Изучение (метафора истины)
4. Понимание (метафора красоты).

В хождении Игумена Даниила свидетельство видения выступает как одно из обязательных факторов соотнесения сказанного с реальностью. Подобную включенность пространства в исторический контекст мы встретим у Г. Ф. Мил-

¹⁹⁴ Троицкий Ю. Л. Историческая компаративистика: эпистемология и дискурс // Диалог со временем. 2010. №30 С. 30.

лера в «Описаниях окрестностей Москвы»¹⁹⁵. Описание географическое и историческое сливаются здесь в одно, поскольку механизм фиксации подразумевает вспоминание прошлого. Пространство никогда не фиксируется, как оно есть, только каким оно было. Таким образом, механизмы сознания, отвечающие за вспоминание, работают в обоих случаях схожим образом. Рост числа торговых и политических отчетов о путешествиях в XVI веке приводит к необходимости переосмысления реальности как таковой, в том числе рефлексии по поводу путешествия и его фиксации. Именно тогда разрабатываются схемы, дающие нам чувство реальности описаний, позволяющие фиксировать географические и исторические реалии в качестве истинного знания.

Один из главных вопросов, – «Почему до семнадцатого века мы практически не встречаемся с травелогами, фиксирующими пространство с позиции освоения». Здесь в самом вопросе уже заложена ловушка. Во-первых, вспомним травелог «Хождение игумена Даниила в святую землю», где пространство, как мы увидели, теряет свою полифактурность и становится территорией, подконтрольной человеческому взору. Соединение реальных объектов и библейских преданий подтверждает, что перед нами травелог, нацеленный на освоение пространства. Образы пространства у Даниила сопряжены с образами святости и чуда, черпаемыми из прошлого. В этом Даниил близок к Карамзину, который, кстати, одним из первых открыл его текст для широкой читательской аудитории. Во-вторых, необходимо учитывать, что и пространство, и его восприятие в средние века сильно отличалось от того, каким оно предстало в Новое время в результате множества трансформаций, связанных с естественнонаучными открытиями. Необходимо отметить, что восприятие реальности в средние века как естественной данности, требующей «естественного разума», перестает играть главенствующую роль. Человек перестает быть частью космоса. Теперь он, как и мир во-

¹⁹⁵ Миллер Г. Ф. Путешествия по московской провинции // Академик Г. Ф. Миллер – первый исследователь Москвы и московской провинции / подготовка текста, статья С. С. Илизарова – М.: ИИЕТ, 1996.

круг, есть творение, следовательно, и познаваться мир должен с точки зрения «веры в сверхприродного бога».

П. П. Гайденко указывает на то, что «...остраненное отношение к естественному опыту и естественному разуму открывает широкое поле для воображения – способности, получившей особые права в западноевропейском варианте христианской культуры¹⁹⁶». «Воображаемая реальность» не есть мир фантазий и выдумок. Это вполне объективное восприятие мира, при котором задействуются непривычные нам механизмы, сплетаются опытные знания о мире, представления о том, каким он должен быть, и внутренние переживания автора.

Одним из ранних примеров произведения, где ставятся вопросы об истоках естественнонаучных представлений у «простонародья» и «отсталых» народов, может служить диссертация Д. С. Аничкова на звание ординарного профессора, представленная в 1769 году. Д. С. Аничков пишет, что зачастую мифопоэтические описания ставят философов, пытающихся найти их истоки, в тупик «ибо откуда-то рождается, что иной облаку безводному и восходящей в превыспренних местах туче всякое благоговение воссылает со трепетом, когда, напротив того, другой, ставши на холме с жезлом железным, ругается смертоносной молнии и презирает колеблющий звуком небеса и землю гром¹⁹⁷».

Сам факт написания этой работы, пускай и запрещенной после публикации, говорит о произошедшей мировоззренческой трансформации. Дмитрий Аничков, опираясь на естественнонаучное знание пытается выявить истинные корни традиционных воззрений. Одним из инструментов, которые он задействует, является психология. Он выделяет три основополагающих причины мифических воззрений: «нам нетрудно будет доказать, сколь натурально невежественные народы от страха, привидения и от удивления делают себе премножество разных богов из всякого непостижимого явления, сбывающегося в натуре¹⁹⁸». Д. С. Аничков пол-

¹⁹⁶ Гайденко П. П. Эволюция понятия науки: Становление и развитие первых научных программ. – М.: Наука, 1980. С. 461.

¹⁹⁷ Аничков, Д.С. Религиозно-философские сочинения – М. - Берлин: Директ-Медиа, 2015. С. 4

¹⁹⁸ Там же С.11

ностью отвергает наличие рационального начала в мифопоэтических описаниях: «дикие народы в знании вещей почти немногим превосходят животных, от которых они, живучи в натуральном состоянии, и сами еще научаются многому¹⁹⁹». Важно, что Д. Аничков не только указывает на вымышленный характер мифопоэтических образов, но и признает, что носителями данной оптики вымышленные образы и явления будут восприниматься как нечто естественное и очевидное. Причины этого он ищет в особенностях биологического устройства человека: «Внезапно воскипевшее от страха в артериях кровообращение и сильное притом случившееся биение сердца, соединенное с ужасным трепетанием всего тела, довольно в состоянии воспричинствовать в оптических нервах такую перемену, от которой и глаза человеческие не могут представлять являемых во время страха вещей, в собственном и натуральном их виде. Разум в таком случае уступает сам воображению и, будучи сим преодолен, признает за существо, какого, кроме как токмо в мыслях человеческих, нигде в натуре не обретается²⁰⁰». Вывод, который делает Д. Аничков, является попыткой объяснить сосуществование мифопоэтических и механистических описательных практик. Воображение, которое он рассматривает как инструмент рецепции, может в результате сильного страха переменить «и самое зрение натуральное в человеке».

Интересно в связи с этим посмотреть на путешествия, совершаемые по миру фантазии самим фактом фиксации в тексте, обретающем признаки мира реального. К тому же понимание механизмов овеществления или материализации фантастических образов пространства, напрямую подводит нас к пониманию истоков научных травелогов и травелогов освоения.

Исследователи травелогов сталкиваются с дилеммой, когда встает вопрос о том, куда относить литературные путешествия. Чтобы ответить на него необходимо разобраться в его истоках, причинах изменения отношения к пространству и появления нового стиля его фиксации на письме. Бывает, что придумывается роль первопроходца, в некотором роде гиганта, на плечах которого располагается

¹⁹⁹ Там же С. 12

²⁰⁰ Там же С.16

плеяда его последователей и подражателей. В работе Милюгиной и Строганова такая роль отводится Н. Карамзину: «Упразднив, как это кажется на первый взгляд, собственно научные, образовательные и коммуникативные задачи вояжа, предписанные путешественнику традицией, сложившейся во второй половине XVIII века, Карамзин поставил перед странствующим по свободной воле субъектом куда более высокую цель – самопознание и самоопределение в контексте открываемой в путешествии новой реальности²⁰¹».

Мы не будем поднимать здесь вопрос о роли личности в истории, скажем только, что связывать кардинальное изменение восприятия пространства с «Письмами русского путешественника» несколько преждевременно, учитывая, что подобная трансформация прослеживается в Европе, начиная со второй половины XVIII века. К тому же смена парадигмы наблюдается не только в литературе, но и в живописи. Об этом писал А. А. Федоров-Давыдов в работе «Русский пейзаж XVIII – начала XX века». Он обратил внимание на то, что «картины природы играли существенную роль и занимали много места, а часто бывали даже как бы лейтмотивом в литературе путешествий²⁰². Как пример авторов травелогов с «пейзажным восприятием» можно вспомнить «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина (1791), «Досуги крымского судьи или Второе путешествие в Тавриду» П. И. Сумарокова (1803-1805), «Путешествие в полуденную Россию» В. В. Измайлова, «Путешествие от Петербурга до Белоозерска» П. Ю. Львова (1804), три сентиментальных травелога П. И. Шаликова «Новый чувствительный путешественник или прогулка в А.» (1802), «Путешествие в Малороссию» (1803) и «Другое путешествие в Малороссию» (1804) и др. Карамзин стал одним из авторов, ознаменовавших смену парадигмы восприятия пространства. Но не он совершил этот поворот, трансформация уже произошла, Карамзин имел перед со-

²⁰¹ Милюгина Е. Г., Строганов М. В. Русская культура в зеркале путешествий: монография / Твер. гос. ун-т, 2013 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rfh.ru/downloads/Books/134493002.pdf>. – (Дата обращения: 10.01.18). С. 20.

²⁰² Федоров-Давыдов А. А. Русский пейзаж XVIII-начала XX вв. Исследования. Очерки. – М.: Советский Художник, 1986. С. 19.

бой немало примеров подобного восприятия. Путешествие Карла Морица 1782 года, с которым Карамзин был хорошо знаком, может служить примером включения себя, как мыслящего и чувствующего субъекта, в пространство²⁰³.

Путешествие Морица проникнуто восторженными описаниями видов природы, каждый раз он уверен, что новый вид – лучший из тех, что он видел в своей жизни. «Это невозможно описать». «Это нельзя сравнить ни с чем». «Природа и искусство объединились здесь». Подобные описания относятся им и к виду Ричмонда. Он умиляется виду молодой пары, гуляющей, держась за руки, вдоль реки, шелесту листьев и щебету птиц. «Такую зелень можно увидеть только в Англии». «Милый Ричмонд! Никогда, нет, никогда я не забуду твоих сказочных холмов, гостеприимно принявших меня, одинокого странника!». Он останавливается в каком-то доме и, проснувшись в три часа утра, жалуется на вредную привычку англичан вставать поздно, из-за которой он не мог покинуть дом. Но, позавтракав, он берет посох, своего «единственного компаньона», и пешим ходом направляется в Виндзор, о чем заблаговременно сообщает в последнем предложении письма.

Как замечает Мориц, пеший странник воспринимается здесь как дикарь или же сбившееся с пути создание, его все подозревают. Так было и с ним на пути из Виндзора в Ричмонд. Устав, Мориц садится в тени и читает Мильтона, но, все равно, обращает на себя внимание проезжающих. Каждый смотрит на него с жалостью, каждая старушка говорит про себя – «бедное создание». Его поражает свобода, которую ничто не нарушает. Никто не проверяет его багаж, имперские гвардейцы не требуют паспорта, сплошная свобода и покой. «Мы проходим через деревни и города, как будто через свой собственный дом».

Еще одно обстоятельство подчеркивает Мориц. Английские городки поражают немецкого путешественника – здесь нет ни стен, ни ворот, ни часовых, ни гарнизонов. Проходя через Итон, он замечает, что в Англии гораздо меньше этих больших школ, чем кто-либо мог ожидать. Одежда учащихся в Итоне поражает его: «Все они носят черные мантии или платья поверх цветной одежды, в кото-

²⁰³ Moritz, Karl. Travels in England in 1782. – London: Cassell and Company, 1886.

рых проделаны отверстия для рук. Также они носят квадратные шляпы, покрытые бархатом, какие носят многие немецкие клерки». По пути попадаетея гостиница, в которой он останавливается. Ему кажется, что он первый, кто пришел в это место пешком. Ему предлагают комнату, которую он сравнивает с тюремной камерой преступника. На протяжении путешествия Мориц довольно часто сталкивается с грубым отношением в гостиницах, где должное обслуживание получает только тот, кто имеет деньги. А по виду Морица было сложно предположить, что у него есть хоть что-то. Человек с деньгами едва ли решится на опасное путешествие по стране.

В Виндзоре он снова восхищается открывшимся перед ним видом. «Весь мир лежал передо мной, такой богатый и прекрасный, что это было за гранью понимания. Что в этот момент еще мог пожелать я?». В Виндзоре он недоволен экскурсией, проведенной ему за шиллинг: «эта продажная болтовня не передала всего величия места, где покоятся Генрих Восьмой, Карл Первый, Эдуард Четвертый»²⁰⁴. Сухое перечисление исторических фактов перестает отражать реальность. Прошлое должно окрашивать настоящее, слиться с ним, что и происходит в травелогах Карамзина. Сознание автора как бы сливается с пространством, выражая его суть, преломленную в собственных ощущениях.

Эта позиция свойственна поэзии романтиков. Посмотрим отрывок из хвалебного описания усадьбы Чернышева – оды В. И. Майкова 1776 года:

Куда не обращаю взоры,
Везде красы природы зрю,
Чрез рощи, чрез высоки горы
Я в мысли путь себе творю:
Там воды протекают ясны,
С душой владельцев согласны²⁰⁵.

Пространство в данной позиции выступает как универсальная среда воплощения авторских чувств, служит инструментом обозначения внутренних переживаний героя. Не случайно именно в XVII–XVIII веках становится популярна

²⁰⁴ Ibidem.

²⁰⁵ Майков В. И. – М. 1966. С.256

пейзажная живопись. Лишенное предзаданного смысла пространство обретает его, становясь агентом коммуникации художника и зрителя.

В своем путешествии Карамзин спорит с Миллером: «Теперешние веселые луга и поля были некогда или болотом, или густым лесом. Г. Миллер удивляется, отчего Переславль назван *Залесскимъ*, когда вокруг его нет даже и рощи! Видно, что он без внимания смотрел на окрестности Троицкой дороги, частый кустарник и самый грунт земли (на правой и на левой стороне) доказывают, что тут прежде были сплошные леса, которые, вероятно, простирались и далее к северу, то есть, к Переславлю²⁰⁶».

Однако у Миллера в «Поездке к Святотроицкому Сергиеву монастырю» сказано: «Я обратил мое внимание на большой лес, от которого город Переславль Залесской, то есть стоящий позади онаго, может быть, получил свое название». И вывод Миллер делает показательный – леса вырубаются, дров недостает, если так будет продолжаться, то и Москва может без дров остаться. Не будем выяснять, почему Карамзин незаслуженно критикует Миллера. Главное, каким целям служит описание одного и того же явления. У Карамзина мысль, что «вид природы переменяется со временем» служит поводом к полемике с Миллером, который как считал Карамзин, не принял это в расчет. Но Миллер также пишет, что «рассеянны стоящие густые кустарники наипаче в окрестности Риминского и Самарова села могут только почестья знаком, что там был сперва лес²⁰⁷». Он тоже принимает изменчивость природы, но она для него сугубо количественна – был лес, стала рощица.

В заметке «Странность» – о французе, приглашающем детей русских дворян в свой пансион (это вызывает возмущение автора), Карамзин пишет: «Но я, подобно славному рыцарю Дон-Кихоту, сражаюсь с ветряными мельницами, принимая их за исполинов». Это замечание приобретет новый смысл, если мы

²⁰⁶ Карамзин Н. И. Путешествие вокруг Москвы // Вестник Европы, 1802. С. 448–457

²⁰⁷ Миллер Г. Ф. Путешествия по московской провинции // Академик Г. Ф. Миллер - первый исследователь Москвы и московской провинции / подготовка текста, статья С. С. Илизарова – М.: ИИЕТ, 1996. С. 100.

вспомним «Слова и вещи» Мишеля Фуко, где он вспоминает Дон-Кихота, главным подвигом которого было воссоздание истинного значения слов. Фуко пишет: «сходства и знаки расторгли прежний союз»; «письмена и вещи больше не сходны между собой. Дон Кихот блуждает среди них наугад»²⁰⁸. Знаковая система, усвоенная Дон Кихотом, теряет самобытность, возникает необходимость в выстраивании новых связей между означающим и означаемым. Карамзин, сам того не зная, подметил важную черту своего восприятия пространства. Если механистическая программа XVII века стремится к преодолению пропасти между реальностью и ее восприятием, что характерно для «ученых путешествий» и текстов Г. Ф. Миллера, то реальность Н. Карамзина неразрывно связана с его воображением, что позволяет ему наполнять пространство различными образами времени, историей, которая, подобно исполину, доминирует над ландшафтом, притягивая мимо проходящих путников.

Травелог структурно требует передачи познаваемого вне подобий – через знак. Путешественнику XVII и отчасти XVIII века чужда поэтизация видимого. Цель травелога – передача очевидного, что обуславливает необходимость создания новых знаковых форм.

Необходимость перехода от языка естественных соотношений к искусственным формам неочевидна. Мишель Фуко открыто принимает невозможность выявления причинности. Идеи не структурны, их нет ни априори, ни апостериори, но это микропроцессы, приводящие в движение историю. Научная революция – совокупность трансформаций идей XVII–XVIII веков. Язык, утратив непреложную естественность, превратился в сугубо описательный инструмент. Мир – в сумму означаемых явлений, нуждающихся в означивании. Знаки составлялись в системы, позволяющие постичь законы. В контексте нового отношения к языку, особое место отводилось тексту. Травелог фиксировал столкновение путешественника с неопределенным, не имеющим места в системе, требовал для него нового знака и фиксированной точки в мировом устройстве. Отсюда вытекает и нацеленность на выявление этимологии географических названий. В седьмом

²⁰⁸ Фуко М. Слова и вещи. – М., 1994. С. 89.

пункте инструкции, данной Миллеру в 1733 году, мы читаем: «Имена каждого народа, страны, реки, города и проч. точно по-настоящему того народа и соседних народов произношению записывать должно, прибавляя к ним, если только доискаться можно, и происхождение имен»²⁰⁹.

По-прежнему актуален вопрос – насколько естественным было разграничение мира, не как совокупности самодостаточных и изолированных друг от друга явлений, объединенных единством происхождения, волей творца, а как таблицы, состоящей из единиц, элементов, упорядоченных в соответствии с только еще создаваемыми законами. Происходит расхождение описательных практик. Картины мира могут сосуществовать, но могут ли они соответствовать друг другу? На основе анализа травелогов XVIII века предложена схема, позволяющая структурировать репрезентационные модели по их телеологическому статусу.

В следующей главе будет рассмотрен вопрос уместности применения данной схемы для анализа «литературного травелога», поскольку необходимо учитывать специфику законов, по которым функционирует художественный текст, а также особенности оптики путешественников, составляющих текст в органицистской парадигме.

²⁰⁹ Миллер Г. Ф. История Сибири. – М.; Л., 1937. Т. I. С. 460-461.

ГЛАВА 4 ПОИСК НОВЫХ ФОРМ ИЛИ КРИЗИС ЖАНРА

4.1 Записки о душе. Когнитивные стратегии сентиментального травелога

Как мы уже отмечали, репрезентация пространства – сложный и многослойный процесс. Формат травелога ставит автора перед необходимостью выбора одной из возможных стратегий фиксации реальности. Зачастую выбор этот имплицитен, и нам требуется особая оптика для вычитывания авторских стратегий. Отношение к пространству, акцентировка отдельных уровней реальности связана как с научной парадигмой, в которой работает автор, так и с традициями написания травелога, присущими эпохе и обществу, в котором возникает и которому адресуется текст. В этой главе автор ставит перед собой задачу рассмотреть травелоги, созданные в эпоху модернити, когда Просвещение с идеалами разума взывало к рефлексии, а именно к критике, своеобразной экзаменовке рационального мышления. М. Фуко писал: «Критика – это своего рода книга о пределе разума, ставшего главным в Просвещении, а Просвещение, в свою очередь, – это век Критики²¹⁰». На примере травелогов в этой главе показан новый тип восприятия пространства-времени, возникший как ответ на механистичность и имперсональность рационального восприятия реальности.

Существует немало исследований, рассматривающих предпосылки возникновения новых стратегий репрезентаций в России последней четверти XVIII века. Стоит учесть, что аналитические традиции характерные для механистического описания встречаются в европейских странах, начиная с XVII века, а традиция сентиментального описания в это время только проникает в травелоги, открывая новые когнитивные возможности для описания реальности. Артур Шенле пишет: «Во второй половине восемнадцатого столетия у русских путешественников, благодаря ослаблению профессиональной и культурной связности с Россией, отчасти

²¹⁰ Фуко М. Что такое Просвещение? // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. № 2. – М., 1999. С. 137.

и некоторому пониманию западных нравов, идей и языков, стало проявляться не только разнообразие интересов, но и способность к разным типам восприятия, начиная с острой аналитической критики, и вплоть до экстатического эстетизма²¹¹». Мы не станем здесь углубляться в то, насколько верно А. Шенле вычленяет предпосылки трансформации типов восприятия, остановимся на том, что он называет «экстатическим эстетизмом».

Для начала рассмотрим травелог Р. М. Цебрикова «Путешествие из Петербурга в Харьков». Путешествие совершается в 1813–1814 гг. и содержит рассуждения, знаковые для рассматриваемой эпохи.

Ссылаясь на отсутствие времени для детальной фиксации передвижения, автор пишет: «Я предваряю вас, что описание мое будет походить на тело без души, на скелет сущий»²¹². Сразу бросается в глаза дихотомия душа – скелет. Душа, наделена положительными коннотациями, скелет – отрицательными. Душа – ключевое понятие, на которое ориентируются авторы взятых нами травелогов. Пространство больше не является отстраненным механизмом, как в текстах путешественников XVII – XVIII вв. Отныне это полотно, на которое автор наносит краски своего восприятия. Пейзаж становится одним из ключевых жанров живописи, сентиментальные зарисовки открывают для поэзии простого человека, государство перестает быть царством регламента и стремится стать царством людей. Человек становится объектом описания. Во многом это связано с научными программами И. Ньютона, Г. В. Лейбница и И. Канта, возникающими в XVII–XVIII вв., когда и происходит очередное переосмысление пространства. И. Ньютон первым из ученых XVII в. заявил о своей феноменалистической позиции, отказываясь от поиска причин и не давая определения силам притяжения. Н. Ф. Уткина указывает, что Лейбниц одним из первых выступил в качестве оппонента Ньюто-

²¹¹ Шёнле А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий . 1790 – 1840 / Пер. с англ. Д. Соловьева. – СПб.: Академический проект, 2004. С. 7.

²¹² Цебриков Р. М. Путешествие из Петербурга в Харьков // Серия «Джерелознавчі зошити»: тетрадь 5 / сост., автор вступ. статьи и комент. В. Ю. Иващенко. – Х., 2013. 236 с.

на: «оппоненты приобрели право писать, что «притяжение тел как действие на расстоянии и без всякого связующего средства» выглядит «сверхъестественным» явлением, которое «невозможно объяснить из природы вещей»²¹³». В связи с подобной трактовкой, а также органицистским представлением Лейбница о пространстве как сумме одушевленных монад, интуитивное восприятие мира постепенно приобретает большую познавательную силу, чем наблюдение. П. П. Гайденко пишет: «Пространство у Канта – это априорная форма созерцания, его невозможно мыслить, но оно не дается и через ощущения. Оно само есть условие познания чувственного мира»²¹⁴». Отсюда вытекают и романтические травелоги и пейзажные описания, как способ фиксации пространства. Во многом развитие подобного жанра связано с формированием камерного мира индивидуального человека. На это обратил внимание еще М. Бахтин, говоря об изменении восприятия природы в Древнем Риме: «Сама природа, вовлеченная в этот новый приватно-камерный мир, начинает существенно меняться. Зарождается “пейзаж”, то есть природа как кругозор (предмет видения) и окружение (фон, обстановка) вполне приватного и одиноко-бездействующего человека. <...> В камерный мир приватного человека природа входит живописными обрывками в часы прогулок, отдыха, в моменты случайного взгляда на раскрывшийся вид»²¹⁵».

С характеристикой души как инструмента познания мы сталкиваемся уже в диалогах Платона, ставившего под сомнение достоверность чувственного восприятия свойств вещей, но признававшего возможность познать вещь саму по себе с помощью души. Душа воспринимается и как мыслящий субъект и как книга, содержащая ключевые паттерны, определяющие наше восприятие реальности²¹⁶.

²¹³ Уткина Н. Ф. Естественнаучный материализм в России XVIII века – М.: Наука, 1971. С. 117

²¹⁴ Гайденко П. П. Эволюция понятия науки: Становление и развитие первых научных программ. – М.: Наука, 1980.

²¹⁵ Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. – М.: Худож. лит., 1975.

²¹⁶ См. диалоги Платона «Филеб», «Теэтет», «Софист».

Вернемся к травелогу Р. М. Цебрикова. Говоря о необходимости фиксации увиденного, он пишет: «Вы сами знаете, что чувствования и мысли, при взоре на предметы рождающиеся, погружаются в бездну забвения, коль скоро рука с помощью пера или карандаша не переведет их из глубины сердца на бумагу в самую минуту появления их; итак, сие описание мое единственно зависеть будет от памяти, которая в теперешних летах моих ежечасно мне изменяет»²¹⁷.

В одном предложении заключается суть произошедших трансформаций восприятия пространства-времени. Пространство как таковое больше не является объектом фиксации. Его место занимают чувствования и мысли, возникающие в мгновение взаимопроникновения авторского Я и внешнего мира. Не случайно автор вспоминает про писательские инструменты – перо и карандаш, они являются своеобразными посредниками в цепочке чувство-сердце-бумага.

Одним из ключевых инструментов познания у Лейбница является интуиция. В. Ф. Асмус пишет: «Лейбниц полагал, что «первичное отчетливое понятие мы можем познать только интуитивно», что «мы не имеем идей даже относительно тех предметов, которые мы познаем отчетливо, если мы не пользуемся интуитивным знанием»²¹⁸. В письме к королеве Софье-Шарлотте Лейбниц пишет: «Так как чувства и индуктивные заключения не могут дать нам вполне всеобщие и абсолютно необходимые истины, а говорят лишь о том, что есть и что обычно бывает в частных случаях, и так как мы тем не менее знаем всеобщие и необходимые истины наук, – в чем и состоит преимущество, возвышающее нас над животными, – то отсюда следует, что мы почерпнули эти истины в какой-то мере из того, что находится в нас...»²¹⁹.

Не сразу можно понять, как быть исследователю, работающему в данной парадигме. Конечно, ничто не запрещает оперировать доводами рации или делать

²¹⁷ Цебриков Р. М. Путешествие из Петербурга в Харьков // Серия «Джерелознавчі зошити»: тетрадь 5 / сост., автор вступ. статьи и коммент. В. Ю. Иващенко. – Х., 2013. С. 31.

²¹⁸ Асмус В. Ф. Проблема интуиции в философии и математике (Очерк истории: XVII – начало XX в.) – М.: Мысль, 1965. С. 19.

²¹⁹ Там же.

умозаключения, ссылаясь на эмпирику, но истина будет идти от сердца. Источник суждений о пространстве настоящего – сердце, но стоит заметить, что настоящее – не единственное измерение, которым оперирует автор. Прошлое порой даже превосходит в своем значении сиюминутность настоящего, а память является резервуаром, хранящим чувства и переживания былого: «Едва родится мысль, едва оживотворится чувство, как уже внезапно попираются другими мыслями, другими чувствами; не успеешь обдумать одного предмета, как уже представляется множество других, понуждающих делать новые суждения, новые по обстоятельствам соображения...»²²⁰.

Суждение теряет статус непреложности. «Мы все суть человеки», – пишет Цебриков, задаваясь вопросом о причинах войн. Нет ничего драгоценнее человеческой жизни, а она так хрупка: «Так, на поле вымышленной чести единый удар меча, штыка, ядра, картечи, бомбы, сих адских орудий, изобретенных умом человеческим на погубление человека человеком, прерывает драгоценнейшую нить нашей жизни, останавливает внезапно благороднейшие действия души нашей, прекращает... Но пора и мне прекратить бредни мои»²²¹.

Показательным является диалог между Цебриковым и его попутчиком-математиком: – «Да почему вы считаете математиков неспособными к восчувствованию любовных прелестей? – Потому что они всегда заняты цифрами, в коих нет ни сердца, ни души. – Разве количество не есть тело? – Положим так, но только бесчувственное, бездушное; собирайте ваших количеств в длину, ширину, высоту, сколько вам угодно, все это будут одни неодушевленные цифры»²²².

Как мы видим, математические расчеты в рассуждении Цебрикова не могут служить основой истинного познания в силу отсутствия в числах душевного начала. Только душа и сердце могут привести нас к пониманию истины. Особое место отведено человеку, его чувствам и переживаниям. Даже сны, увиденные в

²²⁰ Цебриков Р. М. Путешествие из Петербурга в Харьков // Серия «Джерелознавчі зошити»: тетрадь 5 / сост., автор вступ. статьи и коммент. В. Ю. Иващенко. – Х., 2013. С. 32.

²²¹ Там же. С. 45.

²²² Там же. С. 46.

пути, значат больше, чем окружающее пространство, так как сообщают нам об истинных «душевных» метаниях автора. Но не только собственная личность фиксируется в тексте Цебрикова. Критерии личности, заслуживающей внимания к XIX веку, сдвигаются. Французская революция и война способствуют росту интереса к простым, ничем не примечательным людям. Причем зачастую стираются как социальные, так и национальные и религиозные границы: «Пусть в том и в другом от нас более отличаются монголы, китайцы, японцы, индиане, но и сии, а равно и другие народы все суть человеки, сотворенные тем же всемирным Отцом. Богом, которому и мы, и они поклоняются, которого чтят, и коему служат»²²³. Мы можем найти в его травелоге и описание крестьянки, жалующейся на своего помещика, и «старухи-прялки», и встречного извозчика. Причем описание людей и цитирование их речей составляет значительную часть текста. Люди таким образом становятся объектом фиксации, сами выступая в качестве агентов репрезентации пространства.

Похожую оптику мы найдем в описании Москвы М. Н. Загоскина. Любопытно, что Михаил Загоскин приходится троюродным братом Лаврентию Загоскину, написавшему «Путешествие к американским берегам». Некоторые главы из произведения Михаила Загоскина «Москва и москвичи» по своему содержанию можно отнести к травелогам. Их сюжет строится в виде очерка поездок по Москве. К тому же сам феномен путешествия выступает в качестве объекта рефлексии: «У меня и теперь еще волосы становятся дыбом, когда я вспомню про эту каменную мостовую, перед которой всякая городская мостовая показалась бы вам гладким и роскошным паркетом, и эта-то мостовая была для путешественника отдохновением, когда он выезжал на нее, проехав верст триста по дорожной бревенчатой настилке, которую уж, верно бы, Данте поместил в свой ад, если б ему случилось прокатиться по ней в телеге верст полтора или двести»²²⁴.

²²³ Там же. С. 44.

²²⁴ Полное собрание сочинений М. Н. Загоскина в двух томах. – СПб.: Изд. В. И. Губинского, 1902. Т. 2. С. 150.

Посетив московский кремль, Загоскин пишет: «Здесь все напоминает вам и бедствия и славу ваших предков, их страдания, их частные смуты и всегдашнюю веру в провидение, которое, так быстро и так дивно возвеличив Россию, хранит ее как избранное орудие для свершения неисповедимых судеб своих. Здесь вы окружены древнею русской святынею, вы беседуете с нею о небесной вашей родине. Как прилипший прах, душа ваша отрясает с себя все земные помыслы. Мысль о бесконечном дает ей крылья, и она возносится туда, где не станут уже делить людей на поколения и народы, где не будет уже ни веков, ни времени, ни плача, ни страданий...»²²⁵. Обратим внимание, что и в тексте Загоскина прослеживается тема единства людей и неделимости человечества. Здесь также душа выступает основным инструментом восприятия. В данном случае восприятия прошлого. Как и в травелогах Карамзина непосредственно обозреваемое пространство неотделимо от коннотаций прошлого, вплетаемых автором в описание.

В тексте Загоскина мы столкнемся и с открытым вызовом материализму. Так, рассуждая о глупцах, он пишет: «Одним словом, эти господа походят на бесчисленные колеса какой-нибудь огромной и сложной машины; каждое из этих колес вертится очень хорошо на своей оси, но уж больше этого ничего и не требуется, само собою оно не зацепит другого колеса, не приведет в движение рычага, не заставит вертеться шестерню: для этого нужна мысль и воля великого художника, под творческой рукой которого все эти бесчисленные колеса будут действовать заодно: станут подымать тяжести, чеканить монету, пряхть бумагу, ткать узорчатые ковры; как птица, полетят по железной дороге и, как рыба, без весел и парусов, вспашут волны беспредельного океана»²²⁶. Творческое начало ставится выше бездумного и бездушного механического воспроизведения. Как мы увидим далее, деление на живое (разумное, одухотворенное) и мертвое (бездушное, механическое) является общим местом в рассматриваемых текстах.

²²⁵ Там же. С. 168.

²²⁶ Там же. С. 165.

Загоскин приводит, возможно и шуточный, но довольно характерный фрагмент из пьесы некоего Неофита Платоновича Ералашного «Душа в хрустальном бокале»:

«Ступай! -- прогремел невидимый голос. -- Ступай, гостя неземная; давно желанный час твоей свободы наступил! Ты путем страданий достигла до самопознания; для тебя нет вещественных преград!.. И вдруг с громовым треском блестящей пылью рассыпался хрустальный бокал, и обновленная душа на радужных своих крылах взвилась огненной струей к небесам. Как призраки, замелькали вокруг ее бесчисленные миры; казалось, они тонули в какой-то бездонной мрачной бездне, а душа парила все выше и выше! Она стремилась туда, где нет ни времени, ни пространства, – туда, где конечное, сливаясь с бесконечным, исчезает и в то же время живет новой, непостижимой для нас жизнью!»²²⁷. И снова душа выступает, в качестве наделенного сознанием субъекта. Обратим внимание на последнее предложение. Душа априори находится вне времени и пространства, именно это помогает ей быть наиболее объективным инструментом познания. Так или иначе, по мнению автора, душа вещественна и разумна.

Любопытно, что путешествия, совершенные в далеком прошлом, также входят в травелог на правах воспоминаний о былом: «После нашей беседы удалился я в свою комнату отдыхать; тогда пришло мне на мысль вообразить отроческие мои занятия и прогулки в окрестностях города; между прочим, вспомнил я о путешествиях моих в отстоящий от города на десять верст Куряжский монастырь, на богомолье в день святого Георгия весною в мае месяце и в день Спаса летом»²²⁸. Автор акцентирует наше внимание на том, какой эффект производит на него окружающее пространство, какие перемены в душе вызывает погода или напомнившее о прошлом сооружение. То есть мы наблюдаем, как фиксация материального мира заменяется демонстрацией чувственных образов реальности.

²²⁷ Там же. С. 232.

²²⁸ Цебриков Р. М. Путешествие из Петербурга в Харьков // Серия «Джерелознавчі зошити»: тетрадь 5 / сост., автор вступ. статьи и коммент. В. Ю. Иващенко. – Х., 2013. С. 141.

Одним из первых произведений, в котором четко выделяется описание пространства через чувственные образы является «Сентиментальное путешествие» Л. Стерна (1768 г.).

Доставая кошелек, чтобы подать милостыню, герой Стерна рассуждает: «Поступая так, я чувствовал, что в теле моем расширяется каждый сосуд – все артерии бьются в радостном согласии, а жизнедеятельная сила выполняет свою работу с таким малым трением, что это смутило бы самую сведущую в физике *precieuse* во Франции: при всем своем материализме она едва ли назвала бы меня машиной»²²⁹.

Автор проводит границу между живым и мертвым, человеком и машиной. Вспомним деление душа – скелет. Здесь сталкиваются две парадигмы – механистическая, в которой человек выступает в качестве механизма, и органицистская, в которой человек возносится до духа, то есть основной целью репрезентации является выражение запечатленных в собственном сознании образов реальности, прошедших через фильтр внутренних переживаний и страстей.

Стерн отмечает, что в путешествии, которое в том числе является метафорой жизни, наши фантазии, выраженные в духе, обладают подчас большим значением, чем непосредственно наблюдаемое и ощущаемое: «Милая податливость человеческого духа, который способен вдруг погрузиться в мир иллюзий, скрашивающих тяжелые минуты ожидания и горя!

– Давно-давно уже завершили бы вы счет дней моих, не проводи я большую их часть в этом волшебном краю. Когда путь мой бывает слишком тяжел для моих ног или слишком крут для моих сил, я сворачиваю на какую-нибудь гладкую бархатную тропинку, которую фантазия усыпала розовыми бутонами наслаждений, и, прогулявшись по ней, возвращаюсь назад, окрепший и посвежевший»²³⁰.

²²⁹ Стерн Л. Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена. Сентиментальное путешествие по Франции и Италии. – М.: Художественная литература, 1968. С. 544.

²³⁰ Там же. С. 612.

Дух становится эквивалентен сознанию, он рождает фантазии, способные отвлечь нас от жестокостей реальности, но в то же время и, напротив, способен преувеличивать негатив увиденного: «Душа наша приходит в ужас при виде предметов, которые сама же преувеличила и очернила; верните им их настоящие размеры и цвета, и она их даже не заметит»²³¹. И снова именно душа является судьей, который отбирает окружающие явления и наделяет их смыслами. Мы видим, как сама реальность теряет свою форму. Она больше неподвластна нейтральному наблюдателю. Беспристрастная фиксация невозможна, ведь душа всегда влияет на наше отношение к увиденному, и сама отбирает факты, которые с помощью пера и чернил будут запечатлены на бумаге.

Утирая слезы возлюбленной, герой Стерна чувствует то, что, по его мнению, не может быть описано ни математически, ни эмпирически. Стерн пишет: «когда я это делал, я чувствовал в себе неопишное волнение, которое, я уверен, невозможно объяснить никакими сочетаниями материи и движения. Я несколько не сомневаюсь, что у меня есть душа, и все книги, которыми материалисты наводнили мир, никогда не убедят меня в противном»²³². Есть нечто недоступное математическому описанию, нечто остающееся скрытым и что можно объяснить только посредством души. Граница между материализмом и идеализмом четко видна во всех рассмотренных нами текстах – травелогах Л. Стерна (1768 г.), Р. Цебрикова (1813 – 1814 гг.) и М. Загоскина (1842 – 1850 гг.). В каждом из них так или иначе прослеживается особый тип репрезентации пространства и времени, в котором непосредственная реальность является только источником для проникнутых чувством зарисовок. Душа выступает в качестве инструмента фиксации реальности и наделяется положительными коннотациями в отличие от нейтрального математического анализа или механистического описания. Человек и его чувства становятся основным объектом авторского описания, сны и фантазии становятся инструментами передачи знания о реальности, прошлое, заключенное в

²³¹ Там же. С. 698.

²³² Там же. С. 663.

настоящем, воздействует на автора так же, как погодные условия или окружающая природа, влияя на его чувства и направляя сюжетную линию его повествования.

А. Шёнле приводит характерный для русских путешественников начала XIX в. эпитет, заимствованный ими у Шарля Дюпати, путешественника, который наравне с Лоренсом Стерном считается одним из авторов первых сентиментальных травелогов: «Другие взяли бы мраморы, медали, произведения натуральной истории: но я привез ощущения, чувства и идеи»²³³.

Можно предположить, что этот поворот в рецепции и репрезентации пространства являлся одной из причин, сделавших травелог столь популярным жанром в России в конце XVIII – XIX в., как это произошло в Англии в XVII веке. «Письма русского путешественника» Карамзина, впервые опубликованные в 1797 году, в течение тридцати лет были переизданы семь раз. Шёнле указывает, что до XIX столетия в России публиковались в основном травелоги в виде отчетов иностранных географов, переводы художественных травелогов, таких как произведения Свифта и Смоллета, и хождения²³⁴. В XIX веке происходит резкое увеличение числа публикуемых травелогов: только за первую декаду выходит более пятидесяти переводных и отечественных травелогов²³⁵.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что эпоха Просвещения с ее идеалами разума как высшей инстанции суждения выдвинула на первый план человека и его внутренний, скрытый от постороннего глаза мир. Формат травелога, в котором фиксируются впечатления путешественника, требует открытого взаимодействия автора и пространства, что позволяет нам стать свидетелями субъективизации рациональности во второй половине XVIII – первой половине XIX века.

Остается открытым вопрос, как популярность жанра влияла на форму репрезентации, насколько реальные образы пространства и времени находили отобра-

²³³ Шёнле А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий .1790 – 1840 / Пер. с англ. Д. Соловьева. – СПб.: Академический проект, 2004. С. 9.

²³⁴ Там же. С. 10.

²³⁵ Сопиков В. Опыт российской библиографии. – М., 1816.

жение в тексте, и повлияло ли увлечение путешествиями и трaвелографией на форму художественных произведений. Касательно восприятия пространства необходимо повторить, что образы пространства и времени, существующие сугубо в нашем сознании, не менее реальны, чем образы пространства и времени, имеющие референта в реальности и взаимодействующие с ним через текст.

4.2. Подлинность и вымысел. Пути развития художественного трaвелога

Эдвард Чемберлейн (Chamberlain) в своей знаменитой и почти неизвестной в России работе «*Anglia Notitia: or, the Present State of England: together with Divers Reflections upon the Antient State there of*» обнадеживал читателя, что в своем труде он опирался на таких авторитетов как Глэнвил, Брактон, Кемден и Селден²³⁶. Если верить собственному замечанию Чемберлейна, его работа написана «ради того, чтобы все графства Англии было возможно увидеть одновременно, как на карте, и чтобы каждый мог без проблем носить ее с собой как компаньона, дающего дельные советы на любой случай».

Выходит, мало кого смущала информация из вторых рук. Люди охотно читали переписанные произведения, лишь бы текст по своей форме походил на правду, а содержание представлялось достоверным. Однако были честные путешественники, которые целиком посвящали себя изучению Британии и писали книги о том, что они действительно наблюдали своими глазами.

Ранее мы уже вспоминали о трaвелоге Джона Тайлора, изданном в 1649 году. Особый интерес представляет собой введение, написанное в стихотворной форме.

²³⁶ Moir E. *The Discovery of Britain: The English Tourists 1540–1840* / Esther Moir. – Routledge, 2013. P. 24.

This is mad world, my master sand in sadness
I travail d madly in these dayes of madness
Eight years a frenzy did this Land molest²³⁷....

(Это безумный мир, господа, и в печали / я путешествовал в сумасшедшие дни: восемь лет безумие не давало этой земле покоя...).

Так начинается путешествие Тайлора, проделавшего за шесть недель путь в 546 миль. Тайлор упоминает о У. Кемдене и Д. Спиде, известнейшем картографе эпохи Стюартов. Он уверяет читателя, что знаком с их работами, и это, несомненно, повышает достоверность его труда. Джон Спид – первый англичанин, который, согласно энциклопедии, проводил свое время за составлением карт английских графств. В 1598 году он продемонстрировал «различные карты» королеве, а в 1600 году отдал часть из них в торговую компанию «Merchant Taylors' Company», где считался выдающимся картографом. Джон Спид также связан с упоминаемой нами «Британией» Кемдена. В 1607 году он копирует карты Суррея для включения их в новое издание «Британии». В 1609–1610 гг. он публикует серию из 54-х карт Англии и Уэльса. Эти карты вместе с их описанием были собраны Спидом в 1611 году в «Театре Империи – Великобритании». Второе издание выходит в 1614 году, третье – в 1627 году под названием «Обзор самых известных частей мира». Следующее появилось спустя пятьдесят лет в 1676 году и имело много добавлений²³⁸. Это может служить лишним подтверждением тому, с какой скоростью новые практики фиксации пространства получают широкое распространение.

Записки путешественников, быстро набиравшие популярность, свидетельствуют о том, что отныне обычные люди имели возможность писать отчеты о своих наблюдениях, а такие же обычные читатели – возможность оценивать достоверность и качество их работ. Наблюдения и свидетельства не требовали экс-

²³⁷ Tylor J. Wanderings to See The Wonders of The West / John Tylor. – Yeree. 1649. P. 2.

²³⁸ Dictionary of National Biography. London: Smith, Elder & Co, 1885–1900. Vol. 53. P. 318-319.

пертной оценки. Морские капитаны и путешественники, англичане и иностранцы сознательно составляли «достоверные отчеты», хотя иногда они и оказывались не слишком правдоподобными. Это связано с тем, что действительность часто затенялась различными суевериями и предрассудками – идолами, как называл их Фрэнсис Бэкон. Учения о человеческих заблуждениях и идола Бэкона объясняли наличие возможных ошибок в наблюдениях. Таким образом, читатель травелога становился судьей, выносящим вердикт о достоверности произведения.

Как правило, травелог писался от первого лица, а события давались линейно в порядке их происшествия. Травелоги стояли на одной полке с работами историков как источники информации, необходимой для публичной жизни. Подобных записок было немало, и у них была большая и разнообразная аудитория. Одни писались для удовлетворения провинциальной гордости, другие из научного интереса со ставкой на описание климатических или иных особенностей определенных территорий.

Как уже было сказано выше, в конце семнадцатого века происходят перемены, повлиявшие на травелог как жанр. Возможность быть опубликованным открыла дорогу для путешественников, совершавших свои странствия не из-за тяги к открытиям или исследованию новых земель, а ради отдыха, удовольствия или желания заработать на своем произведении (например, Джон Тайлор). Примером оздоровительного путешествия стал травелог Селии Файнес, но и в ее работе также видно стремление к углублению знаний и сведений об английских городках.

Селия Файнес – первая женщина, совершившая путешествие по Англии и оставившая об этом записки. Она сообщает, что путешествие было предпринято с целью «восстановить здоровье переменной воздуха и занятий» и объясняет, что пишет записки не для кого бы то ни было, а только для ближайших родственников. (Перевод обращения к читателю дан в приложении). «Никогда не предполагалось, что моя работа попадет в руки кого-либо кроме близких родственников, поэтому нет особой нужды оправдывать или рекомендовать ее». Файнес разбирается в политике, что видно из ее описания коронации королевы Анны и упоминания Вильяма и Марии. Она надеется, что многие члены парламента будут также

осведомлены о жизни страны, подобно ей, совершившей свое путешествие. Но понимая, что ее рекомендации политикам могут быть восприняты как вызывающие, она предупреждает подобные обвинения: «Теперь я могу быть справедливо обвинена в попытке дать отчет о нашей конституции, обычаях, законах, предметах, находящихся далеко за пределами моего положения или способностей, но в данной работе я описала, что пришло мне на ум при наблюдении и чтении или от связей с другими, сведения которых, согласно моей концепции, были верно пересказаны». Описывая собор в Саруме (Солсбери), Селия говорит: «Есть каменное изображение доктора, который уморил себя голодом, пытаясь повторить сорокадневный пост спасителя, но на тридцать первый день осознал свою греховность и решил снова начать есть, однако божьим промыслом не мог ничего протолкнуть в глотку». Ее описание городка Бад на первых страницах дает нам детальную картину этого модного в 1690-х места. Ей довелось побывать свидетелем городского великолепия Бада. Она дает подробный отчет о праздниках, приводящих население Бада в движение. Как человек заинтересованный, она описывает источники - спа (spraws), а также манеры купающихся и пьющих минеральную воду.

Несмотря на то, что работа писалась для близких родственников, Селия говорит о возможности исправления допущенных в ней ошибок: «Но, если я и ошиблась где-либо, я легко соглашусь с исправлениями и добавлю эти исправления в приложение с отдельными замечаниями к книге». Поиск истины для Селии Файнес столь же естественен, как и для путешественников начала века. Она общается с интересными людьми, собирает всевозможные сведения и рекомендует всем, и в первую очередь членам парламента, совершать подобные путешествия по родной стране: «С малой долей тщеславия может быть заявлено, что если бы все – и леди, и, в первую очередь, джентльмены проводили часть времени в путешествиях по родной земле, пусть и совмещая с разнообразными играми и развлечениями, к которым они привыкли, и были достаточно любопытны, чтобы учиться и оставлять заметки о видах, архитектуре, производствах и мануфактурах, разве нашлось бы лучшее средство, исцеляющее или защищающее от эпидемии вредоносных испарений, должна ли я добавить – лености». Подобно Ха-

кляюиту она беспокоится об общественном мнении об Англии. Но если Хаклюйт замечал, что Англия дискредитирована иностранцами, Файнес говорит о собственной беде Англии – лени и переоценке иностранных земель: «Это бы формировало идею Англии, добавляло ей славы и почести в наших умах и исцеляло бы от дьявольского зуда – переоценки иностранных земель. По крайней мере, представило их как эквивалент для развлечения иностранцев или информирования их, ведь они за пределами родной страны часто упрекают англичан в невежественности и в том, что мы чужестранцы среди себя самих».

Сложно сочетается заявление о том, что работа написана исключительно для родственников, с ее призывами к политикам, к леди, к просвещенным джентльменам. Видимо, Селия вполне осознавала вероятность публикации данного текста. Например, говоря о достоинствах травелога, она пишет: «Некоторые вещи могут быть занимательны и полезны, хотя и не для джентльменов, которые чаще путешествовали по Англии, оставались в местах дольше, могли заводить больше знакомств и получать больше информации». Она замечает, что даже осведомленность о ближайших окрестностях может быть полезна для леди: «Леди могут принести пользу своим соседям, особенно бедным, среди которых они живут, что освободит их от нелегких раздумий, как избежать скуки дня, а время, когда под рукой нет ни карт, ни игры в кости, перестанет быть бременем, а моды и манеры иностранцев почти забудутся».

Развитие знаний и поиск истины движет Селией Файнес так же, как и остальными путешественниками семнадцатого века: «В заключение я хотела бы от всего сердца пожелать и рекомендовать всем, особенно моему собственному полу, изучать те вещи, которые ведут к улучшению разума и делают нашу жизнь приятнее и комфортнее, а также благополучнее на всех участках и станциях, облегчают страдания, делают старость терпимее, смерть менее грозной и будущее счастливее».

Селии Файнес было тридцать пять лет, когда она начала свои странствия. Весной 1697 года она покидает Лондон, по пути посещая любимые ею графства Чешир и Норфолк. Англия за семнадцатый век претерпела колоссальные измене-

ния, и Селия желает лично увидеть и описать эти преобразования. Она обращает внимание на улучшение своего здоровья за время конной езды, ведь «что способствовало выздоровлению, то и преследовалось».

Травелог Файнес – любопытный пример женского травелога, написанного в позиции «освоения». Основная цель текста – рассказ об отдельных местах, населении, нравах. Здесь же приводятся советы будущим путешественникам и путешественницам, но в то же время постулируется задача любой ценой принести пользу Британии. Пространство репрезентируется, как независимый от наблюдателя объект, что характерно для травелогов, созданных в механистической парадигме. Вскоре рост печатной индустрии вносит свои изменения в законы жанра. Здесь мы должны снова вернуться к ключевому вопросу, что же такое травелог?

Травелог – это история о путешествии, данная нам от первого лица. Но с развитием жанра путешествие стало универсальным художественным приемом, широко распространенным в литературе XVIII века. Фикшн-путешествия стали бестселлерами XVIII века. «Робинзон Крузо» (1719) и «Путешествия Гулливера» (1726) снискали невероятную славу. Свифт иронизирует, обыгрывает жанр и стиль, завоевывая доверие читателей. Дефо создает в своих произведениях-путешествиях ощущение конкретного пространства, используя реальные имена и события. Многие широко известные авторы использовали этот прием в своих произведениях – Аддисон, Филдинг, Стерн, Смоллетт и другие. Травелог и роман слились в единый жанр. Пол Хантер описывает, как негодовали ранние новеллисты, когда их произведения переименовывали в стиле травелога для успеха на коммерческом рынке²³⁹. Роман сохранил в себе главные черты травелога – продукт серьезной мыслительной работы, размышления о современном ему состоянии общества, природы, человеческой натуры, сочетание в себе описаний разнообразных мест и личностей. Как и авторы травелогов, первые романисты могли быть подвергнуты подозрениям в додумывании отдельных образов пространства. Написание текста, соответствующего травелогу, позволяло одновременно и выразить свои мысли и не попасть в число лжецов. Чистая фикшн-литература на тот

²³⁹ Bohls E. *Travel Writing 1700-1830* / Elizabeth A. Bohls. – Oxford University Press, 2005. P. 23.

момент была невозможна. «Оруноко», как указывает Пол Хантер, считалось произведением, объединившим в себе травелог, роман и новеллу. Многие романы-путешествия разделяют эту особенность. За художественными элементами скрывается рассказчик, повествующий о своих странствиях, дающий путешественнику советы (информация о гостиницах, транспорте), приводящий исторические анекдоты, бытовые зарисовки.

Но причина распространения художественных текстов кроется не только в формальных предписаниях. Меняется значение реальности и ее место в авторском тексте. Явления, характеризующиеся автором в терминах «идеального», имеют в произведении такое же право быть реальными, как если бы они существовали на самом деле. Карамзин, дабы оправдать вымысел в «Письмах», пишет, ссылаясь на Руссо: «Прекрасно то, чего нет, – сказал Ж.-Ж. Руссо. – Пусть! Если это прекрасное всегда от нас ускользает, как легкая тень, поймем его по крайней мере нашим воображением, устремимся в область сладких химер, будем набрасывать прекрасный идеал, обманем сами себя и тех, кто достоин быть обманутым. Ах! Если я не смог найти счастья на земле, может быть, я смогу его живописать – это уже значит быть, в некотором смысле, счастливым»²⁴⁰.

Рассмотрим ряд художественных произведений, в которых ясно прослеживаются или даже открыто указывается травелог, как форма описания. Возьмем для примера роман Даниэля Дефо «Молль Флендерс», написанный в первой четверти XVIII века. Описываемые события происходят более чем за пятьдесят лет до первого издания романа. Для начала необходимо разобраться с временными рамками. Профессор Калифорнийского университета Старр в предисловии к оксфордскому изданию произведения пишет, что некоторые исследователи были введены в заблуждение последними словами: «Написано в году 1683». Он указывает, что такая датировка имеет место не больше пары раз, когда места и обычаи действительно подходят, «но не стоит пытаться воссоздать семнадцатый век с позиций 1722 года (первое издание 27 января 1722 года), не говоря о позиции 1683

²⁴⁰ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. – Л., 1984. С. 456.

года. Роман, его материалы и перспектива полностью современны и имеют скорее литературный, чем исторический интерес». Действительно, события, к которым Дефо отсылает нас, происходили в столь давнее относительно времени написания время, что мы могли бы счесть их за анахронизм при условии, что история в романе имеет свою хронологию, но ее нет. Единственное что имеет хронологическую точность, так это жизнь Молль Флендерс, но история, рассказанная от первого лица, не имеет временных рамок, и события разворачиваются где-то «в стародавних временах»²⁴¹.

Но все же не стоит полностью отрицать значимость этого произведения для понимания путешествий и структуры травелога XVII века. Нам достаточно несколько изменить угол зрения для того, чтобы проблема приобрела научный характер. Мы будем исследовать роман не для выявления аспектов эволюции феномена путешествия в семнадцатом веке, а с целью понимания того, какой колорит приобрел этот аспект с точки зрения Даниэля Дефо из 1721 года.

Прежде чем перейти к непосредственному анализу романа, разберемся, кому он был адресован, то есть, кто в 1721 году мог его прочитать и разобраться в топографических и психологических тонкостях этого произведения. Мы не собираемся здесь затрагивать религиозный аспект романа, так как вопрос о доле иронии в изображении главной героини остается открытым. Большинство сцен происходят в Лондоне, за исключением ряда экзотических мест, таких как Вирджиния, Минт и Ньюгейт – тюрьма, которая, по мнению Дж Старр, хоть и была близка, но все же не имела непосредственного отношения к жизни законопослушных лондонцев²⁴². Из чего следует вывод, что топография романа и его фактическая сторона имели непосредственное отношение к Лондону. Хотя в романе и присутствует описание провинции, но и она дана со столичной точки зрения. Это можно объяснить тем, что основная читающая публика проживала в Лондоне. Как пишет российский исследователь эпохи Просвещения Т.Л. Лабутина: «Лондон был не

²⁴¹ Defoe D. *Moll Flanders* / Daniel Defoe. – Oxford University Press, 1998 (1981) Introduction. P. XV.

²⁴² Ibid. P. XX.

только культурным центром, но и средоточием государственных институтов, а значит здесь собирались наиболее образованные жители страны²⁴³». Это утверждение приемлемо как для семнадцатого, так и для восемнадцатого столетия. Однако основные географические наименования даются нам от лица Молль Флендерс, мир романа дается через призму личного опыта героини. Для нее не имеет значения социальная, экономическая, политическая обстановка в том или ином месте, ее скорее волнует, как разные географические места отразятся на ее жизни. Любой топоним возникает только при условии соприкосновения с реальностью Молль и не существует отдельно от нее. Здесь у читателя складывается ощущение реальности происходящего, как при чтении травелога, написанного от первого лица.

Перейдем к разбору содержания романа. Первое воспоминание Молль несет важную смысловую нагрузку, знаменующую дальнейшую повествовательную линию романа. Она вспоминает, что оказалась в обществе людей, которых называют цыганами или египтянами, но, говорит она: «Я верю, что пробыла с ними очень короткое время, так как моя кожа не почернела и не потеряла свой цвет...»²⁴⁴. Она не помнит, как проводила время с ними, как ушла от них, но замечание по поводу цвета кожи весьма существенно. В комментариях к оксфордскому изданию сказано: «Считалось, что большинство цыган – это бывшие англичане, а Елизаветинский акт о бродяжничестве приравнивал египтян к широкополым, гугенотам, палатинам и прочим мошенникам»²⁴⁵.

Бросив цыган, героиня остается жить в Колчестере (Эссекс), где получает образование, находит работу прислуги, выходит замуж за человека, с которым и перебирается в Лондон. Через пять лет он умирает, и героиня ищет себе новую партию. Второй брак оказался не более удачен – у мужа возникают проблемы с кредиторами. Как ни странно, они успевают совершить путешествие, на котором

²⁴³ Лабутина Т. Л. Воспитание и образование англичанки в XVII в. / Татьяна Лабутина. – СПб.: Алетейя, 2001. С. 24.

²⁴⁴ Defoe D. Moll Flanders / Daniel Defoe. – Oxford University Press, 1998 (1981). P. 9.

²⁴⁵ Ibid. P. 350.

мы остановимся подробнее. Путешествие было задумано с целью «прокатиться по стране», целью их маршрута был выбран Лондон. Молль Флендерс, по ее собственному замечанию, не умела держаться в седле, а для путешествия на карете расстояние было слишком велико. Муж возражает, что не бывает слишком далеких мест для кареты с шестерней. Поездка изначально задумывается как возможность показать свое благосостояние. Карета, запряженная тремя парами лошадей, считалась ярким признаком достатка. Приведем пример, показывающий, какое внимание уделялось внешней стороне транспорта. Публицист Джозеф Аддисон не без иронии писал: «Заведите речь о чете молодоженов, и вы тут же узнаете, есть ли у них карета шестерней и серебряный сервиз; упомяните отсутствующую даму, и в девяти случаях из десяти вам сообщат что-нибудь о ее нарядах. Бал дает немалую пищу болтовне, день рождения обеспечивает целый год предметами для толков»²⁴⁶.

Молль стремится почувствовать себя герцогиней, а способ передвижения является одним из главных показателей социального статуса. В итоге они едут с полным набором слуг – кучер, фореитор, два лакея, камердинер, паж. Слуги зовут мужа не иначе как господином (*my Lord*), служители гостиниц поступают так же. К ней же обращаются «Ваша честь, графиня (*her honour, the Countess*)». В Оксфорде осмотрели все оксфордские достопримечательности, договорились об определении племянника в университет и обещали помочь нескольким бедным школьникам. «Мы жили как господа, хотя бы в плане расходов»²⁴⁷, – говорит Молль Флендерс. Выходит, в данном случае основная цель путешествия – оказавшись в чужой среде почувствовать себя представителями высших классов, что им отлично удастся. Они отправляются в Нортгемптон и спустя двенадцать дней возвращаются домой. Все путешествие уместается в один абзац, из которого видно, что путешествие могли себе позволить только те, кто обладал определенным достатком.

²⁴⁶ Цит. по: Лабутина Т. Л. Воспитание и образование англичанки в XVII в. / Татьяна Лабутина. – СПб.: Алетейя, 2001. С. 134.

²⁴⁷ Defoe D. *Moll Flanders* / Daniel Defoe. – Oxford University Press, 1998 (1981). P. 62.

Следующий этап в жизни Молль Флендерс – жизнь в Минте, брак с собственным братом, поездка в Вирджинию, очередное крушение надежд и возвращение в Англию. Здесь нас будет интересовать восприятие героиней Америки, а точнее, переезда туда и возвращения на родину. Путешествие в Вирджинию описывается весьма сдержанно. «Я не собираюсь давать подробный отчет о нашем путешествии, долгом и полном опасностей. Ни я, ни мой муж не вели дневников. Вот все что я могу сказать – после ужасного плаванья, пережив пару страшных штормов, мы встретились с чем-то еще более пугающим. Я имею ввиду пиратов, забравших почти все наши припасы, а что самое страшное, едва не взявших с собой моего мужа. Лишь мои мольбы спасли его. Так вот, после всех ужасов мы, наконец, прибыли в Вирджинию на реку Йорк и отправились на нашу плантацию, где были встречены матерью моего мужа со всей возможной заботой и вниманием»²⁴⁸. Что дает этот небольшой пассаж для понимания путешествия? Как будет сказано дальше, в художественном произведении позиция путешественника по отношению к пространству заключается в его преодолении. Во многом это связано с тем, что пространство условно, не имеет реальных коннотаций, а, следовательно, и метафор для своего описания. Мы уже видели, что отсутствие четких механизмов описания ведет к тому, что путешественник оказывается в позиции преодоления, как и в случае мифопоэтического восприятия.

Обратный путь описан столь же кратко. Дефо касается исключительно фактической стороны. Глагол стоит на первом месте. «Мы попали в шторм», «мы прибыли в порт». Создается впечатление, что Молль Флендерс выступает сторонним наблюдателем происходящего, но мысли ее о другом. В первую очередь ее волнует сохранность груза и возможность получить от контрагента мужа в Бристолле полную сумму с товара.

Посещая Бристоль, героиня часто заезжает в Бад, город на западе Англии, который она характеризует как «место довольно элегантно, дорогое и полное ловушек»²⁴⁹. Зачем одинокая женщина посещает подобное место? По ее словам,

²⁴⁸ Ibid. P.85

²⁴⁹ Ibid. P. 106.

будучи женщиной без будущего, она ожидала, что с ней непременно что-нибудь произойдет, что устроит ее дела, как было прежде. Иными словами, она искала мужчину, который станет ее покровителем и уладит ее дела. Отсюда еще одна цель путешествий, совершаемых героиней – поиск выгодных связей. Однако место оказывается не подходящим для поиска мужа: «это был не Редрифф, где я могла общаться с каким-нибудь честным капитаном или теми, с кем я обсуждала достойные условия матримонии, я была в Бад, где мужчины иногда находят любовниц, но очень редко ищут жен»²⁵⁰. Все же ей удается найти человека, с которым она на условиях содержанки прожила шесть лет. Молль Флендерс отличается поразительной памятью относительно названий мест и расстояний. Когда ее поклонник заболевает, находясь в Шептоне (Сомерсетшир), ей приходится доставлять его на носилках в Бад, до которого оказывается пятнадцать миль²⁵¹. По дороге из Бристоля он предлагает ей прокатиться до Глостера, чтобы «подышать воздухом» и провести ночь в тамошней гостинице («Journey of Pleasure to take the Air»)²⁵². Цель данной поездки можно отнести к развлекательным, но она дает возможность герою уединиться с Молль вдали от привычных мест. Шесть лет проходят, не оставив в памяти Молль ничего, кроме того, что она родила троих детей и дважды переезжала, в итоге вернувшись на квартиру в Хаммерсмит (предместье Лондона). В пути ее волнует сохранность денег – векселя и банковские билеты она считала небезопасными, поскольку их едва ли кто мог возместить. Путешествие с деньгами на руках было опасным предприятием, ведь стоило кому-либо узнать о содержимом багажа, и можно было легко расстаться со своим имуществом или даже жизнью.

Еще многое случится с Молль, прежде чем наступит спокойная старость. И каждая перемена в ее жизни связана с переездом и отмечена названием места. В Ланкашире она встречается с таким же, как и она, мошенником, с которым заключает брак, рассчитывая на его деньги. Во время ухаживания важную роль иг-

²⁵⁰ Ibid. P. 106-107.

²⁵¹ Ibid. P. 113.

²⁵² Ibid. P. 114

рает внешняя сторона переездов. Молль в восторге от барской кареты, присланной за ней в Воррингтон. После Ливерпуля на карете четверней она едет в некую помещицью усадьбу. Очередной муж приезжает к ней на собственной карете в богатой ливрее и с двумя лакеями. Она не может остаться равнодушной. Их отношения, начатые по ошибке, заканчиваются в Данстебле. Он отправляется в Ирландию, она в Лондон.

А далее начинается полоса, которая приводит Молль к Ньюгейту, а после и к ссылке из Англии. Красота ее уходит, хотя ей и удается еще привлекать к себе внимание, но скорее манерами, чем внешностью или деньгами. Она успевает совершить еще несколько поездок. Как-то она оказывается в местечке Сгон, не имея знакомых, но уверяя, что с деньгами ты везде дома. Это замечание показательно для всего романа. Жизнь героини связана со странствиями и с деньгами. Но здесь можно усмотреть и особенность, присущую многим героям Д. Дефо. Они не имеют особых привязанностей, мир для них единое целое, в котором протекают их жизни. Религия или национальность отступают на второй план, на первом находится личность. «С деньгами мы везде дома», – говорит Молль Флендерс. Эта фраза в то же время несет в себе черты гуманистической утопии. Раз деньги нивелируют социальное положение людей, то они делают доступным содружество людей разных наций, культур, вероисповеданий. Робинзон пишет: «Пятница был протестант, его отец – язычник и людоед, а я испанец-католик. Я допускал в своих владениях полную свободу совести²⁵³».

Дефо в своих произведениях уничтожал искусственные барьеры между людьми, созданные государством и церковью. Форма травелога отлично подходила для этой цели. Капитан Синглтон на уговоры вернуться в Англию отвечал: Я дома. Здесь мое жилище. Всю мою жизнь иного не было у меня. Я воспитывался приходом из милости. Так что у меня нет желания куда бы то ни было возвращаться, богатым ли, бедным ли, ибо мне возвращаться некуда. — Как, разве ты не англичанин? — Я думаю, что англичанин. Вы же слышите, что я говорю по-

²⁵³ Елистратова А. Английский роман эпохи Просвещения / Анна Елистратова. – М.: Наука, 1966. С. 121.

английски. Но из Англии я уехал ребенком, и возвращался туда с тех пор, как стал взрослым, всего один раз. Да и то меня обманули и провели и так дурно со мной обошлись, что мне безразлично, увижу ли я ее еще раз или нет...» — «И никакого чувства к стране, в которой ты родился!» — «Не более, нежели к острову Мадагаскару»²⁵⁴. Дефо смеется над фанатичным патриотизмом, чрезмерной религиозностью. Находясь в католической семье, Молль рассуждает, что у нее никогда не было стойких религиозных убеждений, которые можно отстаивать. Она быстро учится положительно отзываться о римской церкви – все разногласия между христианами происходят от воспитания, и, если бы ее родители были католиками, она, несомненно, была бы на их стороне. Герои Дефо существуют отдельно от места и времени, они находятся в постоянном движении, поиске счастья, и на этом пути отрицают стереотипные модели поведения и изобретают новые – свои собственные.

Поездку в Стратфорд Молль Флендерс совершила на карете, нанятой до Честера какими-то господами, следующими в Ирландию, и на обратном пути не была связана расписанием, что позволило Молль оттянуть на день встречу с очередным поклонником.

Следующий этап в ее судьбе мы не будем разбирать столь подробно. Скажем только, что она остается одна. После жизни полной достатка она не может смириться со своей незавидной участью и начинает воровать. Основные события этого периода происходят в Лондоне. Дефо не упускает случая в деталях описать каждую кражу, совершенную бедняжкой Бетти, как она звалась когда-то. Причем он сосредотачивает внимание на географии Лондона. Приведем перечень улиц и площадей, упомянутых Дефо: Фостер-Лейн, Петтикоут-лейн, Чартерхаус-лейн, Стрэнд, Ломберд-стрит, Холборнский мост, Площадь Смитфилд, Чартерхаус-ярд, Лонг-лейн, Олдерсгет-стрит, Фенчерч-стрит, Темз-стрит, Леденхолл-стрит. Также упоминаются и различные строения Лондона: Биллингсгет, Темпл-Бар, Блукоут Хоспитал, Бишопсгет, Хикс-Холл, Больница св. Екатерины. Важно подчеркнуть,

²⁵⁴ Цит. по Елистратова А. Английский роман эпохи Просвещения / Анна Елистратова. – М.: Наука, 1966. С. 133.

что такая детализация образов пространства не случайна. На примере травелогов, созданных в механистической рецептивно-репрезентационной парадигме, было отмечено, что имяназывание элементов пространства является одним из основных инструментов фиксации пространства.

Избежав казни в Ньюгейте, Молль была сослана в Америку, где со своим ланкаширским мужем дожила до старости. Этот период связан с ее преступлениями, наказанием и последующим раскаянием. В семидесятилетнем возрасте она возвращается в Англию, где вместе с мужем решает провести остаток жизни «в раскаянии за грешные жизни, которые они прожили²⁵⁵».

Мы видим, что даже конец жизни Молль связан с переездом. Почему Дефо не мог оставить ее доживать век в Америке? Очевидно, путешествие должно было быть закончено, и Англия стала последней остановкой – возвращением домой.

Дефо, родившись в 1660 году, прожил бурную жизнь. Менялись режимы, люди метались от одной партии к другой. Примером может служить маркиз Галифакс, которого прозвали «триммером» за отсутствие идейных убеждений. В зависимости от личной выгоды он мог являться одновременно и сторонником тори, и членом партии вигов. Выросший в этой среде, Дефо старался отстраненно взглянуть на человека, и в этом ему способствовала форма травелога. Все изменяется, ни в чем нет опоры, и остаются только понятия выгоды и чести, да и те неоднозначны. В английской литературе XVII века есть пример травелога, герой которого совершает путешествие ради искупления. Согласно А. А. Елистратовой, биографы Дефо указывают, что еще подростком он мог слушать проповеди Бэньяна, дожившего до 1688 года²⁵⁶. Дефо в «Серьезных размышлениях Робинзона Крузо» выступает против вымышленных историй, выдаваемых за правду, но отдает должное жанру «притчи»: «это совсем другое дело; в отличие от тех, кто шутит с истиной, здесь все задумано и исполнено ради доподлинно поучительной и праведной цели, и мораль прилагается верно. Таковы исторические притчи в

²⁵⁵ Defoe D. *Moll Flanders* / Daniel Defoe. – Oxford University Press, 1998 (1981) P.343

²⁵⁶ Елистратова А. Английский роман эпохи Просвещения / Анна Елистратова. – М.: Наука, 1966. С. 107.

Священном писании, таков «Путь паломника» и таковы, одним словом, приключения вашего друга-скитальца, Робинзона Крузо»²⁵⁷. Что если перенести эту трактовку на Молль Флендерс? Тогда ее жизнь станет нам более понятна, путешествие станет закономерной канвой повествования. Героиня живет вне времени, как мы выяснили вначале, но ее жизнь не лишена смысла. Возможно, Дефо проводит ее по этому пути только ради самого пути, но форма травелога здесь лишь прием, цель же – преобразование личности, поиск новой идентичности, не знающей ни географических границ, ни религиозных барьеров. Дефо остается в рамках механистической парадигмы, он считает деньги, затраченные героиней на содержание ребенка, подсчитывает расстояния между городами. Как было сказано вначале, даже вымышленная реальность не может быть свободна от имплицитных установок автора. Мы можем относиться к «Молль Флендерс» как к притче, но притче, основанной на реальных событиях. Феномен путешествия раскрывается нам с новой стороны, не только мистической, но и фактической.

В то же время в романе ясно прослеживаются различия между травелогами XVII века и фикшн-травелогом Дефо. Можно было бы сказать, что познание у Дефо отходит на второй план, путешествие получает новые отсутствующие до этого смыслы. Однако на протяжении всего романа мы видим, что пространство и время воспринимаются как препятствия, которые необходимо преодолеть. Под временем здесь выступает сама жизнь Молль Флендерс. Таким образом можно предположить, что форма преодоления наиболее адекватно подходит для художественного текста, содержащего в себе черты травелога. Однако, если наличие этих черт в тексте Дефо можно объяснить сложившимся литературным этикетом, тогда с развитием жанра подобных черт будет все меньше и меньше. И только мотив передвижения героя будет требовать репрезентаций пространства, соответствующих категории преодоления. Посмотрим, какие черты травелога мы можем встретить в русскоязычных художественных текстах XIX века. Отношение к истине к этому времени существенно изменилось. Когда лицейский товарищ Пушкина Федор Матюшкин отправлялся в 1817 г. вместе с Головинным в круго-

²⁵⁷ Цит. по Елистратова А. Указ. соч. С. 107.

светное плавание, поэт снабдил его подробными указаниями о том, как писать путевой дневник, с настоятельным пожеланием не впадать в рассуждения о чувствах, а записывать «все подробности жизни»²⁵⁸.

К тридцатым годам органицистская позиция восприятия пространства и времени через чувственные образы подверглась испытанию негативизмом. Реальность, украшенная чувственными образами, перестала удовлетворять критически настроенных читателей. А. Ф. Вельтман публикует серию ироничных травелогов, О. И. Сенковский «Фантастические путешествия барона Брамбеуса».

Н. В. Гоголь в «Выбранных местах из переписки с друзьями» напишет: «грустны и безлюдны наши пространства, так же бесприютно и неприветливо все вокруг нас, точно как будто бы мы до сих пор еще не у себя дома, не под родной нашею крышей, но где-то остановились бесприютно на проезжей дороге, и дышит нам от России не радушным родным приемом братьев, но какой-то холодной, занесенной вьюгою почтовой станцией»²⁵⁹.

Рассмотрим роман В. А. Соллогуба «Тарантас», законченный в 1840 году. В романе представлены два героя – состоятельный помещик Василий Иванович и молодой франт, только что вернувшийся из Франции, Иван Васильевич. Говоря о желательном для себя занятии, Иван Васильевич заявляет: «Я хотел бы изучить свою родину...». Василий Иванович: «А как это вы, батюшка, будете изучать Россию?». И. В.: «Да в двух видах... в отношении ее древности и в отношении ее народности, что, впрочем, тесно связано между собой. Разбирая наши памятники, наши поверья и преданья, прислушиваясь ко всем отголоскам нашей старины, мне удастся... <...> мы дойдем до познания народного духа, нрава и требования и будем знать, из какого источника должно возникать наше народное просвещение, пользуясь примером Европы, но не принимая его за образец»²⁶⁰. Мы видим, что описание, к которому стремится герой, соответствует четвертой форме репре-

²⁵⁸ Шёнле А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий .1790 – 1840 / Пер. с англ. Д. Соловьева. – СПб.: Академический проект, 2004. С. 10.

²⁵⁹ Гоголь Н. В. Духовная проза. – М., 1992. С. 123.

²⁶⁰ Соллогуб В. А. Тарантас. Путевые впечатления. – СПб., 1845. С. 11.

зентации пространства-времени, которое можно охарактеризовать как «понимание», когда душевное знание, становится выше рационального.

И вот Ивану Васильевичу открывается счастливая возможность добраться за счет своего товарища до своей деревни Мордасы, и заодно познакомиться с Россией, но на первое место теперь выходят негативные стороны путешествия, которые проявляются даже в мелких бытовых деталях: «Все бы хорошо. Но эта неблагородная перина, но эти ситцевые подушки, но этот ужасный тарантас!..».

Иван Васильевич называет их поездку путешествием, однако для его попутчика это просто-напросто поездка из Москвы в Мордасы через Казань: «Какое, батюшка, путешествие! Путешествуют там, за границей, в неметчине; а мы что за путешественники? Просто дворяне, едем себе в деревню».

Иван Васильевич решает провести время с пользой и заняться написанием путевых очерков: «Извольте видеть: за границей теперь мода издавать свои путевые впечатления. Тут помещается всякая всячина: ночевал, кого видел, что понял и что угадал, наблюдения о нравах, о просвещении, о степени искусства, о движении торговли, о древности и о современности – одним словом, о целом быте народном. Потом все это собирается и печатается под названием путевых впечатлений»²⁶¹. Однако Иван Васильевич замечает, что на западе время популярности этого жанра подходит к концу: «К сожалению, эти впечатления не всегда носят отпечаток истины и оттого теряют свое достоинство. К тому же все, что можно было сказать о западных государствах, пересказано и перепечатано. Заключение сделаны, мнения определены: наблюдателю негде разгуляться»²⁶². Как попытку преодолеть пресыщенность читателя обзорами Европы, он предлагает подробнее рассмотреть Россию: «Путевые впечатления за границей никому не нужны, потому что нового в них ничего быть не может. Но путевые впечатления в России могут много явить любопытного, в особенности если они будут руководствоваться одной истиной. Подумайте, какое обильное поле для изысканий: изучение древних памятников, изучение нашей прекрасной, нашей великой и святой

²⁶¹ Там же. С. 26.

²⁶² Там же. С. 26.

родины»²⁶³. Таким образом, избыточное количество репрезентаций пространства в Европе служит для автора аргументом в призыве описывать пространства России. Причем описывать требуется не столько физические реалии, сколько заниматься ментальным конструированием, что и делается в травелогах, написанных в категории «понимания». Но тем и интересен текст Соллогуба, что в нем сталкиваются разные позиции. Для описания пространства необходимо наличие специальных границ, априорных условий репрезентаций. Но четких установок герой предъявить не может, в связи с чем и описание остается нулевым. «Иван Васильевич успел вдоволь надуматься о судьбах России и наглядеться на красоту мужиков, которые, сказать правду, уже начали ему надоедать. В книгу записывать было нечего». Само путешествие и его пространство все более и более походило на то, каким мы его видим в категории «преодоления». «Иван Васильевич взглядывал на Василия Ивановича. Василий Иванович взглядывал на Ивана Васильевича, и оба садились дремать друг перед другом по несколько часов сряду»²⁶⁴. В чем же заключается причина, по которой травелог героя так и не был начат, ведь основные условия вроде бы соблюдены – герой перемещается в пространстве и фиксирует свои впечатления. Но в этом и заключается парадокс соллогубовского текста – герой собирается вести идиллическое повествование, характерное для органицистских текстов, рассмотренных нами выше, в которых ключевым инструментом познания выступает душа, а основной формой восприятия пространства – стремление к пониманию, то есть проникновению в заложенные извне смыслы. Видимо основная причина данного парадокса в том, что герой стремится писать органицистский текст, находясь в механистической парадигме. Герой ищет формы идеалистического описания там, где их априорно быть не может: «Посудите сами: можно ли было что писать? Дорога, избы, смотрители, все это так неинтересно, так прозаически скучно. Право, записывать было нечего, даже если б и всю спину не ломало»²⁶⁵. Характерно и отношение героя к прошлому. Герой ста-

²⁶³ Там же. С. 27.

²⁶⁴ Там же. С. 46.

²⁶⁵ Там же С. 48.

вит перед собой цели репрезентации прошлого в рамках органицистского восприятия. Когда картины былого должны словно бы сами представлять перед глазами героя, а ему только бы и оставалось, что записывать их, добавляя восхищенные эпитеты. Подобную форму описания мы рассмотрели выше на примере травелогов Н. М. Карамзина. Герой Соллогуба искал ответ на вопросы, как жили здесь люди, что чувствовали они, но во Владимире ни Золотые ворота, ни Дмитровский собор не дали ему никакого ответа. «Там, где так мало следов и памятников, там, в особенности, где нравы изменяются и отрезают историю на две половины, прошедшее не составляет народных воспоминаний, а служит лишь загадкой для ученых. Такая грустная истина останавливала Ивана Васильевича в самом начале великого подвига». Ввиду отсутствия внятных форм репрезентации описание древностей также не было включено автором в травелог. Описание затрудняет отсутствие метафор, характеризующих отдельные локальные пространства. Один из героев говорит об отсутствии различия, то есть пространство в его глазах выглядит гомогенным, однообразным, лишенным собственных характеристик. На вопрос зачем ему путешествовать и смотреть губернские города, Иван Васильевич отвечает: «Как зачем? Чтоб видеть их жизнь, их различие». На что его собеседник возражает: «Да между ними нет различия». Герои Соллогубовского произведения не учитывают, что они сами и наделяют пространства смыслами, создавая или, наоборот, отрицая различия. Но готовых паттернов описания нет, а самостоятельно герой создать их не в силах. С похожим противоречием он столкнулся еще в Европе, с чем он и связывает необязательность создания новых европейских травелогов: «И вот пошатался я по Европе, видел много трактиров, и пароходов, и железных дорог, осмотрел многие скучные коллекции и нигде не находил тех живых впечатлений, которых надеялся»²⁶⁶. Герой стремится найти в материальных объектах сюжеты для идеалистического описания, но уже сама цель здесь поставлена неверно. Без определенных схем репрезентации невозможны. Необходимы академические инструкции, формы литературного этикета, устойчивые традиции описания образов пространства и времени. В случае же ес-

²⁶⁶ Там же. С.88

ли названные схемы отсутствуют, путешествие будет происходить в категории «преодоления», и травелог будет соответствующим образом составлен. Это от- лично видно по тексту повести Соллогуба: травелог в стратегии «понимания» ге- роем не создан, зато сам текст повести прекрасно соответствует тому, что мы называем «травелогом преодоления». Несмотря на все сказанное, автор не отка- зывается от идеи путешествия как значимого инструмента познания: «Умный ви- дит и становится умнее и тем уже приносит пользу. А дураков и в России не нужно... много и без путешествующих останется»²⁶⁷.

²⁶⁷ Там же С. 127

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Травелог как историографический феномен входит в исследовательский обиход только в последней четверти XX века. Можно выделить два основных подхода к изучению травелога. Первый – сосредоточен на изучении фактографической стороны текста. В зависимости от позиции исследователя вычленяются исторические, культурологические, географические, естественнонаучные аспекты приведенных в тексте описаний, при этом текст в целостном понимании остается вне области исследовательского интереса. Второй подход подразумевает изучение отдельной группы путешествий или текста отдельного путешественника. При таком подходе сущность травелога не может быть раскрыта в достаточной мере, поскольку акцент делается на выявлении целей и задач авторов, а не на причинах трансформаций, повлиявших на возникновение жанра и развитие его особенностей. Недостатки первого подхода были преодолены путем смещения предмета исследования от внешних реалий, обуславливающих ангажированность исследователя, к тексту, эти реалии репрезентирующему. Это позволило сосредоточить внимание на феномене травелога как текста, что, в свою очередь, позволило включить в исследовательский корпус источники, ранее не подвергавшиеся сопоставительному анализу, в том числе не переведенные на русский язык и не используемые в историографической практике.

Нацеленность на анализ категорий пространства и времени потребовала привлечения широкой базы теоретических работ, связанных с рецепцией этих явлений участниками исторического процесса. Данный подход позволил установить зависимость между естественнонаучной парадигмой, авторскими задачами и стратегиями репрезентации образов пространства и времени в тексте, что, в свою очередь, не могло обойтись без разработки специальных инструментов, давших возможность выявить и дифференцировать различные формы травелога. Ключевой особенностью травелога является его нацеленность на фиксацию внешнего, а категории пространства-времени – главными сюжетобразующими факторами текста. Повествование чаще всего идет от первого лица и сосредоточено на пере-

движении героя, воспринимающего пространство и репрезентирующего свое представление о нем. Ключевая характеристика травелога состоит в том, что автор накладывает пространство на определенную схему, шаблон, позволяющий осуществить фиксацию реальности. Выявление этой модели есть первый шаг при анализе травелога. Фиксация образов времени или темпоральных характеристик наблюдаемого связывает категории пространства и времени в единый пласт. Образы пространства выделяются за счет соотношения с сеткой, формируемой путем символического отождествления локуса с явлением или метафорой прошлого, приписываемой данной местности. Выделение и фиксация локусов возможна только с учетом модели рецепции характерной для данного текста.

В качестве рабочего инструмента разработаны две схемы, позволяющие выявить характерные особенности репрезентации пространства-времени в тексте и структурировать базу травелогов на основании выявленных черт. В первой схеме делается акцент на когнитивно-риторических стратегиях репрезентации пространства-времени. Выделяются три основные парадигмы рецепции – мифопоэтическая, механистическая, органицистская и соответствующие им инструменты познания – воображение, эмпирика, душа. Вторая схема основана на телеологических предпосылках передвижения героя и содержит четыре стратегии – преодоление, освоение, изучение, понимание. Благодаря этим схемам нам удалось выявить ряд неочевидных параллелей между текстами путешественников. Было замечено, что позиция «освоения» и «изучения» соответствует механистической научной парадигме, а позиция «понимания» – органицистской. Позиция «преодоления» характерна как для донаучных текстов, так и для художественных произведений. Отмечено, что каждой из позиций соответствует определенная метафора, которая является преобладающей в соответствующем травелоге. Для «преодоления» – это «жизнь», для «освоения» – «история», для изучения – «истина», для понимания – «красота».

Использование данных схем в качестве исследовательского инструмента позволило систематизировать и упорядочить полученные результаты, выявить

закономерности в репрезентации образов пространства и времени у разных авторов.

Когнитивно-риторические стратегии репрезентации пространства-времени

Название стратегии	Ключевой инструмент познания
Мифопоэтическая	Воображение
Механистическая	Эмпирика
Органицистская	Душа

Телеологические стратегии репрезентации пространства-времени

Название стратегии	Метафора целеполагания
Преодоление	Жизнь
Освоение	История
Изучение	Истина
Понимание	Красота

Мифопоэтическая модель восприятия характерна в первую очередь для народов, в культуре которых отсутствуют единые конвенциональные стратегии репрезентации образов пространства-времени. Герой сталкивается с чуждой средой, враждебной в силу отсутствия устойчивых описательных метафор. С распространением христианства многие черты, характерные для мифопоэтического восприятия сохраняются, но в то же время возникают и новые инструменты репрезентации, такие как геометрическое измерение конкретных объектов реальности и включение образов пространства в границы времени за счет отсылки к событиям, данным в священных текстах. Пространство, лишённое подобных отсылок, продолжает описываться с позиции преодоления, а воображение остается основным инструментом рецепции.

К XVII в. в Британии утверждается идея устойчивости и стабильности мира, что в свою очередь открывает новые пути фиксации образов пространства-времени. Мир по-прежнему воспринимается в качестве божественного творения, но наделяется собственной эпистемологической автономностью. Эмпирическое восприятие становится основным инструментом познания. Начинают собираться и изучаться материальные остатки прошлого, таким образом пространство начинает описываться как результат суммы прошедших событий. Утверждается механистическая модель восприятия реальности, а основными детерминирующими факторами создания травелогов выступают *освоение* (если путешествие санкционированно государством) и *изучение* (если путешествие санкционированно академическим учреждением). В 1610 году на английском языке выходит «Британия» Уильяма Кемдена. Собрания Хаклюйта и Перчейса дают англичанам возможность читать записки путешественников XVI века, собранные под одной обложкой. Популярность путешествий потребовала их теоретического осмысления. В двадцатых годах XVII века появляются работы Оуэна Фелтхама и Френсиса Бэкона. Путешествие в них выступает как один из важных инструментов познания. Антиквариаты исследуют регионы страны в поисках древностей, которые детально описывают, собиратели интересуются произведениями искусства или необычными вещами, найденными во время странствий. Путешествие в глазах британских авторов травелогов XVII века – оружие эмпирика, открывающее тайны мира, дающее возможность проникнуть вглубь истории, постичь загадки природы. Благодаря собирательству и возникновению музеев путешествие получило возможность локального закрепления, то есть для многих отпала необходимость совершать затратные поездки. В то же время деятельность антиквариатов расширила границы и возможности путешественника. Травелог трансформировался вместе с изменением представления о путешествии. В 1660 году Королевское общество публикует инструкцию для исследователей, регламентирующую содержание научного текста. Отчасти с этим связано возникновение травелогов, нацеленных на изучение отдельных пространственных и временных категорий. Истина в данных травелогах возводится в абсолют, а пристрастные свидетельства отбрасыва-

ются как ненаучные. В то же время начинают возникать и полностью вымышленные тексты, в которых пространство и время генерируются авторами по собственному усмотрению. Но установлено, что даже признавая фиктивность травелога, авторы не могут выйти за пределы парадигм восприятия пространства-времени, в которых они находятся. Многие ключевые художественные произведения этого времени созданы в формате травелога. В «Молль Флендерс» Д. Дефо повествование ведется от первого лица, события описываются линейно в порядке их происшествия, значительную часть романа составляют описания передвижения героини по стране.

В Российской империи активное распространение механистической репрезентативной стратегии происходит в XVIII в. в том числе в связи с деятельностью Академии наук. Описательные стратегии С. П. Крашенинникова, И. Лепехина, И. П. Фалька сопоставимы с теми, которые встречаются у британских антиквариев и путешественников первой половины XVII века. В текстах практически отсутствуют бытовые зарисовки и детализация авторских мыслей и чувств. Как правило описание сводится к фиксации топонимов, численности населения, материальных ресурсов, экономических особенностей территорий. В травелоге Г. Ф. Миллера «Путешествия по Московской провинции» также есть много черт, характерных для механистической парадигмы – первостепенное значение эмпирики, фиксация материальных следов прошлого, отсутствие бытовых зарисовок.

Можно сделать вывод, что труды антиквариев, академические травелоги и более поздние тексты Г. Ф. Миллера содержат ряд общих черт. Эмпирическое наблюдение и математическое исчисление выступают основными познавательными инструментами. Материальные следы прошлого упоминаются в контексте своего присутствия в настоящем. Мифы и предания фиксируются, но как пример отсталого взгляда на реальность. Как и в трудах британских путешественников важное место отводится фиксации топонимов, составлению словарей и выявлению этимологий. Это позволяет объединить данные травелоги по принципу рецептивно-репрезентационной стратегии в группу текстов, написанных в механистической парадигме.

В конце XVIII века в Российской империи происходит очередная трансформация репрезентативных стратегий, западный вариант которой рассмотрен на примере травелогов Л. Стерна и Ч. Морица. Некоторые исследователи связывают данную трансформацию с деятельностью Н. Карамзина. В работе показано, что Н. Карамзин является одним из носителей новой репрезентативной традиции, но не ее создателем, поскольку трансформации охватывают широкий круг культурных феноменов. На примере работы А. А. Федорова-Давыдова «Русский пейзаж XVIII – начала XX века» показано, что подобные трансформации происходят и в живописи.

Анализ и сопоставление травелогов Р. Цебрикова, М. Загоскина и Л. Стерна позволили выявить ряд характерных особенностей органицистской репрезентационной стратегии. В травелогах конца XVIII – первой половины XIX в. заметна трансформация авторских установок, сделавшая возможным смещение акцентов с вычленения и математически точного описания внешнего на фиксацию собственных ощущений и постоянной авторской рефлексии. Пространство теряет свойство независимого объекта, становясь полем для выражения субъективного отношения автора. В качестве инструмента познания в текстах названа душа. Травелог, составленный в данном ключе, соотносимы с органицистской научной парадигмой, а основным детерминирующим фактором выступает понимание. К середине XIX в. схемы механистического описания остаются только в научных кругах. Гражданский травелог, пользуясь все более индивидуальными моделями, становится сугубо персональным текстом. В случае если схемы репрезентаций отсутствуют, путешествие будет происходить в категории «преодоления», и травелог будет составлен соответствующим образом, что показано на примере художественного травелога В. А. Соллогуба «Тарантас». К середине XIX века пространство все чаще акцентируется в форме «воспоминания», а не как непосредственно наблюдаемое и независимое от автора явление, что позволяет констатировать наметившийся к этому времени кризис жанра травелогографии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

1. «Хождение» игумена Даниила // Памятники литературы Древней Руси. XII век. / подготовка текста Г. М. Прохорова – М., 1980. С.25-114.
2. Аничков Д. С. Религиозно-философские сочинения – М. - Берлин: Директ-Медиа, 2015. - 100 с.
3. Бэкон Ф. Сочинения в двух томах / пер. с англ. Н. Федоровой, Я. Боровского. – М.: Мысль, 1972 т.1. 593 с., т. 2. 579 с.
4. Гмелин И. Г. Путешествие по Сибири: 1733-1743 – репринтное издание 1751-1752 гг. – Спб.: Альфарет, 2009. В 4 т.
5. Гоголь Н. В. Духовная проза. – М., 1992
6. Декарт Р. Сочинения в двух томах / пер. с фр. И. Вдовиной. – М.: Мысль, 1989. т.1 659 с., т.2. 638 с.
7. Детское чтение для сердца и разума [в 20 ч.]. – М.: Унив. тип. у Н. Новикова, 1785-1789.
8. Дефо Д. Радости и горести знаменитой Молль Флендерс / пер. с англ. А. Франковский. – М.: Худ. Лит, 1991. – 319 с.
9. Загоскин М. Н. Полное собрание сочинений М. Н. Загоскина в двух томах. Изд. В. И. Губинского; С-Петербург; 1902. т. 2.
10. Записки путешествия академика Лепехина // Полное собрание ученых путешествий в восьми томах. – Спб; 1821. т. 3.
11. История российского образования в документах и материалах (XI - XVIII вв.) / сост., авт. предисл., ввод. ст. и примеч.: Рыжов А. Н., Гончаров М. А. – М.: Интеллект-Центр, 2012. – 591 с.
12. Карамзин Н. И. Исторические воспоминания, вместе с другими замечаниями, на пути к Троице и в самом монастыре // Вестник Европы. – 1802, № XV-XVI. С.287-304

13. Крашенинников С. Описание Камчатки // Полное собрание ученых путешествий в восьми томах – Спб., 1818. т.1. 529 с., 1819. т.2. 498 с.
14. Лепехин И. Записки путешествия академика Лепехина // Полное собрание ученых путешествий в восьми томах – Спб., 1821. т.3. 554 с., 1822. т.4. 440 с., 1823. т.5. 496 с.
15. Майков В. И. Избранные произведения. – М; Л.: Советский писатель, 1966. – 502 с.
16. Миллер Г. Ф. Путешествия по московской провинции // Академик Г. Ф. Миллер – первый исследователь Москвы и московской провинции / подготовка текста, статья С. С. Илизарова – М.: ИИЕТ, 1996. – 256 с.
17. Миллер Г. Ф. История Сибири. – М.; Л., 1937, т. I
18. Стерн Л. Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена. Сентиментальное путешествие по Франции и Италии. – М.: Художественная литература, 1968. – 687 с.
19. Соллогуб В. А. Тарантас. Путевые впечатления. – Спб., 1845
20. Татищев В. Н. Лексикон российский, исторический, географический, политический и гражданский: в 3 ч. – репринтное издание 1793 г. – СПб.: Альфарет, 2008. – 762 с.
21. Цебриков Р. М. Путешествие из Петербурга в Харьков // Серия «Джерелознавчі зошити»: тетрадь 5 / сост. Автор вступ. Статті и комментарии В. Ю. Иващенко. – Х., 2013. – 236 с.
22. Фальк И. П. Записки путешествия академика Фалька // Полное собрание ученых путешествий в восьми томах – Спб.: 1824. т.6. 560 с.
23. Юм Д. Англия под властью дома Стюартов / Давид Юм; пер. с англ. А. Васильева. – СПб.: Алетейа, 2001. Т. 1
24. Boyle R. General Heads for a Natural History of a Countrey, Great or Small, Imparted Likewise by Mr. Boyle // Philosophical Transactions. – 1665. Vol. 1, P. 186-189
25. Camden W. Britain, or, a Chorographicall Description of the most flourishing Kingdomes, England, Scotland, and Ireland // A Vision of Britain

trough Time [Электронный ресурс] – Электрон. данные. – London: George Bishop and John Norton, 1610-. – Режим доступа: <http://www.visionofbritain.org.uk/travellers/Camden>, свободный. – Данные соответствуют 01.11.2017

26. Carew R. The Survey of Cornwall / Richard Carew. – London. 1769 P. 342

27. Defoe D. Moll Flanders / Daniel Defoe. – Oxford University Press, 1998. P. 398

28. Earle J. Microcosmography or, A Piece of the World Discovered, in Essays and Characters / John Earle. – Albany Joel Munsell, 1867. – 280 p.

29. Faltham O. Resolves, Divine Moral and Political / Owen Feltham. – London: Pickering, 1840 – 334 p.

30. Fiennes C., Through England on a Side Saddle in the Time of William and Mary // A Vision of Britain trough Time [Электронный ресурс] – Электрон. данные. – London. The Leaden hall Press, 1888-. – Режим доступа: <http://www.visionofbritain.org.uk/travellers/Fiennes>, свободный. – Данные соответствуют 01.12.2017

31. Jaucourt, Louis, chevalier de. "Travel." The Encyclopedia of Diderot & d'Alembert Collaborative Translation Project. Translated by Nelly S. Hoyt and Thomas Cassirer. Ann Arbor: Michigan Publishing, University of Michigan Library, 2003. Web. 10.05.2017 <<http://hdl.handle.net/2027/spo.did2222.0000.169>>. Trans. of "Voyage," Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers, vol. 17. Paris, 1765

32. Hakluyt R. Voyages and Discoveries. The Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation / Richard Hakluyt. – London: Penguin Books, 1985. – 656 p.

33. Lambarde W. A Preambulation of Kent, Containing The Description, Historie, and Customs of That Shire / William Lambarde. – London, 1826 – 542 p.

34. Lhuyd E. Archaeologia Britannica: an Account of the Languages, Histories and Customs of Great Britain, from Travels through Wales, Cornwall, Bas-Bretagne, Ireland and Scotland / Edward Lhuyd. – Oxford, 1707. – 443 p.
35. Moritz Karl. Travels in England in 1782. – London: Cassell and Company, 1886
36. Tylor J. Wanderings to See The Wonders of The West / John Tylor. – Yeree, 1649 – 24 p.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Антонов Д. И., Майзульс М. Р. «Анатомия ада: Путеводитель по визуальной древнерусской демонологии» – М.: ФОРУМ; НЕОЛИТ, 2014. – 240 с.
2. Асмус В.Ф. Проблема интуиции в философии и математике (Очерк истории: XVII — начало XX в.) – М.: Мысль, 1965.
3. Балла О. Нефотографизмы: преодоление травелога // Homo Legens. – 2013. №4
4. Барт Р. Основы семиологии // Структурализм: «за» и «против». / Сб. статей под ред. Е. Я. Басина и М. Я. Полякова – М.: Прогресс, 1975. С.193-231
5. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики – М.: Худож. лит., 1975. С.120-290
6. Бондарева А. Литература скитаний. // Октябрь. – 2012. № 7
7. Вжосек В. Культура и историческая истина / Войцех Вжосек. – М.: Кругъ, 2012. – 336 с.
8. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. – М.: Новое литературное обозрение, 2003
9. Гайденок П. П. Эволюция понятия науки: Становление и развитие первых научных программ. М.: Наука, 1980. – 568 с.

10. Гайденоко П. П. Эволюция понятия науки (XVII – XVIII): Формирование научных программ Нового времени. – М., 1987. – 448 с.
11. Греков В. И. Очерки по истории русских географических исследований в 1725-1765 гг. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1960
12. Даркевич В. П. Аргонавты средневековья – М.: Наука, 1976. – 198 с.
13. Доманска Э. Философия истории после постмодернизма. – «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2010. – 400 с.
14. Елистратова А. Английский роман эпохи Просвещения / Анна Елистратова. – М.: Наука, 1966
15. Замятин Д. Н. Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук // Социологическое обозрение. – Спб.: 2010. Т. 9. № 3. С. 26-50
16. Замятин Д. Н. Метагеографические оси Евразии – Полис. Политические исследования. 2010. № 4. С. 22-47
17. Замятин Д. Н. Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук // Социологическое обозрение. – 2010. Т. 9. № 3.
18. Замятин Д.Н. В поисках удаляющихся пространств: историческая география и онтологические модели воображения // Книга картины Земли. Сборник статей в честь Ирины Геннадиевны Коноваловой – М.: Издательство «Индрик», 2014 – 352 с.
19. Зверева В. В. Представление прошлого в трудах английских антикваров XVII в. // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени / Под ред. Л.П. Репиной. – М. 2003. С. 223-241
20. Зверева В. В. «Изобретение» естественной истории в интеллектуальных сообществах натуралистов XVI века // Диалог со временем. 2011. Вып. 36. С. 9-34.
21. Казаков Р. Б. Приемы историописания в исторических сочинениях Н. М. Карамзина – Высшая шк. экономики Нац. исслед. ун-т, 2013

22. Канарш Г. Ю. Идея органицизма в современных исследованиях человека и общества // Знание. Понимание. Умение. 2015. №2. С.50-60
23. Кивельсон В. Картографии царства: Земля и ее значения в России XVII века – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 360 с.
24. Киселева М. С. Интеллектуальный выбор России второй половины XVII — начала XVIII века: от древнерусской книжности к европейской учености – М.: Прогресс-Традиция, 2011. – 472 с.
25. Койре А. Очерки истории философской мысли / Александр Койре. – М.: Прогресс, 1985. – 271 с.
26. Коновалова И. Г. Историческая география на междисциплинарных перекрестках // Историческая География. Том 2 / Отв. ред. И.Г. Коновалова. – М.: Аквилон, 2014. – 560 с.
27. Корчинский А. В. Форманты мысли. Литература и философский дискурс. – М.: Языки славянской культуры, 2015. – 288 с.
28. Кузнецова Н. И. Социокультурные проблемы формирования науки в России (XVIII- сер. XIXвв.) – М.: ИИЕТ, 1998
29. Кэмпбелл Д. Тысячеликий герой. – М.: АСТ, 1997. – 384 с.
30. Лабутина Т. Л. Воспитание и образование англичанки в XVII в. / Татьяна Лабутина. – СПб.: Алетейа, 2001
31. Лисович И. Скальпель разума и крылья воображения. Научные дискурсы в английской культуре раннего Нового времени – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 440 с.
32. Ло Дж. После метода: беспорядок и социальная наука. – М.: Изд-во Института. Гайдара, 2015. – 352 с.
33. Майга А. А. Литературный травелог: специфика жанра. // Филология и культура – Выпуск № 3 (37). 2014. С.254-259.
34. Малиновский Б. Магия, наука и религия. – М., 1998
35. Мамуркина О. В. Травелог в русской литературе XVIII – нач. XIX в.: трансформация эстетической парадигмы // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведении и культурологии: материалы

XXV международной заочной научно-практической конференции. – Новосибирск: СибАК, 2013. – С. 199-205

36. Материалы для истории экспедиций Академии Наук в XVIII и XIX веках: Хронологические обзоры и описание архивных материалов / Сост. В.Ф. Гнучева; под общ. ред. В.Л. Комарова; редакторы Л.С. Берг, Б.Д. Греков, Г.А. Князев (отв. ред.), Л.Б. Модзалевский. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940

37. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа – М.: «Восточная литература» РАН, 2000. – 404 с.

38. Милюгина Е. Г., Строганов М.В. Русская культура в зеркале путешествий: монография / Твер. гос. ун-т, 2013 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rfh.ru/downloads/Books/134493002.pdf>. – (Дата обращения: 10.01.16)

39. Милюгина Е. Г., Строганов М. В. Личность автора-путешественника в травелогe нового времени // Культура и текст. – 2014. №3

40. Милюгина Е. Г., Строганов М. В. Путешествия по российским рекам: травелог нового времени // Quaestio Rossica – 2015. №2. С. 106–116

41. Никитина Н. А., Тулякова Н. А. Жанр травелога: когнитивная модель // Homo Loquens: Актуальные вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. – 2013. С. 132-138

42. Мегилл А. Историческая эпистемология. – М.: «Канон+», РО-ОИ «Реабилитация», 2007. – 480 с.

43. От лингвистики к мифу: лингвистическая культурология в поисках "этнической ментальности": сборник статей / сост. А. В. Павлова. – СПб.: Антология, 2013. – 352 с.

44. Потапова Н. Лингвистический поворот в историографии. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. – 380 с.

45. Прожилов А. В. Лингвоконцептология, неогумбольдтианство и этностереотипы // От лингвистики к мифу: лингвистическая культурология в поисках "этнической ментальности": сборник статей / сост. А. В. Павлова. – СПб.: Антология, 2013. С. 263-278.

46. Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX – XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. – М., 2011. – 560 с.
47. Ромащенко Л. И. Герард Фридрих Миллер: портрет исторический и художественный // "О Камчатке и странах, которые в соседстве с нею находятся..." : материалы XXVIII Крашенник. чтений / М-во культуры Камч. края, Камч. краевая науч. б-ка им. С. П. Крашенинникова. – Петропавловск-Камчатский, 2011. – С. 167-171.
48. Русакова О. Ф., Русаков В. М. Дискурс травелога. // Сборник статей. Екатеринбург, ИМС – Издательский дом «Дискурс-Пи», 2008. – 184 с.
49. Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время. В поисках утраченного. – М.: «Языки русской культуры», 1997. – 800 с.
50. Серто Мишель де. Изобретение повседневности. Искусство делать / Пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной – Спб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. – 330 с.
51. Сивков К. В. Путешествия русских людей за границу в XVIII веке. – Спб., 1914
52. Сопиков В. Опыт российской библиографии. – М. 1816
53. Сорочан А. Туда и обратно: Новые исследования литературы путешествий и методология гуманитарной науки // НЛО. – №112, 2011
54. Старцев А. В. Грани повседневности // Города Сибири XVII - начала XX в. Выпуск 2. История повседневности: Сборник научных статей / Под ред. В.А. Скубневского, Ю.М. Гончарова. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. – 230 с.
55. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. / Отв. ред. А. О. Чубарьян – М.: Аквилон, 2014. – 576 с.
56. Топоров В. Н. Первобытные представления о мире (общий взгляд). Очерки истории естественно-научных знаний в древности – М. 1982
57. Топоров В. Н. Модель мира Мифы народов мира: Энциклопедия. – М., 1980. т. 2. С.161-166
58. Троицкий Ю. Л. Историческая компаративистика: эпистемология и дискурс // Диалог со временем. 2010. №30 С. 26-32

59. Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 528 с.
60. Уткина Н. Ф. Естественнонаучный материализм в России XVIII века – М.: Наука, 1971. – 199 с.
61. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти, сексуальности. М.: Касталь, 1996. – 448 с.
62. Фуко М. Что такое Просвещение? // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. – М., 1999. № 2. С. 132-149
63. Федоров-Давыдов. А. А. Русский пейзаж XVIII – начала XX века. Исследования. Очерки – М.: Советский художник, 1986. – 304 с.
64. Цивьян Т. В. Путешествие Одиссея – движение по лабиринту // Сб. статей «Концепт движения в языке и культуре» отв. ред. Агапкина Т. А. – М.: ИНДРИК, 1996. С.306-324
65. Чеканцева З. А. Время историческое. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. / Отв. ред. А.О. Чубарьян. – М., 2014, С. 59-60
66. Шёнле А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий . 1790 – 1840 / Перевод с англ. Д. Соловьева – СПб.: Академический проект, 2004 – 272 с.
67. Эко У. Записки на полях имени Розы. – М.: Симпозиум, 2007. – 98 с.
68. Эткинд А. Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах / Александр Эткинд. – М.: Новое литературное обозрение, 2001
- 69.
70. Baldick C. The Oxford Dictionary of Literary Terms. – OUP Oxford, 2008. – 340 p.
71. Mencken H. L. The American Language: An Inquiry into the Development of English in the United States – Knopf, 1984. – 816 p.
72. Skinner Q. Meaning and Understanding in the History of Ideas//History and Theory – 1969. Vol. 8, No.1 – 53 p.
73. Thompson C. Travel writing. (The new crucial idiom) – Routledge, 2011. – 240 p.

74. Youngs T. *The Cambridge Introduction to Travel Writing* – Cambridge University Press, 2013. – 256 p.
75. Baker J. N. L. Nathanael Carpenter and English Geography in the Seventeenth Century // *The Geographical Journal*. – 1928. Vol. 71, No. 3. P. 261-271.
76. Bohls E. *Travel Writing 1700-1830* / Elizabeth A. Bohls. – Oxford University Press, 2005. – 562 p.
77. Burke P. Images as Evidence in Seventeenth-Century Europe // *Journal of the History of Ideas*. – 2003. Vol. 64, No. 2. P. 273-296.
78. Chaix P. England Two Hundred Years Ago // *Journal of the American Geographical Society of New York*. – 1890. Vol. 22, P. 56-83.
79. Crane N. *Great British Journeys* / Nicholas Crane. – Phoenix, 2009. – 307 p.
80. Davis W. *A Journey Round the Library of a Bibliomaniac: Or, Cento of Notes and Reminiscences Concerning Rare, Curious, and Valuable Books* / William Davis. – London, 1821. – 229 p.
81. Gilbert E. Geographie Is Better Than Divinity // *The Geographical Journal*. – 1962. Vol. 128, No. 4. P. 494-497.
82. Helfers J. The Explorer or the Pilgrim? Modern Critical Opinion and the Editorial Methods of Richard Hakluyt and Samuel Purchas // *Studies in Philology*. – 1997. Vol. 94, No. 2. P. 160-186.
83. Demaray G. *From Pilgrimage to History / The Renaissance and Global Historicism*. – New York: AMS Press, 2006. – 250 p.
84. Moir E. *The Discovery of Britain: The English Tourists 1540-1840* / Esther Moir. – Routledge, 2013 – 152 p.
85. Parks G. John Evelyn and the Art of Travel // *Parks University of California Press*. – 1947. Vol. 10, No. 3. P. 251-276.
86. Shapiro B. *A Culture of Fact. England 1550–1720* / Barbara Shapiro. – Cornell University Press, 2000. – 296 p.
87. Smith P., Findlen P. *Merchants and Marvels. Commerce, Science, and Art in Early Modern Europe* / Pamela H. Smith, Paula Findlen. – London: Routledge, 2002. – 418 p.

88. Swann M. *Curiosities and Texts: The Culture of Collecting in Early Modern England* / Marjorie Swann. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2001. – 280 p.

89. Taylor E. G. R. *Samuel Purchas* // *The Geographical Journal*. – 1930. Vol. 75, No. 6. P. 536-539.

90. Vaughan A. *William Strachey's "True Reportory" and Shakespeare: A Closer Look at the Evidence* // *Shakespeare Quarterly*. – 2008. Vol. 59, No. 3. P. 245-273.

91. Wood J. *Hakluytus Posthumus, or Purchas his Pilgrimes, Contayning a History of the World, in Sea Voyages, & Lande Travels, by Englishmen and others* / Dr. James Robert Wood // *Reading East* [электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Trinity College Dublin. – Режим доступа: <http://www.ucd.ie/readingeast/essay3.html>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 10.02.2017

92. W. F. *Early Travel* // *The Geographical Journal*. – 1907. Vol. 30, No. 4. P. 434-435

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Mencken H. L. *The American Language: An Inquiry into the Development of English in the United States*, 4th Edition Knopf, 1984. – 816 p. PP. 171-172.

В 1904 мы планировали вторжение в Лондон с курсом *лекций* – слово, устрашающее потенциальных слушателей²⁶⁸. Мой покойный ныне менеджер Луис Френсис Браун был страшно обеспокоен, чем довел себя до болезни. Выйдя из бредового состояния, вызванного пневмонией, он пробормотал: «Эврика! Травелог!». Мы начали использовать этот термин в рекламной компании. Позже покойный д-р Р. Р. Боукер (R. R. Bowker) написал нам, что стал приемником нового слова и приложил рекламки (circulars) с прошедшего мероприятия: «Каждая из лекций д-р Боукера является травелогом...». Прежде он этого слова не использовал. Мы тоже никогда не сталкивались с ним прежде. Мы были первыми, кто предал это слово огласке. Вскоре оно широко распространилось, а мы от него отказались в пользу «отчета о путешествии» (travel-revue), «путешествий на экране» (screen-journey) и прочих нововведений. Я слышал о пианологах (pianologes), натурологах (natureloges) и других безделках». Далее Генри Менкен замечает: «Похоже, мистер Холмс ошибся с датой своего лондонского дебюта. В дополнении к оксфордскому словарю приводится следующая строчка из «the London Daily Chronicle» от 16 апреля 1903 г.: «Мистер Бертон Холмс американский артист прошлым вечером впервые в Лондоне представил первую серию травелогов».

²⁶⁸ Одно из определений слова *lecture* – долгая серьезная беседа, часто нравоучительного характера (Oxford Advanced Learner's Dictionary)

Приложение 2

Camden W. Britain, or, a Chorographical Description of the most flourishing-Kingdomes, England, Scotland, and Ireland / William Camden - London: George Bishop and John Norton, 1610 (The Author to the Reader)

Автор к читателю:

1. Я надеюсь, если я использую те же слова, что и двадцать четыре года назад во введении первого издания данной работы, это не вызовет нареканий. Абрахам Ортелиус достойный человек, реставратор античной географии прибыл в Англию около тридцати четырех лет назад, убедив меня, что я должен иллюстрировать «Британию» или, как он сказал, собрать древности в «Британии», открыв Британии ее древности. Что, как я понял, означало возможность показать всем древние произведения, рассеять тьму, развеять сомнения и призвать к восстановлению истины, которая из-за пренебрежения авторов и общей доверчивости была в некотором смысле запрещена и практически изгнана из наших земель. Уверяю вас, это болезненная и более чем трудная тема. Каким бы не был труд для бездумного и неверующего, он стал для меня испытанием. Но как бы трудности не отпугивали меня, слава моей страны наполняла меня мужеством. В одно и то же время я был напуган своим бременем и страстно желал послужить Отечеству. Я обнаружил в себе два противоположных чувства – страх и смелость, непонятно как уживавшихся во мне. Вопреки всему, неисповедимыми путями Всемогущего, взявшегося сопровождать меня, я решился на это, и после долгих занятий, размышлений, боли и трудностей взялся за дело, когда к тому же у меня совсем не было свободного времени. Я робко взялся за изучение этимологии Британии и первых ее жителей. Я не сомневался, что должен все достоверно подтвердить. Ведь я не отрицал, что первые жители Британии остаются в тени по причине их глубокой древности, как глубоко заложенные вещи. В то время как течения и притоки великих рек хорошо изучены, их истоки и устья остаются неизвестны. Я кратко пробежал историю римской государственности в Британии и заселение ее иностранцами. Кем они были и откуда пришли? Я проследил древние корни их

королевств, кратко классифицировал государства и дворы. В некоторых графствах я сжато указываю границы (и все же не точно - полями и вехами, оставляя вопросы). Я описываю природу почв, места сосредоточения древностей, привожу имена герцогов, маркизов, графов, виконтов, баронов и некоторых наиболее показательных и старейших семейств (кто бы смог упомянуть все!?). Людям оценивать мою работу, но время, самый искренний свидетель, откроет правду, когда рот зависти, преследующей жизнь, будет закрыт. Нужно сказать, что я не пренебрегал ничем, что помогало находить и просеивать истину. Я достиг некоторого успеха в древних британских и англо-саксонских языках, я путешествовал по основным частям Англии, я общался с самыми опытными наблюдателями в различных графствах, я усердно читал наших собственных авторов, старых и новых, всех греческих и латинских авторов, упоминавших о Британии. Я совещался с учеными людьми в других частях христианского мира, был аккуратен в изучении записей. Я побывал в различных библиотеках, архивах и хранилищах церквей, городов и корпораций. Я просмотрел множество древних свитков и свидетельств и, когда требовалось, доказывал их справедливость (без каких-либо оговорок), их собственными словами (какими бы варварскими они не были), что свет истины может быть оспорен и глупцом.

10. И еще одну деталь я должен упомянуть во введении. Выполнение работы заняло у меня годы усердного поиска правды и искренней веры в славу Бога и моей страны. Я не оскорбил ни одной нации, не унизил ни одного имени, не испортил ни одной репутации, не лишился доверия. Джефри Монмутский, чью историю я с удовольствием поддерживаю, и тот подозреваем среди рассуждающих. Никогда я не был убежден в своем знании, я только желал знать многое. Также я охотно признаю, что вполне мог ошибаться и не буду оправдывать или смягчать свои ошибки. Разве тот, кто стреляет день напролет, всегда попадает в цель? Многие в этом труде «раскопано под обманчивым пеплом». Здесь могут быть и ошибки памяти, ибо кто столь детален в частностях сокровищницы его памяти, что может доставать их для своего удовольствия? Могут быть ошибки – награда

за мою неопытность, ибо кто так опытен, что, сражаясь со временем в тумане мрачного моря древности, не наскочил на скалы.

Возможно, я был обманут моим доверием к авторам и тем, кого я чтил более правдивыми, кому верил более всего. Как говорил Плиний, нет истины, проще ускользающей от правды, чем могила автора, основанная на лжи. Другие могут быть более опытны и более сведущи в особенностях определенных мест. Если они сообщат мне о неточностях, я буду благодарен и исправлю все ошибки. Если же они сообщат о фактах, которые я невольно упустил, я добавлю их. Если я не полностью изложил какой-нибудь аспект, я углублю его, если это будет кому-либо угодно по доброй воле, а не из желания поспорить, которое затеняет истину.

Между тем, позволим вашей любезной учтивости, моему делу, общей любви к нашей матери – Родине, древней славе британского имени получить сверх их молитв. Я могу высказать приговор без предубеждения к другим, могу проследовать там же, где прежде шли другие со схожими аргументами, и, надеясь на вашу разумность и беспристрастность, верю, что вы простите мне ошибку относительно моего признания. Так проследуем вперед не ради беспричинного и худшего сорта, который вгрызается за столами, как в тело на сектантской молельне, завидует, огрызается, клеветает. Ведь я прочел у поэта-комика, что клевета – это сокровище дураков, которое они берегут на своих языках, и я уверен, что зависть не сидит (я скажу это, хотя она стоит у моего локтя) нигде, только в павших, безызвестных, подлых умах. Благородные, славные и знатные натуры питают отвращение к зависти и не могут завидовать. Что до меня и этого труда, то я смиренно подчиняюсь осуждению честных и образованных, со всем уважением, если мой труд и не будет одобрен, я надеюсь в награду за мою нескрываемую любовь к нашей Родине, я смогу быть прощен. В добрый путь.

Приложение 3

Faltham O. Resolves, Divine Moral and Political / Owen Feltham. - London: Pickering, 1840. P.194-196 (Of Travel)

О путешествии.

Александру часто приписывают фразу, что он своими глазами увидел больше, чем другие короли представили в мыслях. Так он говорил о своем путешествии. Нет карты подобной личному осмотру страны. Опыт – лучший советчик, и одно путешествие может дать человеку больше, чем дадут любые описания. Часто что-то не позволяет людям вырваться из укрытия своей страны. Клавдий упоминает, что счастье – это родиться, жить и умереть в одном приходе. Но я уверен, - путешествие наполняет человека. Тот прожил жизнь запертым в сундуке, кто видел только одну землю. Королевство мира – это объединение королевств – любой может жить в нем, оставаясь плохо воспитанным человеком. Тот же кто откроет другие нации, станет джентльменом мира. Учение, честь и путешествие – составляющие человека, позволяющие дополнить мудрость одной страны добродетелями другой. Оно, как Митридат, является и прекрасной микстурой, и противоядием. Италия, Англия, Франция и Испания – как королевские дворы мира, Германия, Дания и Китай – как города. Остальные – деревни и земли варваров; кто не видел лучшего в них, мало потерял.

Все же я не считаю, что каждый должен путешествовать. Путешествие делает мудрого человека лучше, а глупца хуже. Глупец не получает ничего, кроме веселых пейзажей, пороков, экзотической мимики и деревенского кривляния. Дурак, который путешествует, – позор для всех наций. Он позорит свою нацию слабостями и другие нации, - привозя домой их пороки. Он разбалтывает домашние грехи и провозит их через моря. Чтобы человек проявил себя в путешествии, должно запомнить: отмечай плохое так же, как хорошее, чтобы впоследствии избегать этого. Если не записывать такие вещи, они не принесут пользы. Человек не представляет, как прочно закрепляется мысль на бумаге. Недаром говорят – *Littera scripta manet* (Написанное слово остается). Кто сделал это, может при желании вновь совершать свое путешествие, сидя в своем кабинете. Серьезные натуры

– лучшие путешественники. Они менее склонны отмечать мелочи, делая ставку на более важные вещи, но они обязаны принимать внешнюю свободу с инквизиторской беззаботностью. Хорошо, когда государство имеет определенное число молодежи из знати и джентри, которых по достижению ими совершеннолетия, отправляет за границу для обучения. Родители не могут лучше распорядиться ими, чем посвятив их республике. Они сами не найдут более ясного пути к повышению. И, несомненно, они сослужат лучшую службу своей стране, вернувшись, хорошо знакомые с миром, с языками, разбираясь в людях, что для политики и дипломатии, гораздо важнее, чем изучение книг и неглубоких, и непознавательных. Будучи за границей, нужно общаться с лучшими, выбирая не по виду, а по славе. Государственным делам нужно учиться при дворе, торговле – у купцов, религиозным обрядам – у клерков, управлению – у юристов, а с деревенскими и сельскими делами лучше всего ознакомят вас сельские простаки и крестьяне. Все редкости должны быть осмотрены, особенно древние, ведь они показывают нам мастерство былых времен, являясь одновременно и примером, и инструкцией. Сравнивая их с новейшими изобретениями, мы видим, как расцветают способности и знания мира. Но, главное, ищите редких людей. Нет памятника бесценнее, чем достойный живой человек. Мы обязательно найдем в нем что-то, что зажжет наш дух и наш разум почтением и стремлением сравняться с ним в добродетели. Никакие экстраординарные заметки не будут затеряны, но будут светиться в языке и поведении, просвещая очарованного зрителя. Потому что вещи чаще усваиваются на примерах из жизни, душе легче впитать лучшее и улучшить себя с огромной пользой. Но человек, оценивающий достоверность по возвращении и наедине с собой – впустую тратит время. Некоторых людей путешествие не меняет никак, а некоторых меняет чрезвычайно. Действительно, порядки вне дома, где бы мы ни были, могут показаться лучше, чем закрепленные у нации, к которой мы причастны. Но куда бы я ни отправился, где бы ни остался, я никогда не изменю своему Богу, своим друзьям. Тот путешествует напрасно, кто меняет свою веру, свой язык, свои одежды.

Приложение 4

Fiennes C., *Through England on a Side Saddle in the Time of William and Mary* / Celia Fiennes. – London: The Leadenhall Press, 1888 (To the Reader)

К читателю:

Никогда не предполагалось, что моя работа попадет в руки кого-либо кроме близких родственников, поэтому нет особой нужды извинять или рекомендовать ее. Некоторые вещи могут быть занимательны и полезны, хотя и не для джентльменов, которые чаще путешествовали по Англии, оставались в местах дольше, могли заводить больше знакомств и получать больше информации. Мои странствия были начаты, чтобы восстановить здоровье разнообразием занятий и переменой воздуха. Что тому способствовало, то и преследовалось. Информацию о том, что ждет меня по пути, я узнавала в гостиницах или от знакомых, местные жители также снабжали меня сведениями для моей поездки. Думаю, необходимо заметить, что здоровье моего тела не позволяло моему сознанию быть полностью свободным, и после беседы я совершала обдумывание полученных сведений, к которым могла обратиться. Если в основном я беседовала свободно и просто, говорила и писала я соответственно моей болезни, так что не ждите точности или утонченности в этой книге, хотя какие-то украшения могут встречаться в описаниях, соответствующих изящному вкусу.

Почти без тщеславия может быть заявлено, что, если бы все – и леди, и, в первую очередь, джентльмены проводили часть времени в путешествиях по родной земле и были достаточно любопытны, чтобы учиться и оставлять заметки об архитектуре, производствах и мануфактурах, - в каждом месте, с разнообразными играми и развлечениями к которым они привыкли, разве нашлось бы лучшее средство исцеляющее или защищающее от эпидемии вредоносных испарений, должна ли я добавить - лености. Это бы формировало идею Англии, добавляло ей славы и почести в наших умах и исцеляло бы от дьявольского зуда – переоценки иностранных земель. По крайней мере, представило их как эквивалент для развлечения иностранцев или информирования их, ведь за пределами родной страны

они часто упрекают англичан в невежественности и в том, что мы чужестранцы среди себя самих. Более того, леди могут считать свои обозрения недостойными, как тему беседы, но иметь сведения о графстве, в котором они проживают. Леди могут быть полезны своим соседям, особенно бедным, среди которых они живут, что освободит их от нелегких раздумий - как избежать скуки дня, а время, когда под рукой нет ни карт, ни игр в кости, перестанет быть бременем, а моды и манеры иностранцев почти забудутся. Но куда больше это необходимо джентльменам, служащим своей стране дома или за границей, в городе или в деревне. Особенно служащим в парламенте необходимо знать и быть в курсе божественной природы и талантов местных жителей ради улучшения мануфактур и торговли, устраивающей каждого и вдобавок вдохновляющей все целеустремленные проекты. Это поможет им в проведении в жизнь всех законов, созданных на благо каждого, законов, поддерживающих привилегии обеспечивающих их сверх необходимости. Но к их стыду многое, если не все, будет отвергнуто от имени места, которому они служат в парламенте. Как же они могут говорить о распространении благ или возмещении убытков? Теперь я могу быть справедливо обвинена в попытке дать отчет о нашей конституции, обычаях, законах, предметах, находящихся далеко за пределами моего положения или способностей, но в данной работе я описала, что пришло мне на ум при наблюдении и чтении, или от связей с другими людьми, чьи сведения согласно моему принципу были дословно пересказаны. Но если я ошиблась где-либо, я легко соглашусь с исправлениями и добавлю эти исправления в приложение с отдельными замечаниями к книге. В заключение я хотела бы от всего сердца пожелать и рекомендовать всем, особенно моему собственному полу, изучать те вещи, которые ведут к улучшению разума и делают нашу жизнь приятнее и комфортнее, а также успешнее на всех участках и станциях, облегчают страдания, делают старость терпимее, смерть менее грозной и будущее счастливее.

Селия Файнес.

Приложение 5

Earle J. *Microcosmography or, A Piece of the World Discovered, in Essays and Characters* / John Earle. – Albany, Joel Munsell. 1867. P.18-19

Антикварий.

Это человек, до странности бережно относящийся к прошлому, враг своего желудка, хватающий пищу уже сгнившую и смердящую. Он один из тех, кто имеет противоестественную болезнь – влюбленность в старость и в морщины, и любит все (как немцы – сыр), что хорошенько покрылось плесенью и изъедено червями. Он человек нашего вероисповедания, потому что мы зовем его самым древним, а разбитая статуя делает его чуть ли не идолопоклонником. Огромное восхищение вызывает в нем налет на старых монументах. Читает же он только те письма, в которых время успело уничтожить буквы. Он будет рассуждать об этом до тех пор, пока совсем не забудет о своем путешествии. Его финансы состоят в основном из шекелей и римских монет, а изображений Цезаря у него гораздо больше, чем Якова или Елизаветы. Нищие надувают его с затхлыми вещами, которые они выгребли из навозных куч, а он хранит их тряпье как бесценную реликвию. Он любитель не столько библиотек, сколько мест, где пауков больше чем авторов, и смотрит с нескрываемым восторгом на паутину древних лет. Печатные книги он презирает как новшество последних лет, но манускрипты он готов изучать вечно, особенно если обложку хорошенько изъели мыши, а начало каждого слова скрыто пылью. Он готов отдать все изучаемые им книги (в том числе редкие) за один из старых римских переплетов или шесть строк Туллия, написанных его собственной рукой. Его комната обычно завешана странными звериными шкурами, наподобие склепа из необычных костей. А его рассказ о них, если вам однажды доведется его услышать, будет длиться очень долго. Каждый его наряд – это что-то давным-давно вышедшее из моды, а его шляпа – ровесница вавилонской башни. Он никогда не взглянет на себя, пока его волосы не поседеют, а после будет любоваться собственной древностью. Смерть не пугает его, ведь он будет покоиться в земле, а это роднит его с предками.

Приложение 6

Jaucourt, Louis, chevalier de. "Voyage," Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers". – Paris, 1765. vol. 17.

Великие люди древности считали, что путешествие является лучшей школой жизни. Оно знакомит нас с огромным количеством живых существ, открывая все новые и новые страницы великой книги мироздания. Кроме того, перемена климата благоприятна для ума и для тела.

Выдающиеся умы Греции и Рима отдавали годы жизни на изучение этой книги. Гомер, Ликург, Солон, Пифагор, Демокрит, Евдоксий, Платон и, конечно, Диодор Сицилийский. Страбон сообщает, о месте, которое долгое время вспоминали в Египте, где Платон и Евдоксий совершенствовали свои знания, общаясь с местными священниками, владеющими тайнами преломления и отражения света.

Аристотель пропутешествовал со своим учеником Александром через всю Персию и некоторые страны Азии, вплоть до Ганга. Цицерон называет Ксенократа, Крантора, Аркесилавса, Карнеада, Панеция, Клитомаха, Фила, Посейдония и прочих среди выдающихся людей, обогативших свои страны знаниями, почерпнутыми во время путешествий.

Сегодня путешествие к любой из цивилизованных европейских стран (не говоря о морских плаваниях) расценивается просвещенными людьми как ключевая составляющая в образовании молодежи и старшего поколения. При прочих равных, нация, имеющая хорошее правление, где дворяне и успешные люди путешествуют, имеет преимущество над нацией, где такой вид образования отсутствует. Путешественники развивают свой ум, обогащают его знаниями, избавляются от национальных предрассудков. Это знание не может быть заменено книжками или сведениями, полученными другими людьми. Люди, места и вещи должны оцениваться самостоятельно.

Таким образом становится ясным, что в первую очередь внимание путешественника заслуживают – манеры, обычаи, «гении наций», преобладающие вкусы, искусства, науки, производства и торговля.

Такие наблюдения ума, передаваемые от отца к сыну, могут дать огромное количество информации о сильных и слабых сторонах людей, переменах в их обычаях и нравах, в торговле, законах, войне, мире, богатстве, бедности, дать сведения о новых правителях.

Например, одна страна, расположенная за Альпами, заслуживает внимания стран, где образование связано с развитием литературы. Стоит кому-либо пересечь границу Галлии, как на дороге из Римини в Цезенну встречается выгравированный в мраморе, знаменитый эдикт сената, который сулит несчастья и обвиняет в кощунстве любого, кто с армией, легионом или когортой перейдет Рубикон, известный сегодня как Писателло.

Как мне известно, современная Италия предлагает для обозрения лишь руины, остатки былой роскоши. Но и эти руины все еще важны для нас. Здесь по-прежнему встречаются древности разных типов, фрагменты произведений изящных искусств, принадлежащих мудрой нации. Одним словом, невозможно вдоволь налюбоваться осколками римского мрамора.

И все же суть путешествия состоит не в том, чтобы, следуя словам Монтеня, измерять как много футов в Санта Ротонде или насколько больше лицо Нерона на руине, чем на медали, важно освежать и заострять один ум против другого. В данном случае мы можем сравнивать людей древности и наших современников. Уделяй внимание произошедшим переменам и наблюдай города прекрасной страны, некогда переполненные людьми, а теперь пустынные и оттого захватывающие, кажущиеся всего лишь точками на фоне великих городов, о которых так много говорит история.